

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

ЗЛАЯ РУСЬ

ЗИМА 1238

ДАНИИЛ КАЛИНИН

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

ЗЛАЯ РУСЬ

ЗИМА 1238

ДАНИИЛ КАЛИНИН

Annotation

Тумены Бури, Бурундая и Кадана разбиты и рассеяны, Пронск и Ижеславец пережили несколько штурмов и выстояли благодаря самоотверженности русичей и смекалке Егора! Но четыре тумена Бату-хана уже осадили Рязань, китайские инженеры уже строят требушеты-манжаники и вихревые катапульты для решительного штурма города... А к Переяславлю-Рязанскому спешат по льду Оки три тумена лучшего монгольского полководца Субэдэя! Спешат навстречу рати великого Владимирского княжества, следующей от Коломны на помощь рязанцам...

- [Даниил Калинин](#)

-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Эпилог](#)
-

Даниил Калинин
Злая Русь. Зима 1238

Серия «Военная боевая фантастика»
Выпуск 42

Ленинград
издательский дом

© Даниил Калинин, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

– Нойон! Наши передовые разъезды докладывают: впереди показалась крепость орусутов. А перед ней строится большая рать врага!

Давно уже переступивший порог зрелости Субэдэй-багатур лишь скупно улыбнулся. Цель стремительного броска трех его туменов по льду широкой, полноводной летом Оки наконец-то замаячила впереди! И сподвижник, и военачальник великого Чингис-хана задышал часто и радостно: скоро битва! Победитель китайцев, меркитов, гулямов Хорезма, кипчаков, грузин, аланов и болгаров, переигравший и разгромивший орусутов на Калке, – именно он предложил покорять земли нойонов Арпана и Улайтимура зимой, когда скованные льдом реки превращаются в торные дороги...

Но каким же тяжелым оказался их путь по замерзшей Проне! Бесконечные засады и внезапно летящие стрелы из-за стены деревьев, подступающих к самой реке, преградившие путь туменам рогатки и стальной «чеснок», ранящий лошадей. А также специально растопленные полыньи, прихваченные лишь тонким льдом и присыпанные для незаметности снегом... Орусуты оказались очень хитры и крайне умелы в зимней войне, беспокоя нукеров Бату-хана частыми и болезненными ударами! А простой люд они спрятали в заснеженных непроходимых чащах и любые подступы к лесным убежищам перекрыли непроходимыми засеками... И лишь спустившись по реке от Пронска, монголы сумели избавиться от совсем небольшого – как оказалось – отряда, тормозящего их продвижение.

В туменах хватало кипчаков и мордуканов, бывавших ранее в этих краях и ведавших про то, что река за городом сильно петляет на протяжении примерно шести-семи верст. И Субэдэй, страстно желая избавиться наконец от врага, мешающего продвижению орды, собрал двухтысячный отряд из лучших нукеров царя Пуреша, поставив над ним собственного сына Кукуджу. Нойон понимал, что враг устроит засаду уже за речной петлей, и отправил мордуканов срезать ее, зайти орусутам в тыл. Люди Пуреша привычнее всех покоренных к зиме и

лесу, и в этот раз они доказали это делом, сумев пройти несколько верст по заснеженным чащам! Орда же, наоборот, шла медленнее, чтобы враг не решился оставить засады...

Кукуджу атаковал орусутов, когда последние уже напали из засады на передовой отряд кипчаков. И сын нойона отлично себя показал, заранее отрезав врагу путь к отступлению в лес, раскинувшийся по высокому берегу реки, послав в него пять сотен нукеров. Остальные же ударили по засаде с тыла, втрое превосходя орусутов числом! И хоть те сражались с бешеной яростью, но, атакованные с трех сторон (на помощь мордуканам пришли и кипчаки), были истреблены поголовно... Забрав с собой восемь сотен покоренных!

Но для огромной орды эти потери были ничтожны, и Бату-хан очень высоко оценил столь важную для скорого продвижения орды победу! И Кукуджу хоть до поры и остался кюганом, но вместо кипчаков получил под свое начало тысячу лучших батыров-тургаудов! Да не где-нибудь, а в тумене своего отца...

Сразу после сражения Субэдэй лично поспешил вперед всего с одним туменом соплеменников-урянхеев, в душе страшась, что, пройдя очередные десять верст, они вновь упрутся во вмороженные в лед рогатки, а из-за близко стоящих к реке деревьев вновь полетят разящие срезни... Но нет, ничего подобного не случилось ни через десять верст, ни через двадцать, ни через сорок... А после монголам стали попадаться отставшие группы беженцев, спешащих, но не успевших в Ариан – или Рязань, как называют этот город орусуты...

Как оказалось, не все жители попрятались в лесах по берегам Прони, кто-то не успел подготовить по осени зимовок, понадеявшись на силу княжьей рати, до кого-то просто не добрались гонцы княжича Михаила Всеволодовича. Кому-то не хватило телег или лошадей для быстрого бегства, а кто-то просто не мог идти на лыжах... Так нукерам достались первые белые рабыни, первый хашар, первые захваченные запасы зерна и мяса, а также скот. И боевой дух урянхеев тут же поднялся, они еще быстрее устремились к Арпану, гоня перед собой новых беженцев, коих становилось все больше с каждым днем!

Все же наибольшая часть орусутов успела отступить в Рязань, где из-за спасающегося от агарян простого люда в одном доме проживало по пять семей, ложась спать прямо на холодный пол. Ушли в стольный

град княжества жители и рядом расположенного Белгорода, стоящего всего в дне пути от Ариана, на берегу реки Белой. И глаза нукеров Субэдэя горели жадным огнем, когда они подступили к окруженной одним лишь валом и одной лишь стеной крепости, так их манила богатая добыча!

Однако, когда спустя пару дней к Рязани вышли основные силы монголов, Бату-хан приказал Субэдэю идти дальше, теперь уже вверх по льду широкой реки Оки. Ибо захваченного нукерами нойона зерна и скота было совершенно недостаточно, чтобы прокормить всю орду, а севернее Ариана, по слухам, осталось еще много поселений, чьи жители не успели бежать! Ларкашкаки выделил верному сподвижнику своего отца три тумена – кипчакский, тюркский и монгольский, – и Субэдэй спешно повел на север мощное, едва ли не тридцатитысячное войско! Еще около сорока тысяч нукеров вместе со всем осадным обозом остались у Бату-хана, приступившего к осаде стольного града княжества...

Нойон, людям которого дали запасов лишь на несколько дней, сильно спешил, гоня впереди себя кипчаков на легконогих степных лошадях, и это позволило им перехватить многих беженцев, кто по незнанию своему все еще спешил в Рязань... А после и тех, кто отчаянно бежал назад, теперь уже к Переяславлю-Рязанскому... Добычи было много, никакого сопротивления Субэдэй на своем пути не встречал, и вскоре нойон отправил Бату-хану огромный обоз с захваченным зерном и множеством скота, выделив под охрану его две тысячи нукеров.

А сегодня они наконец достигли и Переяславля! И впервые за время похода против монголов решила выйти рать орусотов. Впереди нойона ждет настоящая битва! И при одной лишь мысли о ней у славного багатура кровь закипела в жилах, а руки налились былой силой – Субэдэй жаждал славной сечи, жаждал увидеть, как батыры его сокрушат врага!

Но азарт предвкушения будущей схватки не затмил разум темника. Нужно было старательно разведать о силах орусотов, узнать, где они развернули свои боевые порядки, построить собственные тумены так, чтобы сокрушить противника! В том числе и с помощью засадного удара монгольских тургаудов и бронированных хасс-гулямов Хорезма... Совмещая наскоки легких всадников-лучников и

последующее ложное отступление под удар тяжелой конницы, Субэдэй побеждал русских князей на Калке, грузинского царя Георгия в Котманской долине, так он громил ранее хорезмийцев и китайцев... И сегодня, если рать оруситов действительно столь велика, что сравнима числом с тремя его туменами, он постарается вновь использовать свой излюбленный прием!

* * *

Воевода Еремей напряженно следит за тем, как расплзается по заснеженному полю огромная рать поганых, поднявшаяся по Оке от Рязани. Тревожно, муторно стало на его душе, в очередной раз задался воевода вопросом: неужели пала вся дружина Юрия Ингваревича? Неужели захвачен стольный град княжества, обороняемый едва ли не всей его ратью?!

Юрий Всеволодович, великий князь могучего Владимира и первый среди русских князей, давно готовился к приходу орды степняков. Более десяти лет приходили с востока тревожные вести, более десяти лет волжские булгары сдерживали натиск монголов на своей восточной границе. И понимая, что земля давнего соседа, нередко становившегося врагом, стала для русичей настоящим щитом, Юрий Всеволодович не беспокоил булгар военными походами, а наоборот, оказывал им всемерную поддержку. Одновременно с тем обновлялись и владимирские крепости, ковалось новое оружие, росла княжеская дружина... И когда пришла весть, что подступили поганые к порубежью соседнего, Рязанского княжества, когда прибыли во Владимир послы Юрия Ингваревича с просьбой о помощи, князь не медлил ни минуты, приказав срочно собирать рать! Да и сам отправил гонцов о помощи уже в Киев, к брату Ярославу Всеволодовичу, а еще в Новгород, где до поры за отца правил молодой княжич Александр, племянник Юрия. Послов же татарских, что прибыли чуть позже рязанских, великий князь принял со всем возможным радушием и долго увещевал, назвавшись союзником хана Батыя, но... Это были лишь слова, имеющие цель или отсрочить, или вовсе предотвратить войну. Однако сам Юрий Всеволодович не верил, что «покорители вселенной», завоевавшие весь восток и Дешт-и-Кипчак, согласятся

лишь на союз. И как только была собрана достаточная рать, он отправил ее от Владимира к Рязани во главе с воеводой Еремеем Глебовичем и старшим сыном Всеволодом Юрьевичем. И воевода из всех сил спешил на помощь... Да, видно, не успел.

О том, что с юга по Оке следует огромная рать поганых, Еремей, коему великий князь доверил общее командование (а еще и жизнь старшего сына, названного в честь деда), узнал от беженцев. И, поразмыслив, старый, опытный военачальник, успевший повоевать на своем веку и с булгарами, и с мокшей, и с орденом меченосцев да литвой под началом Ярослава Всеволодовича, решил принять бой у стен Переяславля.

Оставив не самую слабую крепость в тылу, воевода построил многотысячную рать в междуречье Трубежа и Лыбеда, преградив путь врагу двойной линией надолбов, вмороженных в утоптаный снег. Подъем со стороны обеих рек ратники старательно залили водой, превратив их берега в ледовые горки, на которые конному невозможно подняться. Пеший же осилит подъем, лишь старательно вгрызаясь в лед ножом или кинжалом, и то лишь недюжинный силач со стальными пальцами!

На случай возможного обхода и отчаянной попытки преодолеть ледовый подъем в тылу пешцев воевода оставил тысячу конных лучников – потомков берендеев, переселенных во владимирские земли еще при Юрии Долгоруком и Андрее Боголюбском. Тех, кто еще не растворился среди русичей и сохранил традиции конного степного боя... Берендеи успеют подлететь бодрым галопом к месту прорыва, обрушат град стрел на тех, кто с трудом карабкается по льду, отбив поганым всякое желание обойти владимирскую рать! Нет уж, бить ворогу только в лоб – сквозь линию надолбов...

За вмороженными в землю, склоненными ко врагу заостренными кольями встали многочисленные пешцы. В центре – спешенные княжеские гриди и городское ополчение Владимира да Москвы; московские белые сотни известны как лучшие в княжестве топорщики, многие из них облачены в кольчуги и шеломы. По левую руку встала тысяча новгородской панцирной пехоты в чешуйчатой броне, с тяжелыми рогатинами и ростовыми щитами. Среди них также полторы сотни воев с самострелами, что легко пробивают рыцарскую кольчугу – все, кого успел собрать и отправить на помощь верный и честный

княжич Александр Ярославич. По правую же руку – ополчение весей, вооруженное попроще и победнее. Никакой брони и мечей, только топоры и дубины да обожженные на концах колья вместо копий, но хоть щиты есть у всех.

И, наконец, позади пешцев – две тысячи панцирных гридей во главе с самим воеводой! На могучих, рослых жеребцах встали под началом Еремея лучшие воины владимирской и суздальской дружин! А всего двенадцать тысяч воев без учета немногочисленного ополчения Переяславля – оно целиком укрылось в граде по наказу воеводы: будет кому детинец оборонять, коли враг действительно столь силен и все же возьмет верх в сече...

А поганые действительно сильны, ничего не скажешь! Поднимаются с реки многие тысячи легких конных лучников, строятся верховые в единую линию, в которой хорошо прослеживается строй. И от опытного взгляда воеводы не укроется, что разбита вражья рать на полки, что есть у нее и центр, и правое, и левое крылья, по приказу монгольского военачальника способные действовать самостоятельно... Опасны татары, вдвое превосходя русичей числом, и стынут сердца воев при виде столь могучей рати агарян!

Наконец поганые окончательно построились, и безмолвно замерли друг напротив друга смертельные враги. Лишь ледяной ветер полощет стяги с вытканными на них ликами Господа, Богородицы да золотым владимирским львом, нещадно треплет мохнатые бунчуки татар... Но вот забили барабаны нехристей, завизжали, закричали дико поганые, и по велению темника Субэдэя ринулись в атаку многие тысячи всадников!

– Хур-р-р-ра-а-а!!!

Глава 1

– Стоим! Стоим!!!

Разносится над рядами русичей рев сотенных голов, упреждающий невольно дрогнувших ратников! Неудержимо летит на воев конная тьма, дрожит под многими тысячами копыт земля, и кажется, что одним ударом стопчут всадники пещев! Но опытные гриди да ополченцы понимают: степняки не бросятся в лоб на ошетилившуюся рогатинами и кольями рать, не погонят лошадей на склоненные навстречу им заостренные надолбы... А как приблизились кипчаки, да тюрки, да монголы к мужам владимирским на сотню шагов, так разнесся над полем новый крик сотников и тысяцких:

– Щиты!!!

Зашевелилась боевая линия русичей, поднимая над головами круглые да ростовые каплевидные щиты, смыкая их краями да сжимая строй, а поганые, подобравшись на полсотни шагов, принялись заворачивать лошадей, бить из тугих составных луков в сторону противника. Закрутили нукеры смертоносный хоровод, и каждый лучник успевает отправить в полет когда две, а когда и три стрелы с широкими плоскими наконечниками-срезнями...

Молчат орусуты, ждут приказа их стрелки, а ведь меньше их, много меньше, чем у татар! Но понимая, что от плотности сцепки щитов зависят их жизни, вой построили настоящую стену, и редко когда в крохотную брешь удачно влетает степняцкий срезень...

Кружат у надолбов два десятка огромных хороводов по несколько сотен всадников в каждом – тысячи стрел летят во владимирскую рать едва ли не в упор, уже с тридцати шагов! И столь плотен их поток, что едва ли не закрывает он небо над головами русичей... Однако вой стоят не дрогнув, и, наглухо закрывшись щитами, они несут лишь малые потери. А ведь запас стрел у нукеров не безграничен, и восполнить его не так просто! Понимая это, разочарованный Субэдэй, уже убедившись, что врага никак не вытянуть за надолбы и не перебить ливнем срезней, приказал тюркам и кипчакам спешиться, оставив верхом лишь соплеменников, легких лучников-лубчитен.

Туаджи уже доложили нойону, что берег со всех сторон занятого орусутами междуречья покрыт столь скользким льдом, что подняться по нему нет никакой возможности. А потому бить врага можно лишь в лоб, лицом к лицу! Сердится Субэдэй-багатур: его нукеры привычны к быстрой скачке, к обходу противника на крыльях, к ложным отступлениям и засадам, к конной перестрелке... И наоборот, на земле они слабы! А ведь еще свежи воспоминания темника о том, как безуспешно пытались спешенные монголы ворваться в лагерь орусутов у Калки... Хорошо помнит багатур, как орусуты рубили нукеров страшными ударами боевых секир, цепко держа стену из сцепленных между собой телег! Тогда их удалось выманить лживыми обещаниями о сохранении жизни, воспользовавшись сильной жаждой, охватившей врага... Но ныне остается уповать лишь на численное преимущество покоренных!

Приказ есть приказ. Без всякой охоты спешились кипчаки и тюрки, пустив вперед нукеров с копьями. Остальные же перехватили деревянные да плетенные из ивы щиты и двинулись следом, оголив клинки, – неровной, сученной толпой, уже без всякого подобия строя... Ибо степняки, столь умелые в роли наездников, пешего боя не знают! Уже не столь смело наступают татары, с легким страхом смотря на сцепленные щиты орусутов, да храблятся смельчаки, подбадривая окружающих:

– Эти бабы в мужских штанах боятся нас столь сильно, что не смеют и носа своего показать! Мы легко выломаем колья, а после перережем глотки трусливым псам, как резали глотки их визжащим бабам!

Однако русичи не боятся врага. Страшнее всего было, когда едва ли не в упор подскочила к ним тьма татарских всадников, когда дрожала земля под копытами тысяч коней и ливень стрел закрыл от воев солнце... Но сейчас, когда спешенные степняки, зачастую защищенные лишь халатами, медленно приближаются к могучей владимирской рати, ратники уже не чувствуют страха, вовсе нет! Лишь от напряжения и волнения подрагивают их руки, сжимающие древка рогатин да топоров, да нетерпеливо переминаются мужи с ноги на ногу – поскорее бы!

Но вот татары наконец-то приблизились на тридцать шагов, и тогда раздался над рядами русичей громкий, яростный боевой клич

владимирских воев, заставив поганных вздрогнуть от неожиданности:

– Не жале-е-еть!!!

И разомкнулись щиты, и взвились в воздух сулицы, с силой брошенные во врага дружинниками и ополченцами! Град дротиков ударил в дрогнувших нукеров, выбивая тех, кто не успел поднять щит, и вонзаясь в защиту тех, кто оказался проворнее. Вот только под тяжестью угодивших в щиты сулиц невольно опускаются руки татар, а уже полетела в поганных вторая волна дротиков! Едва ли не половина нукеров первой линии пала на окровавленный снег, да погибло множество нехристей во второй!

И вновь взвились в воздух сулицы, а потом еще раз и еще... Всего пять бросков сделали ратники, начисто выбив три ряда нехристей, а в четвертом нукеры вынужденно бросают наземь щиты или пытаются срубить древки впившихся в них дротиков... Но уже летят во врага сотни стрел, выпущенных в упор русичами, да болты новгородских самострелов! И вновь падают сраженные ими покоренные, щедро орошая кровью снег, укрывший русскую землю...

Сойдись с владимирцами на этом поле лишь кипчаки да тюрки, уже бежали бы поганные, завывая от ужаса! Но гонят их вперед злая ярость монголов и негибаемая воля Субэдэя-багатура! Переждали уцелевшие степняки обстрел, закрывшись щитами, ответили лучники из задних рядов, поранив, повыбив многих орусотов... Да ринулись наконец нукеры к надолбам, готовясь ловко накидывать на заостренные бревна арканы, выламывая их из ледового плена, дробить булавами, а если надо, то и голыми руками вырывать из утоптанного снега да промерзшей земли!

Но по команде сотников уже подались навстречу поганым гриди княжеской дружины и новгородские панцирные вой, ополчение белых сотен и даже простые мужи с кольями наперевес! И ворога встретили мощные уколы тяжелых рогатин и копий – точно бьют русичи в просветы в надолбах, рая и убивая визжащих от боли и страха татар!

Напряженно замер темник, глядя, как докатилась до орусотов многочисленная толпа покоренных, да как замерла она на месте, не в силах продвинуться ни на шаг! Лишь дикий вой увечных да рев сражающихся докатились до его слуха, заставив Субэдэя тревожно вглядываться вперед, ловя удобный момент для развития атаки. Но одновременно с тем багатур всерьез раздумывает: может, стоит дать

приказ на отход? Ведь не посмеют покоренные отступить без его слова, но есть ли смысл гробить их жизни, коли орусутов не одолеть в лобовой схватке?!

Напряженно наблюдает за тем, как идет схватка у надолбов, и воевода Еремей. Не скрыто от его взгляда, что многие колья уже вырваны изо льда арканами ловких половцев да тюрков, что появились уже узкие проходы в заграждении... Но по центру и на левом крыле стена ростовых червлёных щитов русичей, ошестинившихся рогатинами, намертво закупорила эти бреши, не позволяя врагу продвинуться ни на шаг! И лишь по правую руку, где, пусть и храбро, бьются с ворогом плохо вооруженные и слабо защищенные ополченцы лесных весей, удастся теснить его воев поганым! Но Еремей спокоен. Пока что он ждет следующий ход врага...

Субэдэй также разглядел, что его нукерам удалось продвинуться вперед на левом крыле орды, и отправил туда гонца-туаджи с приказом кюганам: как можно быстрее выламывать колья, насколько возможно расширив проходы на своем участке! И пусть спешенные покоренные готовятся расступиться, разойтись в стороны перед тараном тяжелой конницы! После чего темник приказал пяти тысячам бронированных хасс-гулямов, отборных всадников Хорезма, готовиться к атаке... В прорыв же, следом за гулямами, Субэдэй решил бросить и легких лубчитен, все еще держащихся в седлах. Они отрежут противнику путь назад и ударят стрелами в спины пешцев-орусутов! Также туаджи отправились и к тургаудам, до поры стоящим на правом крыле монгольского войска, с приказом прибыть к ставке нойона.

Воевода Еремей вскоре разглядел, что перемещаются поганые, что смещаются полки их вправо, готовясь ударить всей силой там, где слабее всего строй русичей! Отправил он на помощь ополченцам конную тысячу обрусевших берендеев, и те принялись кружить за спинами соратников, посылая во врага стрелы через головы воев... Но даже эта помощь уже не смогла изменить исход схватки. Спешенные нукеры поняли, что подаются назад орусуты, что уступают им в схватке землепашцы, бьющиеся дрекольем да тяжелыми плотницкими топорами, из-за чего все их движения слишком медленны, и бешено усилили натиск, словно почуявшие кровь голодные волки! Поганые едва ли не целиком потеснили полк правой руки от надолбов,

растасили колья – и расступились, уступая дорогу бронированным хасс-гулямам!

– Хур-р-ра-а-а-а!!!

Гремит над полем боевой клич неверных, полощет ветер их знамена! А в ответ густо летят стрелы крещеных берендеев, целящих по скакунам хорезмийских всадников! Но большинство лошадей в первом ряду гулямов защищены кольчугой или дощатой броней да стальными налобниками. И седла у них, как и у русичей, позволяют и к противнику развернуться с луком в руках, и крепко ударить копьем на разгоне... Словно тараном врезались в ополченцев несколько клиньев тяжелой конницы, разом сокрушив и так дрогнувший, истончившийся строй плохо обученных пешцев!

Побежали вой, на ходу бросая топоры да дреколья, да широко разеваая рты от ужаса – кажется им, что не остановить стремительный натиск хасс-гулямов, что нет спасения! Брызнули назад конные лучники-берендеи, стремительно уходя от набравших разгон хорезмийцев, подобных древним катафрактариям Парфии или саваранам Ирана... Но уже летят в бок вражеским клиньям две тысячи тяжелых, столь же крепко бронированных гридей! С грохотом сшибаются панцирные всадники, тараня друг друга копьями, отчаянно круша булавами, рубя саблями и топорами – сила силу ломит! Смят, опрокинут один из мусульманских отрядов, но еще четыре заворачивают к русичам, охватывают их с правого крыла, отрезая от крепости, начинают давить массой, более чем вдвое превосходящей дружину воеводы... А за спинами гулямов бросились в прорыв четыре тысячи конных монгольских лучников, желая закрыть гибельное кольцо вокруг гридей, зайти в тыл еще держащим строй пешим владимирским дружинникам да новгородцам... С отчаянным кличем бросились навстречу врагу отступившие было берендеи, замедлив, но не остановив монголов!

И в этот самый миг воевода Еремей, оставшийся с горсткой ближников, поднес к губам боевой рог – и протяжно загудел он, подавая сигнал соратникам! Да принялся знаменосец отчаянно махать стягом с владимирским львом, повторяя призыв воеводы так, чтобы разглядели его с надвратной Глебовской башни! И спустя всего несколько мгновений открылись ворота, и, скоро набирая ход, хлынула

через мост колонна тяжелый гридей, ведомая княжичем Всеволодом Юрьевичем – три тысячи отборных витязей Владимира и Ростова!

До поры спрятал их во граде воевода Еремей, укрыл от глаз вражеского военачальника... Зная и перенимая повадки степняков, он намеренно поставил напротив ворот самых слабых своих воев, намеренно удержал до поры дружинников, не позволив сразу остановить атаку гулямов... А теперь в бок и в тыл хорезмийцев летит, набирая ход, клин могучей владимирской конницы, настоящих европейских рыцарей! Хотя нет: те пока не столь бронированы, защищены лишь кольчугами, а русичи скорее подобны ромейским клибано-форам!

Гулямы заметили нового врага и даже попытались встретить его, развернувшись лицом и бросая лошадей в тяжелый галоп... Но набрать скорость они не успели. К тому же после прорыва линии ополченцев и первого столкновения с дружинниками большинство воинов осталось без копий! И когда схлестнулся с нукерами узкий клин владимирских гридей, неудержимо разогнавшихся в тяжелом галопе и склонивших рогатины перед копейным тараном, русичи буквально рассекли надвое строй вражеских всадников, выбивая их из седел и стоптав всех, кто пытался преградить им путь! Между тем хвост колонны дружинников в воротах еще даже не появился...

Видя это, довольно усмехнулся воевода Еремей и, вновь поднеся к губам рог, протрубил трижды! И вновь взвились, закружились стяги, теперь уже с ликами Христа и Богородицы, и загремело над рядами пешцев большого полка и полка левой руки яростное:

– Не жале-е-еть!!!

Глава 2

– Не жале-е-еть!!!

До поры ратники лишь сдерживали напор врага, лишь обороняли все ширящиеся бреши в надолбах, но теперь, по призыву сотников, вой двинулись вперед! Шаг, другой, третий – давят дружинники силой сразу нескольких стройных рядов, отталкивают от себя поганных, переставляя ростовые щиты вперед! А закрывшись ими, усиленно разят татар рогатинами и мечами, крушат булавами! Не отстают от пеших гридей владимирские и московские топорщики, метнувшие во врагов последние сулицы, а после свирепо набросившиеся на кипчаков и тюрок, отчаянно рубя их секирами! Дрогнули, не ожидая такого напора, покоренные, дрогнули, сминаемые, теснимые бешеными орусутами...

Между тем свежие гриди Владимира и Ростова, ведомые княжичем Всеволодом Юрьевичем, уже едва ли не надвое рассекли хорезмийцев на всю глубину их строя! Пусть постепенно сбавляя ход, но одновременно с тем расширяя прорыв по мере выхода из города новых сотен. Словно в тисках сдавлена большая часть отряда хассгулямов между двумя дружинами! Две с половиной тысячи нукеров и не менее половины монгольских лучников отчаянно рубятся практически в окружении, избиваемые с двух сторон, тая, словно снег на весеннем солнце! А еще тысячу с небольшим тяжелых всадников да вдвое больше легких стрелков-лубчитен ратники теснят к обрыву Трубежа! И уже падают с крутого ледового спуска первые нукеры вместе с лошадьми, и хорошо, если удастся им обойтись лишь ушибами... Ибо тех, кого в падении придавило собственной лошастью, без хороших лекарей уже не поднять. Но кому-то не смогут помочь даже лучшие лекари...

Жестокая схватка развернулась напротив ворот Переяславля, там, где стояли до того ополченцы. И побеждает в ней владимирская рать, давит врага, теснит, по центру же и на левом крыле татары и вовсе спасаются бегством! Клонится чаша весов боя в сторону русичей!

Но Субэдэй-багатур слишком опытен и искушен в битвах, чтобы так легко проиграть... Нойон оставил при себе гвардейцев-

телохранителей – самых верных, самых преданных и неистовых в битве. Батыров, для которых смерть на поле боя является честью, а бегство – нестерпимым позором! Ни на мгновение не дрогнув, три с половиной тысяч тургаудов темник отправил на помощь истребляемым гулямам, готовым вот-вот показать спину, а оставшуюся тысячу – тысячу Кукуджу! – послал навстречу покоренным... Лишь его собственные телохранители, как и телохранители Кюльхана и Байдара, остались рядом с многоопытным Субэдзем – багатур придержал подле себя обоих чингизидов, при этом не позволяя прочим темникам мешать ему вести бой!

И нойон не просчитался: завидев бунчук его сына, кипчаки и тюрки замедлили бег, а подскакавший к ним туаджи яростно закричал:

– Бегите к лошадям, мы поможем оторваться! Быстрее садитесь в седла и возвращайтесь в бой, стреляйте в орусотов, не подпуская к себе! Да быстрее же!

И нукеры послушно побежали к лошадям, все быстрее отрываясь от пытающихся догнать их дружинников, закованных в кольчуги или чешуйчатую броню, не оставивших столь тяжелые ростовые щиты... В эти мгновения преимущество защиты пеших гридей обернулось для них серьезным недостатком в скорости! А тысяча тургаудов Кукуджу, обогнув нукеров, чье бегство стремительно обращалось в осмысленное отступление, на скаку протаранила вырвавшихся вперед московских ополченцев...

– Хур-р-ра-а-а!!!

С разбега пробивают монголы потерявших осторожность орусотов копьями-чжидами, расстреливают из тугих составных луков! В одночасье урянхай смяли ряды белых сотен, опрокинули, заставили спешно бежать назад, принялись преследовать их, истребляя в спину, покуда в бой не стали уже возвращаться конные лучники покоренных. Пока небольшими группами до десятка нукеров, но они тут же закружили хороводы, засыпая стрелами владимирских ратников! И если до того срезни их редко находили бреши в стене щитов русичей, то во время преследования ряды воев расстроились, и потери от обстрела степняков тут же возросли... Закричали, срывая голос, тысяцкие да сотники, заревели витые боевые рога, призывая мужей остановить атаку и отступить, на ходу смыкая щиты! Вступили в

схватку лучники Владимирского княжества — пока что на равных с ворогом, ибо число вернувшихся конных стрелков все еще невелико...

Темник же, завидя поражение московского ополчения, позволил гвардейцам вдоволь покрошить улепетывающих топорщиков, после чего остановил атаку сына. Ибо таранить в лоб уже начавших отступать и выравнивать строй гридей, оцетинившихся рогатинами, было бессмысленно: прорыв линии копейщиков слишком дорого обошелся бы соплеменникам-тургаудам! Бреши в строю орусутов не столь велики и быстро затягиваются, сквозь них не проникнуть в тыл ко все еще многочисленным пешцам врага... Главное, что Кукуджу удалось остановить бегство покоренных и вернуть их в битву, а судьба сражения решалась ныне на правом крыле битвы, куда Субэдэй и поспешил направить последнюю тысячу тургаудов!

Между тем вступление в сечу многочисленного отряда тяжело бронированных монголов уже изменило ход боя! Ибо ханские гвардейцы, уступая батырам орусутов в лобовом таране из-за низости и меньшего веса своих скакунов, оказались неудобным, жестким соперником в ближнем бою. Используя оснащенные крюками копьечжиды для стаскивания всадников с седел, они также наносят ими сильные колющие удары, а еще чаще стреляют из тугих составных луков в упор, целя в лица врагов! Свирепы и умелы тургауды с клинками, стремительно и сильно рубят они противников палашами чжурчженей и чуть искривленными степняцкими саблями!

Но ведь и русичи врагу ничем не уступают! Остановившись под напором свежих сил поганых, а после и попятившись назад, они каждую пядь земли отдают лишь после бешеной схватки! В темно-синих от гнева глазах владимирских, ростовских и суздальских ратников татары видят скорую смерть. И вскоре она действительно забирает гвардейцев с очередным уколом копья, сокрушающим тараном рухнувшей сверху булавы, лихим ударом клинка! Но и гриди падают на утоптаный, бурый от пролитой крови снег, под копыта верных жеребцов...

Воевода Еремей с горечью смотрит на кипящую по правую от него руку схватку, где в первых рядах сражается княжич Всеволод. Понимает мудрый воин, что с каждым мигом победа утекает из его рук... Когда же последняя тысяча тургаудов Субэдэя вступила в бой, воевода спешно отправил гонца к новгородцам с приказом уходить в

детинец Переяславля, при этом поставив воев с самострелами в первый ряд и не дав себя окружить, отрезать от крепости...

Одновременно с тем направил Еремей гонца и к берендеям: отступайте, мол, переведите дух, а после помогите выйти из схватки левому крылу, а затем и центру, отогнав срезнями нападающих на русичей татар! Наконец приказал воевода отойти назад и конным gridям, стоящим в задних рядах, – все одно до них не дошел черед в сече, даже рогатины у большинства сохранились! Пусть и они дадут отдых жеребцам, да сами наберутся сил, когда же придет время, ударят навстречу врагу, разгонятся, сойдутся с погаными в конной сшибке!

Внимательно посмотрел воевода на солнце – давно уже перевалило небесное светило через зенит, скоро опустится к краю земной тверди... Начнет смеркаться – и бой закончится, разойдутся сражающиеся. Главным образом потому, что станет невозможно стрелять, да и в сече своих от чужих в темноте не различишь!

Невольно закручинился Еремей: немного ведь не хватило ему для победы... Ежели было бы возможно где спрятать три тысячи конных gridей так, чтобы могли ударить они разом да всей силой, а не растянутой на сотни шагов колонной... Но негде было укрыть дружинников Всеволода Юрьевича, кроме как в крепости! Да и потом, в любом случае их удар был для врага внезапен – еще чуть-чуть, и опрокинули бы хорезмийцев! Кто же знал, что у поганых тяжелых всадников вдвое больше...

Пятится назад новгородский полк, сохраняя равнение в рядах и прикрываясь от степняцких срезней ростовыми червленными щитами, да огрызаясь размеренными залпами самострелов. Но не отпускают тяжелую панцирную пехоту половцы и тюрки, преследуют поганые ратников левого крыла, пройдя сквозь многочисленные бреши в надолбах. Кружат татары смертоносные хороводы, приближаясь едва ли не на тридцать шагов и стреляя уже в упор, в крохотные щели между щитами! Обтекают ратников степняки, пытаясь обойти и по бокам, отрезать об большого полка, в тыл войти!

Но тут уж поспели новгородцам на выручку чуть ранее вышедшие из сечи берендеи. Не щадя себя, поскакали они навстречу поганым, закружились перед ними, отвлекая лучников врага и посылая десятки срез ней в ответ!

А большой полк пока стоит, не двигаясь с места. Только-только отступили дружинники за уцелевшие надолбы, растянули строй, вновь перекрывшись щитами. Уцелевшие же при отходе владимирские стрелки отошли назад и ныне помогают крещеным берендеям: часто, залпами бьют по степнякам, не позволяя врагу просочиться сквозь разрыв между владимирскими и новгородскими ратниками... Зато увлекшиеся обстрелом, чересчур поверившие в себя половцы решили попробовать на прочность тонкую линию червлёных щитов лобовым ударом – вдруг прорвется под лихим натиском?! Надеются покоренные отомстить за бегство, задобрить сурового темника скорой победой... Ведь брешей среди вырванных арканами надолбов полно, так почему бы не попытаться продавить истончившуюся цепочку орусутов?!

Что же, попытаться действительно стоило... И разогнавшиеся было степняки смело ударили по ошестинившейся рогатинами, но всего трехрядной линии ратников Владимира! Ударили, пустив скакунов в галоп, вновь задрожала земля от многочисленности бегущих лошадей! Но тут же отхлынули назад поганые от недрогнувшей стены щитов, оставив на снегу, среди обломков копейных древков, до того воткнутых втоками в землю, десятки туш, пронзенных широкими, тяжелыми наконечниками коней! И придавленных животными наездников... Нет, не пробить лобовым ударом пусть даже и истончившийся строй пеших гридей!

На правом же крыле битвы, где тяжелых всадников у монголов стало едва ли не вдвое больше, чем у русичей, поганые неудержимо теснят дружинников к мосту! Тысячи мужей уже пали с обеих сторон, и каждая пядь земли завалена трупами убитых, лежащих вперемешку... Однако все чаще проникают тургауды в прорыв между большим полком и отступающими гридями, готовы уже они зайти в тыл орусутам, окружая хоть пеших, хоть конных ратников...

Но ведь не зря воевода Еремей приказал тысяче владимирских витязей выйти из сечи, переждать, набраться сил, дать отдохнуть скакунам! И вот настал черед свежих ратников, полетели они навстречу прорвавшимся гвардейцам нойона, склонив копья и разгоняясь для таранного удара! Только гремит над полем яростное:

– Не жале-е-еть!!!

И вторит владимирскому кличу монгольский:

– Хур-р-р-ра-а-а!!!

Сотни тургаудов смело поскакали навстречу орусутам, держа обеими руками чжиды или стреляя на скаку, целя в лошадей врага. И многих ратников им удалось таким образом спешить! Но большинство дружинников доскакали до поганных и буквально втоптали их в землю, вышибая рогатинами из седел урянхаев, не закрывшихся щитами, да опрокидывая их на снег вместе с низкорослыми, не очень тяжелыми лошадьми...

На короткое мгновение могло показаться, что этот таран вновь качнул чашу весов боя в пользу русичей, что им удастся опрокинуть тяжелую конницу татар! Но нет, смяв первые ряды, кулак владимирских гридей вскоре завяз в плотных рядах нехристей, впрочем, намертво заперев брешь между полком правой руки и большим полком. И в эти же мгновения новгородская тысяча вступила наконец на мост! Вперед побежали ратники с самострелами, чтобы быстрее подняться на стену и уже с высоты городней да облама Глебовской башни бить по врагу, прикрывая отступление своих!

И тут же воевода Еремей отправил гонцов к тысяцким большого полка – пришел ныне их черед отступать к мосту, покуда конные гриди вытянутым полукольцом сдерживают натиск тургаудов и хассгулямов... К слову, разбитые ополченцы весей, а после и москвичи, давно уже укрылись в детинце, приходя в себя после сечи и разом усилив защитников Переяславля. Есть теперь кому встретить врага, коли случится внезапный прорыв!

Но прорыва не случилось: в густеющих вечерних сумерках бой закончился, как воевода Еремей и предполагал. Несмотря на мощное давление врага, гриди не дрогнули, сумели удержать натиск лучших нукеров Субэдэя, а большой полк уцелел благодаря жертве отряда берендеев. Начисто опустошив свои колчаны, отгоняя от пешцев хороводы поганных, они ударили навстречу половцам, своим давним врагам еще со времен степных войн! Впрочем, пришлось скрестить сабли обрусевшим, нашедшим новую родину огузам и с соплеменниками, служившими до того хорезмшахам, а ныне подчинившимся монгольскому господину... Крещеные турки сражались храбро и умело! И все до единого легли в утопанный, окровавленный снег, так и не дав татарам обойти большой полк с крыльев, зайти владимирским ратникам в тыл и отрезать их от Переяславля, безнаказанно расстреливая в спину...

Последними отступили княжеские гриди, вымотанные, отдавшие сече все силы, на столь же уставших жеребцах. Израненные, в посеченных доспехах, большую часть битвы сражавшиеся с двукратно превосходящим ворогом... Уцелело всего полторы тысячи ратников! Но они вышли из смертельной схватки неспешным шагом, с высоко поднятыми головами и все так же гордо реющими над ними стягами – стягами с ликами Спасителя, Богородицы и золотым владимирским львом! Вышли непобежденными и несломленными, явив врагу всю мощь и стойкость тяжелой конницы русичей!

От большого полка осталось три тысячи дружинников, а от ополчения – и богатого городского, и бедного весей – около двух тысяч воев. А вот новгородский полк понес наименьшие потери, сохранив в своих рядах семь сотен панцирных ратников! Словенам повезло, они даже не пытались догнать бегущих поганых в бронях, а лишь метали им в спины сулицы, топоры, стреляли из самострелов... И отступали они также первыми, а широколезвийные наконечники срезней, даже находя бреши между щитами, не могли пробить новгородскую чешую.

Выжил княжич, выжил опытный воевода, не сумевший победить и не сумевший помочь рязанцам... Но сколь бы ни корил себя Еремей, в наступившей ночи Субэдэй-багатур корил себя гораздо страшнее, роняя скупые слезы перед телом сына Кукуджу! Смелый кюган лично повел тысячу тургаудов на помощь соратникам и сумел прорваться с гвардейцами сквозь ряды оруситов, отрезая их конницу от пещев! Сумел прорваться, чтобы тут же угодить под встречный таран батыров врага... Помутневшие от слез глаза нойона снова и снова возвращались к бескровному лицу погибшего сына, чью спину рассек на излете страшный удар чекана... И черной ненавистью исполнилось сердце нойона! В припадке незнакомой багатуры ярости приказал он казнить всех пленных, в большинстве своем схваченных ранее беженцев-хашар да раненых, взятых на поле боя...

Лишь когда к Субэдэю вернулась способность трезво мыслить, он понял, что совершил ошибку. Ведь нукеры должны были гнать хашар перед собой во время будущего штурма, чтобы женщины, старики да дети оруситов послужили покоренным и монголам живым щитом, чтобы первыми закидали они ров вязанками хвороста, чтобы из-за их спин стреляли лубчитены по защитникам стен... Но нет теперь живого щита.

Нет ныне и половины нукеров в туменах, выделенных нойону Бату-ханом! Сложили головы в яростной сече под три с половиной тысячи хасс-гулямов и около полутора тысяч тургаудов, чуть позже вступивших в бой. Погибло также и две тысячи монгольских лучников, прижатых орусутами к ледяному обрыву и сумевших отступить лишь после удара ханской гвардии! Легкая же конница покоренных и вовсе сократилась более чем на семь тысяч... Впрочем, большая часть их потерь пришлась на ту часть боя, когда спешенные всадники пытались пробиться сквозь надолбы и потягаться с орусутами в ближней схватке... А учитывая, что к началу сражения в трех туменах нойона было под двадцать шесть тысяч нукеров, пало более половины – и сражаясь с кем?! С ратью врага, меньшей их едва ли не вдвое! Да монголы на Калке понесли меньшие потери, сойдясь с объединенной ратью четырех князей и половецкой ордой в придачу!

Да уж... Субэдэй теперь никуда не уйдет от деревянных стен неизвестного ему града. Ибо багатур орусутов, столь умело прошедший бой, применив против степняков их же прием с ложным отступлением и последующим за ним внезапным ударом, должен умереть. Обязательно умереть! Ибо слишком опасен...

Впрочем, желая принести Бату-хану голову талантливого воеводы орусутов и понимая, что никак нельзя оставлять в тылу крепость, в коей укрылась семитысячная рать врага, в душе нойон более всего хотел отомстить за смерть сына, за своего любимца... А потому он приказал разбить лагерь и выслал десятки разъездов, окруживших город и внимательно следящих за тремя воротами Переяславля.

Утром же нойон повелит обвести детинец линией надолбов на случай вылазки противника, разошлет по округе небольшие отряды кипчаков в поисках очередных беженцев (и съестных припасов!) да отправит туаджи к Бату-хану с просьбой о помощи. Ведь уже скоро подойдут к ларкашкаки задержавшиеся тумены Бурундая, придет Кадан, вот пусть их сюда и направят... Ибо чтобы штурм был успешен, нужно хотя бы трехкратное превосходство в нукерах – и, конечно, необходим осадный обоз...

Глава 3

Я проснулся будто от толчка, в первые мгновения не понимая, где нахожусь, ошарашенно пялясь на закоптившийся потолок избы-четырёхстенки. А перед внутренним взором все еще мелькают картины ожесточенной схватки, крики сражающихся и звон металла, обоняние словно по-прежнему улавливает тяжелый запах парящей на морозе крови... Наконец, проморгавшись и придя в себя, вспомнив вчерашний день и вечер, я поднялся с пола и двинулся к большей кадке с водой, аккуратно перешагивая через соратников: очень захотелось пить.

Судя по серому, мутному свету, пробивающемуся через крохотное оконце-дымоход под самым потолком, время уже предрассветное, скоро общий подъем. А там уж не откажем себе и в завтраке, сварив пшеничную кашу с вяленным мясом в настоящей печи да в глиняных горшках... Сейчас топящаяся по-черному печка уже практически остыла, отдав за ночь все тепло, и вода в кадушке покрылась льдом. Хорошо хоть не очень толстым, и, не слишком сильно ударив по нему кулаком, я без особого шума его разбил. После чего набрал воды черпаком и принялся неспешно пить, пытаюсь хоть немного согреть во рту ледяную влагу, от которой натурально болят зубы...

Зябко. Зябко было в последние часы сна, и зябко – а скорее даже холодно, причем очень, – будет на марше. Только во время утреннего и вечернего приема пищи, когда мы едим горячее, тело действительно отогревается... С тоской окинув взглядом занятую воями избу, я с острым сожалением подумал о том, что следующая ночевка может состояться и под открытым небом! Татары по какой-то странной логике жгут брошенные поселения – точнее, одни жгут, другие нет, но чтобы уцелевшие веси попались нам к концовке дневного перехода хотя бы два раза подряд... На такое, увы, рассчитывать не приходится.

Сделав еще один скупой глоток из черпака уже совершенно онемевшим ртом, остатком ледяной воды я умылся и, вновь переступая через спящих товарищей, двинулся к пустующим у стола лавкам. Казалось бы, странно, что все вой легли на пол, тогда как кто-то мог разместиться и поудобнее, но мужская солидарность – она такая...

Никто не захотел себе лучших условий, чем у соратников, постеснялись искать для себя даже минимального комфорта, в то время как другие будут отдыхать на полу.

И я постеснялся... Хотя, кстати, не так и плохо поспали. По крайней мере, впритык друг к дружке было немного теплее...

Добравшись наконец до лавки, я сел за стол, прислонив к нему перевязь с саблей, и только теперь прояснившейся головой принялся анализировать все то, что увидел, невольно вспоминая при этом последние события...

Из Пронска мы выступили два дня назад, сейчас начинается уже третий. А тогда с первыми лучами солнца сквозь ворота тыновой стены град покинули полторы сотни всадников – все, кто решился идти к Рязани, уповая непонятно на что! И в их числе был и я, все время оборачивающийся назад, ловя взглядом печальное, белое от волнения и страха за меня лицо Ростиславы, наблюдающей за уходом дружинников с надвратного укрепления.

К слову, было немного странно видеть самую дорогую для меня женщину, беременную моим же малышом, там, где я недавно сражался, убивал, где лилась кровь моих соратников, где погибали защитники Пронска... Удивительно, но даже когда город был осажден, а от княжеского терема до ставки монгольского темника оставалось всего три версты, я все равно никак не мог себе представить, что Ростиславе грозит опасность, что враги могут оказаться рядом с ней... Будто ров между детинцем и крошечной княжеской цитаделью был не очередной преградой на пути татар, а границей совершенно иного, насквозь безопасного мира! И хотя разумом я осознавал, что это всего лишь заблуждение, однако чувствовал все равно иначе...

Да, из города на помощь столице выдвинулись лишь полторы сотни дружинников. Правда, отлично вооруженных и снаряженных, с заводными лошадьми, с максимальным запасом стрел, арбалетных болтов, сулиц и «чеснока». Да и каждый из гридей стоит в схватке трех поганых! Но все одно нас лишь полторы сотни...

Впрочем, в душе я даже обрадовался тому, что все пронские и ижеславские дружинники да ополчение Пронского удельного княжества остались в граде. Ибо отправься с нами в поход пусть даже все до единого боеспособные мужи – а это всего около тысячи ратников, – что бы мы смогли сделать семи туменам Батыея?! Разве что

доблестно умереть, оставив беззащитным град, с таким трудом отбитый у татар! Уж лучше пусть по-прежнему пребывает дружина в Пронске – если не полноценный штурм с применением катапульт и требушетов, то хотя бы стремительный, пробный наскок тумена защитники сумеют отбить... Как и атаку разбойной банды степняков-мародеров, что вполне могут дезертировать из орды. Благо я оставил Михаилу Всеволодовичу все собранные «скорпионы» и подготовил расчеты к ним, а уцелевшие кузнецы и плотники принялись изучать стрелометы с целью воссоздать творение лучших городских мастеров! Увы, павших в битве... Хватает в крепости и выздоравливающих от ран воев, так что мое сердце не так уж и сильно болит при мыслях о Ростиславе... В отличие от сердца Коловрата, из всех сил подгоняющего крошечную дружину и буквально рвущегося в Рязань!

Впрочем, помимо боярина и горстки его личников, а также черниговских воев, среди гридей хватает именно рязанцев, а также дружинников из Белгорода, Переяславля, Коломны, Перевитска, коих выделил под наше начало князь Юрий Ингваревич. Причем если боярина можно хоть немного успокоить, в очередной раз пересказав ему первое – и единственное – видение о его спасшейся семье, то что скажешь прочим ратникам об их родных?! Потому-то и рвутся вой вперед, к любимым, надеясь защитить близких от орды...

От елецкой сотни осталось всего две дюжины воев, сумевших продолжить путь. А от сторожи Кречета – только я, Микула, прибившийся к нам Ждан да, собственно, дядька. Братья-половчане получили раны в последней сече и остались в Пронске, а про Захара и Лада и вовсе ничего не известно с тех пор, как остались они на заимке разбойников вместе с освобожденными пленницами...

Но если тысяча воев ничем не сможет навредить орде, то на что вообще рассчитывать полутора сотням дружинников?! Я искал ответ на этот вопрос все последние дни – и не находил его. Наоборот, в голову закрадывались всякие низкие мыслишки: мол, я сделал все, что смог, и теперь нужно остаться в Пронске, рядом с беременной возлюбленной!

Действительно, сделано уже немало. В засадах, оборонительных боях за Ижеславец, в ночной битве в лагере Кадана да в обоих штурмах Пронска (и последующей резне татар, спровоцированной мной же!) нам удалось истребить едва ли не три тумена поганых –

практически треть сил вторжения! Я абсолютно уверен в том, что в прежней истории враг понес куда меньшие потери перед коломенской битвой. А у нас ведь пока нет ни одного взятого штурмом города, и главные силы княжеской рати пока еще даже не вступили с монголами в бой! Это с одной стороны, а с другой – я сделал все, чтобы задержать врага на льду Прони и спасти рязанских воев от самоубийственной пограничной битвы! Сделал все, чтобы уберечь простых жителей от разграбления, насилия и смерти... Я выиграл самый ценный ресурс – время, рассчитывая, что владимирское войско успеет прийти на помощь Юрию Ингваревичу раньше, чем стольный град княжества будет осажден!

Но, судя по последнему видению, мои радужные ожидания не оправдались... Во-первых, Субэдэй сумел разбить отряд княжеских дружинников, сдерживающий продвижение орды по реке. Мы прошли место схватки в первый день нашего движения, видели павших. Но брошенные тела убитых, с коих сняли все оружие и доспехи, до неузнаваемости изгрызли лесные хищники и припорошило снегом... Павших никто не разглядывал, мы прошли мимо, отгоняя стрелами обезумевших от человеческой крови и мяса волков. А оказывается, это было место славной гибели русичей... Что, к слову, только подтверждает правдивость увиденного наяву этой ночью.

Во-вторых, какое-то количество пленников татары все же взяли, а за Рязанью число сгинувших беженцев выросло многократно. Более того, Субэдэю удалось хотя бы временно решить проблему снабжения туменов Батыя, а значит, настроения в лагере хана вполне себе оптимистичные, бодрые, и вряд ли сытых покоренных удастся подбить на мятеж... Учитывая же, что наши дозоры проводили отступивших от Пронска поганых до самого Ижеславца и что, со слов ратников, никто из половцев или мокшан не развернул лошадей на север, разжигать бунт просто некому. Н-да, не разыграть нам эту карту... По крайней мере, пока.

Зато у Батыя теперь есть достаточное количество времени, чтобы основательно подготовиться к штурму и до основания снести стену на участке шириной так шагов в восемьсот!

Остается лишь надеяться на то, что в новой истории число защитников Рязани не столь и мало. Даже с учетом выделенной нам дружины (включая сотни Захара Глебовича), гридей Пронска и

пронского же ополчения, а также погибших на реке воев, у Юрия Ингваревича все равно должно остаться практически девять тысяч ратников. Девять против сорока... Но ведь не в чистом поле драться, а защищать брешь в стене: с флангов не обойти, не окружить, и атаковать можно лишь в лоб! Учитывая же, что даже после гибели княжеской рати на Воронеже в моем прошлом Рязань билась пять дней (по версии Рашида ад-Дина – всего три, но китайцы называли и все семь), то в городе укрылось достаточно боеспособных мужчин из числа беженцев! Плюс там оставалась личная охрана княжеской семьи... Так что есть кого поставить и на стены, и кем закрыть брешь. А скорее, даже бреши...

Но, в-третьих, главная моя надежда на скорую помощь владимирской рати не оправдалась! Да, от Коломны до Переяславля воевода Еремей преодолел приличный путь – до столицы княжества ему оставалось всего около пятидесяти верст, то есть максимум два дневных перехода. Но сделать их русичи уже не успели...

Правда, исход главной битвы русского северо-востока, в отличие от моего прошлого, сложился если не в пользу владимирцев, то уж точно не январским разгромом у Коломны! Или еще не сложился, и мне было показано будущее, на которое, впрочем, нам уже никак не повлиять... В любом случае сил на успешный штурм крепости у Субэдэя нет, не удастся поганым и долгая, изнурительная осада: может, запасов в городе не столь много, но у татар их всяко меньше. И помощи темник не дождется – по крайней мере, помощи уничтоженных нами туменов Кадана, Бурундая и Бури! Однако если Батый рискнет выделить нойону часть осадной техники и как минимум еще один ту-мен в помощь, вот тогда сил у штурмующих может и хватить...

Я бы на месте хана точно усилил бы корпус Субэдэя для успешного штурма и уже после вернул бы тумены нойна к Рязани. Тотально разграбив Переяславль, вывезя все съестные припасы да набрав побольше хашара – это уже следуя логике монголов. Как-то встречал упоминание, что поганые не начинали штурм без рабов. Правда, под Ижеславцем и Пронском отсутствие живого щита из местных татар не смутило...

Что во всей этой ситуации можем сделать мы? Если рассуждать трезво и объективно? Да ничего, равным счетом ничего. Попытка

подобраться ночью к порокам по спящему вражескому лагерю, даже если нам ну очень повезет пройти незамеченными, кончится лишь короткой и гибельной для нас схваткой, как только загорится первая же катапульта. Но на самом деле я уверен, что перебьют нас еще на подходе к катапультам и требушетам – их очень хорошо охраняют, тут надо быть реалистами. То же самое касается и китайцев – с началом резни осадных инженеров у нас останутся считанные минуты, пока тургауды числом не задавят... И опять-таки, только в том случае, если нас не раскроют еще во время движения по лагерю!

Хорошо бы вообще ничего не делать, а вернуться в Пронск и надеяться, что монголы не возьмут рязанские города! Или возьмут, но понесут при этом столь чувствительные потери, что дальнейшее их движение вглубь Руси потеряет всякий смысл. А после уповать на чудо – что пройдут поганые мимо Пронска, бросив осадные машины под Рязанью за ненадобностью, или же не станут терять время на штурм не столь и значительной крепости...

Но, увы, так поступить не могу лично я, не говоря уже о рязанцах нашего отряда. С ними-то все понятно, да, впрочем, и со мной тоже. Ибо нельзя мне оставить в беде соратников, проливавших кровь рядом со мной, защищая Пронск и мою любимую! А у них ведь тоже любимые, тоже семьи, кои дружинники надеются уберечь... И помочь им – есть мой долг чести!

Но сколько бы я ни ломал голову, единственный вариант – это дойти до Рязани и незаметно добраться до подземного хода, ведущего за пределы крепости: Коловрату известно его местонахождение. А уже в городе наладить выпуск собственной артиллерии-«скорпионов», хотя до требушетов даже с высоты башенных сторож стрелометы все равно не достанут... Но, так или иначе, в бою своя артиллерия лишней точно не будет!

Однако... Орда ведь очень велика, стоянка даже четырех туменов будет огромной, и добраться незамеченными до подземного хода может и не получиться... И что тогда? Тогда остается партизанить, наносить частые беспокоящие удары, и возможно, удастся оттянуть на себя какие-то силы... Правда, оттянуть – одно, а вот засада у нашего крошечного отряда уже не получится. И взять воев совершенно негде. Евпатий в моих видениях собрал вокруг себя остатки разбитой на Воронеже рати да немногих бойцов, спасшихся после штурмов

Ижеславца, Пронска, той же Рязани... Соответственно, сейчас этого ресурса у нас нет, и в возможностях мы сильно ограничены.

Как бы то ни было, пока что кампания развивается пусть и не по лучшему варианту, но точно не так катастрофично, как в изучаемой мной истории тринадцатого века. А главная интрига на текущий момент – это действия великого князя Юрия Всеволодовича. Ведь, по логике вещей, сейчас он должен набирать вторую рать на севере княжества, одновременно с тем ожидая подкрепления в виде новых новгородских полков...

И вновь историческая параллель: в моем прошлом эту рать, разбросанную по нескольким поселениям на реке Сити (князь таким образом обеспечил «отмобилизованным» воям крышу над головой и кров), обнаружили разведчики из корпуса Бурундая. Вполне возможно, что с помощью предателей из местных... А после обнаружения вторую владимирскую рать уничтожили по частям за одну ночь и последующий день! Впрочем, половина корпуса поганых также осталась на Сити... Но татары уйдут на юг, пополнят свои тумены кипчаками и прочими покоренными и вновь вернуться на Русь, атакуя уже юго-западные княжества...

В любом случае перспективный план князя Юрия связать орду осадой сильной владимирской крепости, оставив в нем крепкий гарнизон, а после деблокировать ударом извне владимирских и новгородских полков, не сработал. Владимир пал после короткой осады и яростного, кровавого для обеих сторон штурма, а Ярослав Всеволодович и вовсе не отправил старшему брату помощи. В последнем, кстати, многие видят предательство отца Невского и едва ли не договоренность с Батыем!

Но на самом деле все намного проще. Киевская рать слишком мала, княжество уже давно растеряло бывшее могущество, а «мать городов русских» достается сильнейшим князьям в качестве статусного трофея. Потому, когда к Ярославу прибыли гонцы брата с призывом о помощи, он выступил в Новгород лишь с малой личной дружиной, предварительно передав Киев Михаилу Черниговскому. И, опять-таки, выступил не сей же час... А сколько времени добираться с юга Руси на север?! Даже если сын Александр заблаговременно стал собирать новгородские полки, быстро он сделать это не мог, ведь события последующих лет ярко продемонстрировали, что новгородцы

не особо подчинялись молодому князю даже в случаях критической опасности для себя! Например, на шведов Александр пошел с крошечной личной дружиной и несколькими уже готовыми к бою отрядами знатных новгородцев, а вот сбора гридей и ополчения Новгорода князь не дождался...

Второй же по величине и силе город севера – удельный Псков – и вовсе ведет собственную независимую, а порой и враждебную новгородцам политику... Так что на текущий момент Александр вряд ли смог собрать достаточную рать, а отец его вполне еще может находиться в пути! И в моем прошлом, получив известие о разгроме под Коломной и падении Владимира, новгородцы вполне могли просто отказаться выступать против Батыя, рассчитывая переждать нашествие орды за крепкими крепостными стенами!

Так что на помощь Ярослава Всеволодовича вряд ли приходится надеяться, а вот сам Юрий может успеть собрать вторую рать! Время на это мы уже выиграли... Приведи он ее с севера прямо сейчас – и решился бы вопрос с Субэдзем, осаждающим Переяславль! И вполне возможно, что даже и с Батыем... Если бы объединились обе армии великого князя, а во время решающего сражения из Рязани навстречу им ударила бы дружина Юрия Ингваревича!

Вот только... Насколько мне известно, собирать новое войско великий князь стал лишь после гибели первого под Коломной. Так что интрига номер один – придет ли к нам с севера решающая помощь, или нет? А номер два – воспользуется ли в принципе данным ему временем Юрий Всеволодович?!

За тяжкими, не самыми радостными думами мои глаза вновь начали смыкаться, и в какой-то миг, незаметно для себя, я вновь провалился в тревожную дрему...

Глава 4

Юрий Ингваревич стоял в продуваемой всеми ветрами стороже надвратной башни, с волнением вглядываясь в темноту, старательно вслушиваясь в пока еще вполне мирные звуки лагеря отдыхающих поганных, и словно не замечал резких порывов ветра, не замечал сильного холода. Столь велико было его напряжение в эти минуты, что по спине князя Рязани невольно струились капли пота, а сердце бухало так часто, что отзвуки его ударов слышались прямо в ушах...

Этой ночью решится многое – возможно, сама судьба города и его княжества, судьба близких... В том числе внука Ваньки и матери его Евпраксии, жены вероломно убитого сына... Ваня ведь так похож на маленького Федора, что в груди болезненно щемит при одном взгляде на малыша, а глаза невольно застилают влагой... Теперь внук стал наследником рязанского престола, теперь внук продолжит их род!

Если выживет.

Если удастся отстоять город.

Если сегодня все задуманное князем получится...

Стольный град княжества укреплен гораздо слабее, чем древний Чернигов с тремя полноценными кольцами стен и каменным детинцем, и уж тем более он слабее Киева, состоящего из нескольких полноценных крепостей, объединенных в один город! Даже молодой Владимир, как кажется, защищен лучше – там и две внутренние стены, и крепкая каменная цитадель... Но ведь еще древние греки, а точнее, лучшие среди их народа воины-спартанцы говорили: самые крепкие стены города – это мужество его защитников!

Князь невольно усмехнулся, вспоминая эти слова, и с горечью, но одновременно и с гордостью подумал о том, что мужества защитникам Рязани не занимать! Ведь от клятвопреступников, посмеявшихся убить княжеского сына-посла, а до того потребовать его молодую жену на ложе Батыя (да пировавших на Калке на задавленных ими же киевлянах!), никто уже не ждет ни пощады, ни сострадания... Да и рассказы болгарских еще беженцев, к коим раньше относились с недоверием, теперь передавались из уст в уста. Множились по городу ужасные истории о зверски замученных и убитых воях, уже раненых и

сдавшихся в полон, о растерзанных женщинах и изрубленных младенцах во взятых погаными Биляре и Суваре, заставляя рязанцев холодеть от ужаса... И одновременно с тем укрепляя воев в готовности драться до последнего!

Сейчас, глядя на огромный лагерь Батые, князь с острой благодарностью вспоминал порубежника, добывшего ценного языка и убедившего Всеволода Михайловича вывести рать из порубежья. А уж последний сам донес до князя слова ельчанина...

Удивительное ведь дело – от самоубийственной битвы рязанцев спас простой ратник! Где он теперь, этот грамотный и смелый молодец, знающий о греках царя Леонида, жив ли, или пал в одной из множества схваток на реке? Горстка гридей и порубежников действительно сумела задержать поганных на льду Прони, но вот сжечь пороки уже не смогла. Вон, высятся практически достроенные махины полутора десятков огромных камнеметов, а рядом стоит множество пороков поменьше... И как же их много! Таким стены Рязани на парутройку дней обстрела, после чего орда ворвется в крепость сквозь многочисленные и широкие бреши...

Впрочем, у Юрия Ингваревича ведь есть кому встретить татар. Три тысячи конных гридей – лучшие вой Рязани, Мурوما, Белгорода, Переяславля, Перевитска, Коломны! И пешие дружинники: столько же опытных копейщиков и топорщиков, умеющих строиться стеной щитов, да самые умелые стрелки с тугими составными луками... И наконец, три тысячи отборных ополченцев – сыны порубежья со степью, знающие, за какой конец взять саблю или меч, практически на равных с половцами владеющие луком и копьем, уверенно держащиеся в седлах. На своем веку многим из них уже довелось оборонять родные веси от кочевых разбойников, а порой и догонять их уже в степи и вместе с дружинниками Ельца, Ливен, Воргола отбивать полон... С этими воями князь выступил против Батые, с ними же вернулся защищать стольный град!

Но помимо дружины и наиболее крепкого ополчения в Рязани укрылось множество беженцев, а среди них и боеспособные мужчины. Воевода Яромир, старший над личной охраной княгини и княжны с княжичем Иваном – а это четыре сотни гридей, – еще до возвращения князя стал собирать из прибывших в город мужей новое ополчение. Да, большинство новоиспеченных воев юнцы, кто едва может поднять

топор, или старики, кто пока еще может... Но ведь хватает и мужей в расцвете сил и лет! Крепких, жилистых лесорубов с узловатыми руками и широкими, мощными кистями, привычных к тяжелым плотницким топорам, да ловких охотников, умелых в обращении с луком и довольно метко бьющих даже из простых однодревок...

Среди них выделяются статью матерые, могучие медвежатники, порой в одиночку добывающие хозяина леса с секирой да охотничьей рогатиной! Одним словом, есть кому на стенах драться... И вот Яромир начал собирать из беженцев сотни, выделяя на каждую по десятку дружинников, назначая из числа ближников сотских голов. Гриди подучат ополченцев, покажут личным примером, как нужно драться, вдохновят в сече! А крепкими, бывалыми мужами из лесорубов и охотников старались равномерно разбавить стариков и юнцов... Кузнецы же, единственные, кого не стал воевода верстать в ратники, денно и ночно трудились, перековывая широкие плотницкие топоры в узколезвийные чеканы (ими и рубить сподручнее, и удар выходит страшнее!) да вырабатывая все запасы крицы... Каждый день из кузней выносили десятки наконечников для стрел и сулиц, рогульки железные, стальные умбоны, и плотники с кожевенниками тут же принимались собирать щиты, мастерить срезни и дротики...

Яромир закрепил за сотнями участки стены, приказав заранее натащить наверх камней да залить городни водой с внешней стороны — лед укрепит тарасы, а скользкий подъем на вал наверняка помешает штурму... И с возвращением князя да могучей рязанской рати, с прибытием жителей Белгорода и беженцев окрестных весей воевода стал лишь еще быстрее создавать новые отряды ополчения!

Юрий Ингваревич, высоко оценив старания боярина, разбавил защитников стен опытными дружинниками-лучниками, убрав из сотен совсем уж слабых стариков и безусых юнцов, а за каждым участком обороны закрепил отряды пешцев-гридей и опытных порубежников. Те смогут сменить соратников в городнях, если последние вымотаются в бою, или усилят их, коли совсем тяжело придется защитникам во время штурма! А вот три тысячи конных воев, лучших из лучших, князь до поры оставил при себе. Там, где случится прорыв поганых, туда и поспешат всадники, верховые ведь быстро доберутся до любого участка стены...

Кажется, все предусмотрели князь с воеводой, все возможное от себя сделали, хотя, учитывая огромное число беженцев и могучую рать, запасов еды в городе хватит ненадолго. Но ведь и татары не собираются медлить перед штурмом! Он последует уже скоро, судя по поспешным приготовлениям врага... И стоит признать, действуют поганые очень грамотно, толково: как только начали разбивать лагерь, вражеские лесорубы тут же потянулись в лес, чтобы валить молодые деревья на надолбы, а водоносы в это время устремились к реке. Не стали тянуть вороги и со сбором метательных машин!

Позавчера князь упустил самый удобный момент для вылазки – вечер и ночь первого дня осады, когда не была готова линия надолбов перед крепостными стенами, когда остовы пороков татары унесли в лагерь. На тот момент это еще было возможно... Но на первую ночевку вся орда собралась вместе, и число поганых раз в семь превосходило княжье войско. Правда, без учета нового ополчения, но и выводить плохо обученных и слабо вооруженных мужей в поле было совсем неразумно... Да и даже с ними нехристей было в три с лишним раза больше!

Но уже на следующий день, когда едва ли половина туменов Батые ушла на север, татары успели закончить и двойную линию вмороженных в землю надолбов, опоясавшую всю северо-восточную стену и протянувшуюся до берегов Оки, и уже практически закончили собирать пороки – вон они, высятся за преградой! А рядом с камнеметами расположилась и многочисленная охрана осадных орудий...

И все же именно этой ночью князь решился на вылазку. Ибо если не сегодня, то уже никогда! Юрий Ингваревич хорошо запомнил слова порубежника Егора об опасности татарских пороков, теперь он и сам ее отчетливо понимал... Как и то, что лиши поганых камнеметов, и им нечем будет сломать крепостные стены! А пытаясь забраться на них, они быстрее умоются кровью, чем войдут в Рязань!

Нужно лишь сжечь пороки, закрытые от врат крепости надолбами, охраняемые многочисленной бдящей охраной. Вон среди костров изредка мелькают фигурки прохаживающихся, чтобы не замерзнуть, дозорных... И потому князь решил действовать наверняка!

Половцы ведь нередко роднились с русичами, порой гибких и стройных станом, горячих в любви жен-половчанок приводили с собой

из похода вой. Порой из полона возвращались бабы с приплодом или рожали после того, как их насильничали степняки... Бывало всякое, в том числе и настоящие, крепкие браки по любви. Так или иначе, но в порубежье жило много мужей с половецкой кровью в жилах, воспитанных русичами как воины и защитники от разбойного соседа. Внешне похожие на степняков, нередко перенимающие искусство боя кочевников, их одежду, выучившие их язык... И среди отступивших с князем ополченцев порубежья хватало подобных ратников!

Этим днем из числа ополченцев и дружинников отобрали полторы сотни похожих на половцев воев, знающих язык, обрядили их в имеющиеся в городе одежды степняков или похожие на них. Вооружили саблями, вогнутыми внутрь степными щитами, выдали бурдюки с льняным маслом, да каждому выдали по огниву. Вечером ряженные ратники прошли подземным ходом, а уже ночью они должны были войти в лагерь с восточной его оконечности! Там, где к кибиткам и шатрам кочевников практически вплотную прилегает лес... И если им все удастся, ратники под покровом тьмы должны незаметно прокрасться сквозь стоянку поганых к порокам и поджечь их!

Вот только сквозь охрану столь малое число воев (а ведь для незаметного прохода по лагерю оно наоборот избыточно!) не пробьется. И потому ее нужно обязательно отвлечь...

Из Рязани за внешний обвод стен ведут два подземных хода, как и в большинстве крепостей русичей. Один – к воде, второй – далеко за пределы града, чтобы успеть спасти княжескую семью. Вот он кончается как раз в лесу, подступающем к стоянке поганых, и им же сегодня провели смертников, ясно понимающих, что после поджога пороков им вряд ли удастся вырваться за линию надолбов...

Вторым же, ведущим к крутому обрыву Оки у западной стены, вышли две сотни дружинников-пешцев с лыжами. Как только подобравшиеся к порокам вой подадут сигнал факелом – трижды проведут полукругом над головой, – гриди на лыжах последуют к заграждению.

Надолбы напротив пороков идут сплошной стенкой без проходов, но они ведь не вкопаны в землю, а всего лишь заморожены в снег! Выломать их, как можно скорее сделать брешь в ограде – и тут же в атаку пойдет тысяча конных дружинников, сейчас терпеливо ожидающих сигнала внизу, у ворот! Они вместе с истцами

прорвутся за колья, свяжут боем охрану пороков (возможно, даже сами успеют что-то сжечь), но главное, отвлекут нехристей! И когда ряженные в половцев русичи побегут к камнеметам, никто не подумает, что это враг – поганые примут их за своих, за поспевшую на выручку подмогу! И так будет, пока не загорится первый камнемет... Лишь бы только сумели пройти незамеченными по лагерю, лишь бы только не проявили себя раньше времени, подбираясь к порокам...

Но словно в ответ на самые страшные опасения князя, он вдруг отчетливо разобрал чей-то протяжный, пронзительный крик боли, раздавшийся со стороны татар! И в считанные мгновения стоянка захватчиков стала оживать испуганными воплями и ревом поганых, первым лязгом скрещенных клинков... Заметались фигурки дозорных у костров отдыхающей охраны пороков, стали вскакивать на ноги вороги, и, скрипя от бессильной злости зубами, Юрий Ингваревич крикнул Яромиру, бодрствующему на обламе башни:

– Давай сигнал пещам! И передай приказ всадникам, пусть готовятся!

Уже понимая, что задумка его не удалась, князь все одно решил атаковать! Может, отвлеченные возней в лагере защитники камнеметов не сразу поймут, что началась вылазка из крепости? Потекли томительные минуты ожидания – и ведь действительно отвлеклись на начавшийся было короткий, отчаянный бой тургауды (именно своим гвардейцам Батый доверил стеречь манжаники и вихревые катапульты), проглядели стремительный рывок лыжников к надолбам... Да и расстояние от заграждений до крепостной стены всего-то четыре сотни шагов, преодолеть недолго!

Но как только вой начали выламывать колья, скоро облачившиеся в худесуту хуяг монголы принялись бить по ним из составных луков да метать в сторону русичей горящие головешки. Те, упав на снег, затухают не сразу, какое-то время давая слабый, мерцающий свет, вырывающий из темноты мечущихся вдоль надолбов дружинников... И лучшие лучники во всей орде, гвардейцы-хорчины умудряются даже при столь тусклом освещении находить цели! А выпущенные ими срезни на близком расстоянии пробивают кольчуги...

Но покуда разгорается бой у линии надолбов, уже заскрипели ворота, и опустился вниз подъемный мост надвратной башни. Раскрылись створки, и загрохотали по толстым бревнам сотни копыт!

Вылетела из крепости дождавшаяся своего часа старшая дружина, устремилась к заграждению, где уже появились первые, пока узкие проходы, в коих сошлись лицом к лицу тургауды и пешие гриди! Неистово рубят друг друга в хаотичной схватке лучшие вой обеих ратей, и ни одна сторона не может взять верх – отчаянной храбрости русичей противостоит холодная монгольская ярость! Ударом на удар отвечают друг другу гвардейцы, и только сраженные падают на забрызганный кровью снег... Однако ведь ширятся же бреши в надолбах, ширятся!

Четыреста шагов для тяжелого галопа всадников – это ведь не более восьмидесяти ударов сердца, практически ничего! Выпущенной из лука стрелой долетели гриди с уже зажженными факелами до проходов, и каждый сотник загодя затрубил в боевой рог, предупреждая соратников, чтобы успели уйти с пути... Кто-то успел, а кто-то и нет, но, сбивая порой и замешкавшихся русичей, дружинники протаранили преградивших им путь поганных, втоптали в снег хваленых тургаудов копытами тяжелых жеребцов!

Неистово, бешено рубят русичи спешенных монголов чеканами и саблями, крушат черепа врагов шестоперами, сгоряча не ощущая собственных ран! А их соратники подгоняют жеребцов шпорами, бросают на манжаники бурдюки с маслом, кидают на них зажженные факелы... И вот уже загорелся один порок, второй, третий, а пешцы все еще бьются за надолбы, расширяя проходы, и уже спрыгивают всадники из седел, стараясь помочь своим!

Впрочем, полсотни лучников на лыжах побежали дальше, вдоль заграждения... Они докатились до вихревых катапульт и там, быстро разведя костерок из запасливо прихваченного с собой сушняка, подожгли стрелы, заранее вымоченные в сере! И первый же залп их обрушился на ближний камнемет, запалив его в считанные мгновения...

Но уже не сотни – тысячи поганных бегут к лошадям, уже вся ханская гвардия скачет к месту схватки! А кюган тургаудов, защищающих требушеты и катапульты, отвел назад стрелков-хорчинов и в свете трех из пятнадцати горящих манжаников приказал им бить по скакунам русичей! У многих ратников грудь верного коня защищена кольчужной попоной или даже дощатой броней, но срезни пробивают кольчуги, находят уязвимые места на незащищенных боках животных, и всадники падают вместе с лошадьми... Вскоре накрыли монгольские

лучники и воев, ударивших по вихревым катапультам. Те сами выдали свое положение зажженными стрелами да костром, и в ответ вскоре хлестнул по ним град срезней, быстро выбивая дружинников...

И все одно прорываются русичи сквозь ряды поганных, выставивших перед собой чжиды и сбившихся в некое подобие «ежей». Еще два больших порока запылали, да три маленьких подожгли горящими стрелами слишком быстро гибнущие смельчаки...

Но уже доскакали до орусутов тургауды Бату-хана и ударили всей силой по рассеявшимся вдоль надолбов гридям, потерявшим ход! А ведь едва ли не половина ратников еще даже не миновала заграждения...

Юрий Ингваревич понял, что большего уже не дожидается, что дружинникам не удастся прорваться к оставшимся порокам... Нет, нужно уводить людей, иначе погибнет слишком много воев, столь нужных при защите крепости, ведь на стене каждый умелый боец стоит троих врагов! Затрубил он в рог, подавая своим людям сигнал к отступлению, а воевода Яромир уже зычно закричал лучникам с составными луками, тревожно наблюдающим за сечей у бойниц:

– Приготовиться!!! Пальцы грейте, покуда возможно!!!

Не лишний совет: с замерзшими пальцами теряются ловкость и сноровка стрелков, но матерые и умелые вой и сами все знают... Между тем, заслышав сигнал боевого рога, развернули коней еще не вступившие в бой гриди, отхлынули назад уцелевшие пешцы, растворились в ночной тьме, бодро покотив на лыжах к обрыву Оки, к подземному ходу...

А кто из боя вырваться не смог, тот в эти самые мгновения умирает. Тяжело раненный стрелой в лицо, или стащенный из седла крюком чжиды, или изрубленный саблями да затоптанный копытами монгольских лошадей... Но все еще сражаются старшие дружинники, в час собственной смерти выручая соратников! Последним волевым усилием ткнув рогатиной в врага, или ударив булавой, или рубанув топором аль клинком... Выигрывают обреченные считанные мгновения, коих татарам не хватит догнать отступивших да на плечах их ворваться в град!

И когда тургауды, истребив у надолбов всех вступивших в бой русичей, бросились вдогонку, последние уцелевшие ратники уже вступили на мост! А прикрывая их, из ближних к воротам городней и

облама башни ударил во врага град стрел! Впрочем, поганые все одно бы не смогли проскакать вперед – замыкающие колонну всадников вой рассыпали за собой железные рогульки, отбив у напоравшихся на них татар всякое желание продолжать преследование...

Ночной бой окончился, и, глядя на восемь огромных факелов да мечущихся в свете огня поганых, Юрий Ингваревич с тоской подумал о том, что его дружинники хотя бы попытались... А после твердо приказал обрушить оба подземных хода: коли враг узнает от полоняников, как проникнуть по ним в крепость, жди беды!

Глава 5

Людская толпа, собравшаяся у собора Святой Софии, грозно зашумела, заслышав о сборе ополчения. И в разных концах ее тут же раздались враждебные, нетерпимые возгласы подговоренных (или подкупленных) посадником и боярами заводил, надрывающихся изо всех сил:

– Не пойдем!

– Нет дела нам до владимирцев!

– Коли мужи уйдут, кто Новгород оборонит от псов-рыцарей да свеев?!

Многоголосен их крик, и слова заводил находят широкий отклик среди народа, собравшегося в детинце со всех концов великого града: Людина, Наревского, Славенского, Плотницкого, Загородского... И молодой, семнадцатилетний княжич лишь в бессильном гневе сжал кулаки: новгородцы в своем праве. Князь для них – лишь вожак на время военного похода! Но быть тому или нет, решает вече, а по сути – боярский совет, управляющий вечем через верных людей-заводил и подкупающий простых мужей посулами, а когда и дарами, и обильными угощениями с хмельными медами, текущими едва ли не рекой... Все зависит от того, насколько важно нужное для посадского и бояр решение веча, да насколько сложно убедить народ его принять!

Вот когда сами бояре не могут договориться между собой, вот тогда вече становится едва ли не полем боя их интересов. Полем боя буквально – порой в ход идет дреколье и булыжники! Однако сегодня боярская верхушка Новгорода единодушна в своем желании отказать молодому княжичу...

И подкупать сейчас никого не требуется – новгородцы не хотят собирать рать на помощь Владимиру. Люди еще помнят Липицкую битву, в коей новгородские да смоленские полки разбили Владимире-суздальскую рать, ведомую Юрием Всеволодовичем да отцом княжича, Ярославом. Потери, как и взаимная ненависть с *обеих* сторон, были велики, и сердца людей ведь не остыли и до сей поры...

Помнят люди также и голод, разбушевавшийся в граде, когда Ярослав Всеволодович, разъяренный самоуправством посадника и

бояр, осадил Торжок, не пуская зерно из низовых земель в Новгород. Сколько в ту страшную пору народа сгинуло, и думать страшно... А в другой раз, когда из-за неурожая вновь разразился голод, ближники князя и вовсе тайком вывезли обоих княжичей из Новгорода. Тогда воевода Федор Данилович и тиун Яким испугались ярости обезумевших от голода и горя горожан, ведь последние вполне могли растерзать мальчишек в отместку их жестокосердному родителю, не отменившему заботничье...

Между тем голод тот был особенно страшен, потому что запасы еды здорово сократились из-за переяславльской рати, стоящей летом в городе! Так что счет у новгородцев к владимирцам длинный, и желания складывать головы за бывшего врага нет ни у кого...

Сегодня власти княжича Александра Ярославина, правящего от лица отца, хватило лишь на то, чтобы созвать вече и призвать народ выступить на помощь дяде, великому князю Юрию... К слову, еще когда прибыли в Новгород первые гонцы из Владимира, Александру удалось спешно собрать городской полк из числа ратников верных отцу бояр и отправить их на юг. При себе княжич оставил лишь две сотни конных воев старшей дружины, а верные бояре, отдав своих людей в поход, теперь никак не могут помочь с решением веча, ибо утратили они голоса мужей, кто мог бы сейчас перекричать заводил посадника, кто мог бы убедить новгородцев всерьез воспринять опасность вторгнувшихся на Русь ворогов!

Но за всю свою историю Новгород не знал нападения кочевников, пришедших с востока и юга, зато ему часто приходилось сражаться со свеями. А тут еще и рыцари ордена меченосцев подступили к самым границам княжества, покорив земли чуди к западу от Изборска и до самых литовских владений...

И пусть отец громил меченосцев на Омовже. Пусть тяжелое поражение крестоносцы потерпели от литовцев в сече у Сауле, где рыцарей истребили едва ли не поголовно! Но остатки меченосцев уже прошлой весной объединились с тевтонцами... Великий понтифик католиков объявил их Ливонской комтурией Тевтонского ордена.

А тевтонцы усилили врага, отправив им на помощь шестьдесят рыцарей и шестьсот сержантов. И, таким образом, сейчас общее число ливонцев составляет до ста восьмидесяти рыцарей и двух тысяч сержантов. Кроме того, ландмейстер комтурии Дитрих фон Грюнинген

собрал шеститысячное ополчение из крещеной по католическому обряду чуди... Не так уж и много. Вот только лазутчики докладывают: магистр тевтонцев Герман фон Зальца и король данов Вольдемар уже ведут переговоры о землях чуди – в частности, о построенном данами замке Ревель на месте захваченного ими Колываня. Ранее меченосцы взяли Ревель с боем, но если теперь из-за слабости своей они уступят его Вольдемару, последний вполне может поддержать крестоносцев своими воинскими отрядами...

Вот так сжимается гибельное кольцо вокруг Новгорода: с севера – свей, с северо-запада – даны, с запада – главный враг, немецкие ливонцы-меченосцы. Но самое страшное, бродит пограничный Псков, крепко бродит: до поражения при Сауле псковичи открыто помогали меченосцам, заключив с ними военный союз, а между сильнейшими городами севера Руси едва ли не началась война! Правда, после разгрома рыцарей новгородцы заняли ослабевший Псков (дружина его также понесла потери от литовцев), посадили в нем своего наместника. Но бывший князь Ярослав Владимирович, любимый и уважаемый в Пскове, сбежал к крестоносцам и ныне просит у них военной помощи! Подбивает вернуть свой город, обещает, что переметнется он от Новгорода, откроет ворота рыцарям... И ведь посулы его далеко не лживы!

А потому все, кто считает, что нельзя отправлять большую рать во Владимир, по-своему правы. Да, велика сила одного из самых больших княжеств Руси! Новгород может собрать тысяч пятнадцать воев, включая богатый, хорошо вооруженный многочисленными купцами городской полк, опытных дружинников новгородских бояр, а также малые дружины и ополчение городов словенской земли – Ладоги, Изборска, Торжка, Старой Руссы. Наконец, к выгодному для них походу могут присоединиться и новгородские удалыцы-ушкуйники... Но нельзя ведь трогать отряды пограничных Ладоги и Изборска, лежащих на пути свеев и немецких крестоносцев. А какую бы часть городского полка ни отправили на юг новгородцы, крестоносцы и свей о том прознают еще до того, как покинут вой пределы княжества! Ибо Готский и Немецкий дворы Новгорода кишат лазутчиками всех врагов разом...

Александр Ярославич, легко, пружинисто вскочив в седло подведенного к нему жеребца, со злостью посмотрел в сторону

довольно улыбающегося посадника Степана Твердиславича и собравшихся вокруг него бояр. Вече примет именно их решение – кто бы сомневался! Но первые люди Новгорода не понимают, что если орда нехристей столь многочисленна и сильна в битве, как о том сообщают гонцы дяди Юрия, то владимирская рать может проиграть! Будь иначе, разве он просил бы подкрепление столь требовательно? Но, сокрушив великого князя, монголы дойдут ведь и до Новгородских земель. Все случается впервые! И тогда сражаться придется уже на своей земле, всей своей ратью, вместо того чтобы отправить во Владимир половину войска или даже хотя бы треть его... А устоит великий князь с новгородской помощью, так разве не отправит он на север помощь в случае настоящей угрозы со стороны псов-рыцарей? Как отправлял уже ранее, когда разбили меченосцев при Омовже!

Не понимают, не хотят понимать, ослепленные собственной жадностью, упивающиеся кажущимся им всевластием... Может, сознательно желают, чтобы Владимир проиграл и крутой нравом да скорый на расправу Ярослав Всеволодович лишился бы поддержки брата да дружин родового Переяславля?! Кто знает...

Княжич легонько тронул пятками бока жеребца, направляя его к воротам детинца, когда навстречу ему подскочил боярин Таврило Олексич, высокий и кряжистый муж с крепкой рукой да храбрым сердцем, один из немногих действительно верных ему людей в Новгороде.

– Не кручинься, княжич. Когда прибудет Ярослав Всеволодович с дружиной, вече примет другое решение. Все помнят твоего батюшку и его крутой нрав, и даже посадник поостережется выступить против явно.

Александр, уступающий боярину и ростом, и сложением – хоть и с пяти лет упражнялся молодой муж в воинском искусстве, но еще не вошел в мужицкую силу, – невесело усмехнулся. Рядом с Таврило он вдруг почувствовал себя не правящим от лица великого отца княжичем, вынужденным искать и принимать сложные решения, а все еще незрелым отроком, мечтающим о далеких подвигах и засматривающимся на каждую хорошенькую девицу... Потому сейчас он ответил искренне, не стараясь держать голос и подбирать нужные выражения:

– То-то отец Новгород бросил, оставив его на меня и на Федора... Царствие ему небесное...

Ненадолго посмурнев при воспоминании о рано ушедшем старшем брате, княжич продолжил с мечтательным выражением на лице:

– Эх, Таврило, бросить бы новгородское болото да махнуть с моей лишь дружиной в Переяславль, в родной дом, а уж там собрать ополчение да ратников! И то бы было больше толку и не так стыдно перед дядей!

Боярин, по-доброму усмехнувшись в густую бороду пшеничного цвета, ответил степенно и разумно:

– Нельзя, Александр Ярославич, никак нельзя. Две сотни гридей – сила весомая, но у великого князя дружинников будет всяко больше. А вот Новгород оставлять и вовсе без княжеской власти – не иначе как обречь его на погибель. Посадник Степан Твердиславич да бояре только сегодня на вече едины были, решая, посылать мужей на помощь Владимиру или нет. Но в другом они не сойдутся, друг другу в глотку вцепятся, а внутренней распрей воспользуется ворог – хоть своей, хоть меченосцы. Ты вот на Степана сегодня обиду затаил – не противься, княже, на лице все написано, – но посадник власть свою никому не отдаст и за веру нашу держится крепко! А ведь в Новгороде есть и такие, кто с немцами единения и дружбы ищет, кто готов город под руку ордена отдать взамен за торговые выгоды... Вот и думай, княже, что случится, коли ты град оставишь без своей защиты!

Голубые глаза Александра Ярославича яростно сверкнули, напомнив боярину о горячей крови его грозного отца.

– Называй имена, Таврило Олексич! Не посмотрю ни на новгородское самоуправство, ни на посадника – к ночи головы предателей слетят с плеч!

Однако Таврило лишь качнул головой. Молод еще княжич, порывист... Нельзя имена ему называть: после унижения на вече Александр действительно может казнить тех, чья вина еще не доказана. И кто знает, не обманули ли верных людей боярина в Немецком дворе?

– Пока это лишь слух, княжич, неподтвержденный слух. Донесли о тайных переговорах мои доверенные с Немецкого двора... Вроде бы

знаются с кем посланцы меченосцев, переговаривают, торгуются... А вот с кем, пока неизвестно.

Александр рубанул рукой по воздуху так, словно в ней зажат клинок:

– Сегодня же сгоню всех немцев из города! Всех, кто имеет отношение к псам-рыцарям, а заодно и к свеям!

И вновь отрицательно мотнул головой боярин:

– Тогда придется и купцов выгнать, а против этого восстанут уже наши бояре и торговые люди: им ведь еще в земли немецкие с товаром по морю ходить. Да и вышлем посланников меченосцев, так дадим им повод к брани... Лучше бы вместо того, чтобы злиться да гневаться, отправил бы ты сегодня, княжич, гонцов своих к посаднику. Пригласил бы его переговорить, да не о помощи Владимиру, а о том, что предатели-бояре готовы Новгород немцам али свеям отдать, что нужно не враждовать, а вместе держаться! И войско в готовности держать... И переговорил бы с ним ласково, с уважением, словно и нет в тебе обиды! А когда Степан Твердиславич тебя услышит, обратится к тебе со вниманием, подними речь и о помощи дяде. Хотя бы о том, чтобы в Торжок подкрепление отправить, ополчение его да дружину усилить на случай поражения Владимира...

Александр Ярославич только невесело усмехнулся:

– Мне бы твою мудрость, Таврило Олексич!

Боярин, услышав столь приятные его сердцу слова, довольно кивнул:

– Мудрость приходит с годами, княже. А ты пока молод и горяч, хотя со своим служением справляешься гораздо лучше прочих! Я по молодости лет был неразумнее тебя, еще как неразумнее...

Недолго помолчав, Таврило продолжил:

– И помни, Александр Ярославич: начнется, не дай боже, война с рыцарями или свеями, так все, кто хотят Новгород защитить, вокруг тебя объединятся, дружинников своих дадут тебе беспрекословно! Ты – наше знамя, ты – наш вождь, тебе и новгородцев вести в сечу! И потому негоже тебе даже думать о том, чтобы сбежать к дяде во Владимир, даже мыслей таких в голове не держи! Вот прибудет отец твой, тогда вече все и решит...

Последние слова Таврило Олексича чуть испортили то впечатление, что произвело на княжича начало его речи. Однако они

были нелишни – сильна в Александре кровь деда его, Всеволода Большое Гнездо, проведшего молодость в ромейской земле, во вражде с братом, и женившегося на ясской царице! От него действительно можно дожидаться, что в горячности своей оставит Новгород, а ведь боярин ничуть не кривил душой, говоря про скорую гибель княжества, коли князь (настоящий, живой князь!) решится его оставить...

После недолгого молчания Александр неожиданно спросил:

– Коли литовцы – враг рыцарям, так отчего бы не заключить нам союз с врагом нашего врага?

Но Таврило Олексич лишь с сомнением пожал плечами:

– О том, княже, тебе стоит переговорить с отцом, как прибудет он в Новгород из Киева.

... Ведет личную дружину князь Ярослав Всеволодович сквозь земли Полоцкого княжества, спешит он по зимнику как может, торопя людей. Но то и дело его воям приходится пробиваться через наметенные сугробы, перекрывающие дорогу! Когда есть возможность, рать его следует по льду рек, но, увы, этим путем удастся воспользоваться далеко не всегда. Вот и сейчас значительный кусок пути между Днепром и Ловатью преодолевают гриди по заметенной земле...

И всю дорогу старые раны терзают тело немолодого воина, а волнения и затаенные страхи бережат его душу! Ярослав Всеволодович полжизни провел в военных походах и битвах. Начал еще в тринадцатилетнем возрасте, повоевав в степи против половцев. Затем своим же чрезмерно крутым правлением в Новгороде довел до брани с тестем, Мстиславом Удатным, причем их противостояние вылилось в усобицу между старшими братьями Всеволодовичами: Ярославом и Юрием с одной стороны и Константином – с другой. А окончилась она жуткой, кровопролитной липицкой битвой, где погибли тысячи русичей, где едва ли не пал сам князь, потеряв шлем...

Да еще обернулась сеча самым страшным унижением в его жизни: Удатный забрал свою дочь Ростиславу – молодую и любимую жену Ярослава... И не отдавал, несмотря ни на какие уговоры и мольбы обоих супругов. Два года не отдавал! Лишь после тестя немного оттаял и позволил им воссоединиться, после чего семья начала быстро пополняться детками: красавица Ростислава подарила мужу девятерых

сыновей и еще двух дочек! Но братоубийственная липицкая сеча и сейчас является Ярославу в ночных кошмарах...

После нее был совместный поход с Юрием и Святославом на болгар, а двенадцать лет назад, вновь став новгородским князем, Ярослав наголову разбил большое войско воинственных литовцев близ Усвята! Разошлись литовцы после поражения русичей на Калке, воспользовались ослаблением Смоленского княжества да захватили всю Торопецкую волость, пограбили людей, побили купцов! Но отвадил их Ярослав, крепко да надолго отвадил...

Затем князь ходил на ямь и крестил корелу, после чего уже сам отразил нападение ями на свою землю. И наконец, всего четыре года назад сокрушил крестоносцев на Омовже вблизи захваченного ими Юрьева! Умылись тогда кровью псы-рыцари, заметно ослабели после поражения меченосцы...

Немало и крепко повоевал за свою жизнь Ярослав Всеволодович, случались на его веку и громкие победы, и сокрушительное поражение. Он познал в бою быстрых, юрких половцев, стремящихся заманить преследующего врага в ловушку и часто бьющих из своих составных луков. И упрямых в сече болгар, помимо легкой конницы располагающих и пешими копейщиками, и тяжелой конницей бахадиров, равной гридням русичей в конной сшибке... Он познал ярость и доблесть в сече Мстислава Удатного... Но всех их разбили монголы, всех!

Они захватили всю половецкую степь, взяли и разрушили многочисленные болгарские крепости, ничем не уступающие по защищенности детинцам русичей... Разгромили на Калке войско четырех сильнейших князей южной Руси – рать, что заметно превосходила силы тестя и старшего брата на Липице! Так как они с Юрием смогут противостоять монголам, коли пойдут они на Владимир, а то и дальше – на Новгород?!

Три тысячи конных гридей ведет за собой Ярослав. Это и переяславльские ближники, и верные лично ему новгородские дружинники, с коими он взял Киев и утвердился в нем князем. И собственно киевские ратники, коих, увы, совсем немного... За годы вражды и соперничества русичей (а заодно и венгров, и ляхов!) за великий град земля княжества оскудела, а после Калки не осталось и тени ее былой мощи! Разве что торки представляют собой

достаточную для сражения силу, но торки, по древнему договору с князьями, защищают степной рубеж, не влезая в бесконечные распри за Киев. Не удалось и Ярославу сманить их за собой...

Так кого же вести ему на помощь старшему брату? Времени на сбор ополчения у новгородского князя в обрез. А ведь еще и вече должно утвердить его созыв, но удастся ли убедить людей пойти на войну? Вспомнят ли они, что после Липицы владимирская рать сражалась вместе с новгородской на Омовже? Осознает ли опасность вторжения боярская верхушка? Ярослав однажды уже душил голодом строптивых новгородцев, заняв Торжок и не пуская обозы с зерном из Суздаля. Но как быть, коли Суздаль падет и некому будет сеять и собирать урожай будущим летом, а на севере вновь выдастся холодное да дождливое лето?! А ежели не осознают, поднимется ли народ против князя, коли начнет он хватать да сажать в поруб бояр, посмевающих не подчиниться? Одни вопросы...

А тут ведь еще и с севера давят вороги... Сейчас его вой попирают копытами верных жеребцов землю Полоцка, пока еще сидит в нем русский князь... Но меченосцы и рыцари рижских епископов уже отняли у княжества данников из племен чуди и отразили все попытки полоцких князей выбить немцев с занятых ими земель, где враг во множестве возводит деревянные в большинстве своем замки, но с каменными цитаделями.

Захватили псы-рыцари княжества Куконоское и Герсикское, зависимые от Полоцка, и перекрыли полочанам торговый путь через Двину, построив город-крепость Ригу в устье реки... Ослабело княжество в борьбе с крестоносцами – и тут же начали притеснять его литовцы! Последние также враждуют с католиками, но благодаря давлению внешнего врага они сплотились, окрепли, приняли единого для всех племен князя! И в итоге смогли разгромно разбить меченосцев при Сауле два года назад, заманив тяжелую рыцарскую конницу на болота...

Хорошо бы заключить с литовцами союз, вместе с ними начав давить немцев, да только не хотят те союза. Они, окрепнув, захотели воевать, захотели больше земель да богатой добычи! И ныне чередуют удары то по Полоцкому княжеству, то по Смоленскому, и в Новгородские земли пытались влезть! И если до Калки смоленские рати успешно отражали натиск литовцев, то ныне все переменялось –

ослабели смоляне, того и гляди захватят вороги княжество! И вот что с этим можно поделывать-то, а? Когда враг неудержимо напирает с севера, а с востока в большой силе пришли никому не ведомые монголы?!

Хотя... Кое-что все-таки можно. У полоцкого князя Брячислава Васильковича ведь подрастает дочка, уже заневестившаяся красавица Александра. И, сосватав ее за старшего сына, Ярославу удастся сблизить Полоцк с Новгородом, отдалить его от литовского влияния! Тем более что будущие внуки смогут претендовать уже и на княжество... Наконец, для Александра такое решение также вполне удачно: молод сын, горяч, как бы не натворил бед из-за играющей в жилах крови! Лучше уж пусть с законной, венчанной супругой милуется, тогда, глядишь, и детки побыстрее пойдут...

А ведь сейчас это важно, очень важно... Кто знает, чем кончится вторжение монголов, кабы не пришлось вместе с окрепшим уже сыном идти в сечу! А там всякое может случиться, а так хотя бы внук или внучка останутся... Но даже если и не с монголами Александру ратиться, хватит и на его век походов да битв. Ибо меченосцы – точнее, теперь уже тевтонцы – не остановят свой натиск на восток, на земли Руси, покуда не получают желаемое... Или пока не будут истреблены!

Глава 6

– Егор! Егор!!! Просыпайся!

Кто-то отчаянно трясет меня за плечо, и я вынырываю из сгустившейся во сне тьмы, словно из толщи воды, немного очумело оглядываясь по сторонам. В очередной раз переход от красочной, живой и едва ли не осязаемой навигации к настоящему дезориентирует меня, особенно учитывая, что в своих сновидениях я являюсь безмолвным, а главное, бездумным свидетелем. И потому в первые секунды после пробуждения на меня накатывают эмоции от пережитого, а уже после начинается лихорадочное осмысление...

Вот и сейчас приходится привыкать к тому, что я не стою рядом с князем Юрием Ингваревичем в узкой стороже надвратной башни, что не слежу за яростной схваткой у надолбов, словно паря над ней, лишь иногда опускаясь, а мирно сижу за столом во все той же избе! И следом меня догоняет отдаленно бьющаяся на задворках сознания мысль: мы не попадем в город подземным ходом. Ни одним из них...

Между тем Микула, добродушно усмехнувшись, подал мне деревянную миску с ароматной, пышущей жаром пшенной кашей, после чего едва ли не ласково произнес:

– Ну здоров ты спать, тысяцкий голова! Насилу до тебя добудился. Давно ведь уже все проснулись, кулеш сготовили, а ты даже не шелохнулся! Ночью, что ли, уснуть не смог?! Или...

Тут северянин чуть приглушил тон: о своих видениях я однажды рассказал ельчанам и Коловрату, еще в самом начале пути. Но остальные по-прежнему не в курсе... И не то чтобы я не доверял хлопочущему у печки Ждану, но вот как-то не пришлось к случаю поведать и ему о своем даре провидца. Хотя видения меня уже очень давно не посещали, и я уже позабыл о своих сверхспособностях, а тут вдруг...

В ответ на вопрос Микулы я коротко бросил, давая понять, что сейчас не настроен что-либо обсуждать:

– Или.

Здоровяк-дружинник понятиливо кивнул, не обижаясь на холодный ответ. Он вообще редко обижается, этот прекраснодушный богатырь, и

тем страшнее та разительная перемена, происходящая с ним в схватке... Примириительно кивнув в ответ, я уже погрузил поданную товарищем же ложку в аппетитно дымящееся варево со стойким мясным духом, как дверь четырехстенка распахнулась, и внутрь ураганом ворвался Кречет:

– Собирайтесь! Сюда по реке татары идут!!!

Так и не донеся ложку с кашей до рта, я резко вскакиваю – синхронно с Микулой, с грохотом перевернув лавку! Но на это уже никто не обращает внимания, так как все бросаются к стоящим вдоль стен узлам с броней и шеломами.

Свой юшман я надеваю через голову, прямо на поддоспешник-стеганку. Да-да, то, что получилось сделать у пронского кузнеца Никиты по моему срочному заказу, иначе как юш-маном не назовешь! До появления на Руси калантаря – первого образца комбинированного кольчато-пластинчатого доспеха – ждать еще примерно лет сто пятьдесят. А до изготовления бахтерцов поместной конницы или копирования у арабов юшманов – и того больше. Но! Я-то ведь знал, чем хочу быть защищен! И технологически сделать из местной дощатой брони (ламеллярного панциря) и кольчуги единый доспех оказалось не столь и трудно, особенно если знаешь, что хочешь получить!

Ламеллярный панцирь с такими же дощатыми наплечниками и подолом не берут ни срезни, ни рубящие удары сабель и мечей, ни даже мощные копейные уколы. Ибо сей средневековый бронежилет скреплен из наслоенных друг на друга пластин, сцепленных между собой ремешками или проволокой. Фактически воина закрывают сразу два слоя стальных «досок».

Хотя, конечно, стопроцентной защиты не даст ни одна броня – все одно клевцы и узколезвийные чеканы способны пробить даже ламелляр, а булаве или шестоперу ничего пробивать не нужно. Переломанные кости и травмированные внутренние органы гарантированы и при внешне целом панцире... И при этом у дощатой брони остаются незакрытые промежутки между пластинами – подмышки, внутренняя сторона рук целиком, локтевые суставы.

Раньше я пытался носить панцирь вместе с кольчугой, но вся вместе броня гридя-русича весит столько, что я с великим трудом заставлял себя двигаться в схватке с требуемой скоростью! И под

весом десятка-другого килограммов железа уставал все одно чересчур быстро, едва поспевая встречать вражеские атаки и бить в ответ...

Но за день перед выходом из Пронска мне удалось зайти к толковому кузнецу Никите и объяснить мастеру, что желаю получить по итогам. А сутки спустя его напряженной работы у меня появился средневековый бронежилет из несколько облегченного ламеллярного панциря (пластины оставили лишь на груди и животе, а также на спине) и прикрепленной к нему кольчуги, защищающей прочие участки корпуса. И то, что получилось, похоже прежде всего именно на юшман! Жаль, правда, что соратникам переделать брони пока не успели...

— Сколько их?!

Также спешно облачающийся в собственную броню Кречет глухо ответил:

— Не знаю пока... Дозор заметил только начало колонны и тут же отправил гонца. И он предупредил, что идут татары ходко!

— Плохо!!!

Надевая наручи на предплечья да затягивая на них шнуровку, я одновременно с тем лихорадочно анализирую ситуацию. Кто это может быть, почему татары возвращаются? Дезертиры?! Вряд ли. Судя по сну, у Батыя сейчас хватает еды, ордынцев манит большая Рязань с богатой добычей, и все покоренные в настоящий момент одержимы жаждой наживы. Тем более что о разгроме Бурундая и Кадана татарам пока неизвестно, а значит, дезертиры точно поостереглись бы так смело идти по реке! То есть договориться с отпавшими от монголов покоренными точно не выйдет.

А если не дезертиры, то это охотники за головами, наверняка из половцев. Идут вдоль реки, заглядывают в брошенные поселения, ищут гражданских, кто при приближении врага спрятался в лесу, а после прохода орды вернулся в уцелевшие дома.

Кстати, умно! На пепелища ведь никто уже не вернется! Потому, видать, далеко не все веси татары пожгли, приняли во внимание возможность возврата в них жителей... Теперь вот решили по ним пошукать, и думаю, не так уж и безрезультатно...

Что получается в итоге? Наверняка половцы, наверняка не так их много. Сотен пять. Зачем посылать больше против баб да детей со стариками? Но принять бой в деревне даже с пятью сотнями степняков

– значит потерять преимущество маневра, отдать врагу инициативу. Были бы хоть окна в избах нормальные, широкие да на уровне груди, можно было бы попробовать перебить врага, втянувшегося вглубь застройки, стреляя из луков и арбалетов. А так совсем не вариант: в ближней схватке на клинках, пешими да без строя – тут преимущество будет на стороне многочисленных нападающих...

Завершив оценку складывающейся ситуации, я первым выскакиваю наружу, немного опередив Кречета, и сразу же начинаю кричать, отдавая приказы воям:

– Елецкие и рязанские десятки, самострелы с собой, запас рогулек побольше, и на лыжах вдоль реки, лесом, навстречу татарам! Старший над вами Микула!

Оборачиваясь к выскочившему вслед за мной богатырю и уже чуть тише добавляю:

– Обойдите татар со спины и рассыпьте в тылу их рогульки. Да пошире участок, чтобы конные прорваться точно не смогли! И как потянутся поганые назад, бейте из самострелов по колонне, прикрывшись деревьями.

Северянин понятливо кивнул, а я быстро добавил:

– И это, Микула... Как мне думается, к нам идут половцы, сотен пять. Много нукеров за полоном посылать не к чему. С ними мы должны сладить, но если врагов больше, и значительно больше, трижды труби в рог... Ну, с Богом!

Дружинник вновь кивнул и поспешил выполнять поручение, а я встречаюсь глазами с покинувшим избу Кречетом, и взгляд его кажется мне крайне недовольным! Но, не обращая на него внимания, я продолжаю отдавать приказы резким командирским голосом, крича на всю деревню во всю мощь глотки:

– Ждан! За тобой – два десятка конных лучников! Бери белгородцев и переяславцев, скачите навстречу татарам. Сближаться не нужно! Подойдите на расстояние полета стрелы, ударьте по ним, а как начнут подступать к вам, сразу скачите назад! Уводите их к повороту, покажите врагам свой страх – пусть думают, что вас действительно горстка... Остальные – строимся на реке за весью!

– Все сделаем!

Бродник с энтузиазмом побежал к лошадям, подгоняя выделенных ему воев, а я поспешно вышел за околицу веси, внимательно

рассматривая русло Прони и стараясь понять, не ошибся ли я, в своем плане отталкиваясь от увиденных уже вечером складок местности.

Но вроде бы все верно. У деревни река делает довольно крутой изгиб, и спрятать за ним сотню всадников вполне возможно. Замысел мой прост, но слишком сложные схемы на войне и срабатывают редко... Лучники завяжут бой, вытянут на себя степняков, доведут до поворота, откуда резко ударим мы – в лоб, копейным тараном! Половцы не успеют ни уйти, ни разойтись в стороны на льду относительно узкого русла Прони, по обоим берегам которой растет лес. Легкие всадники наверняка попятятся под нашим напором, а сзади их путь к отступлению отрежут полоса «чеснока» и залпы арбалетчиков.

При этом ни Кречет, ни Коловрат не попытались осадить меня или предложить свой вариант действий, что в одночасье утвердило именно меня в качестве лидера отряда! По крайней мере, на время текущего боя... А вот когда мы покинули Пронск, тот факт, что на жалкие полторы сотни гридей приходится разом тысяцкий голова (то есть я!), реальный командир, управлявший остатками наших дружин во время последнего штурма (Кречет), и крайне авторитетный боевой вождь, по совместительству боярин (Коловрат), нехило так затруднил выбор единого для всех начальника!

Собственно, до этой самой минуты у нас сложился триумвират, в котором ведущая роль постепенно уплывала как раз к самому авторитетному... Но, быстрее прочих среагировав на внезапную опасность и предложив далеко не худший план ведения боя, я перетянул одеяло на себя. Судя по молчаливому укору дяди и ледяному спокойствию Евпатия, обычно вполне добродушному, мой неожиданный маневр они приняли с неодобрением. Но ведь приняли же!

А для меня сейчас самое важное – победить, победить умно, с наименьшими для нас потерями! И не дать никому из врагов уйти, так как до поры до времени Батыю лучше не знать, что в тылу его орудует крепкий партизанский отряд!

Первыми ушли вперед лыжники Микулы, следом поскакали по реке навстречу татарам конные лучники Ждана. Оставшиеся же ратники принялись неспешно выводить боевых жеребцов на лед, отправив заводных коней и лошадей лыжников в тыл с пятеркой воев.

Большинство же дружинников готовятся к конной сшибке, проверяют: насколько хорошо подтянута сбруя, не сбилась ли где под седлом теплая зимняя попона? Крепкий Буран невозмутимо проигнорировал ласковые поглаживания по холке – вместо более легкого и быстрого Буяна я выбрал мощного, мускулистого и тяжелого жеребца, более всего подходящего для таранного удара! А вот верного четвероного друга, всегда отзывающегося радостным ржанием на любую ласку, я пока сделал заводным. Впрочем, выбор коня напрямую зависит от складывающейся ситуации и тактики боя – ратники Ждана, к примеру, выбрали как раз более скоростных и легконогих скакунов.

Взобравшись в седло, я перевешиваю на локоть прочный треугольный щит, закрывший левую половину корпуса и большую часть груди, после чего беру поводья в левую руку. Правая же до поры остается свободной – копьё сейчас висит на ременной петле, закинутой на плечо, а вторая, более узкая, фиксирует ее на стопе, вдетой в стремя... И в очередной раз с потаенной радостью я задумываюсь о том, что мне крайне повезло проснуться в теле предка, владеющего конным боем и хорошо знающего лошадей. С моим реконструкторским опытом здесь ловить было бы абсолютно нечего!

Блин, подумал о реконструкции – и сразу вспомнил и про столь далекий дом, и про семью... А ведь по дому и родителям я все-таки очень сильно тоскую... Когда есть свободная минута, и я вдруг осознаю, что пришел сюда из будущего, а не прожил в порубежном со степью Ельце всю жизнь!

...Томительно тянутся минуты ожидания до столкновения с врагом. На реке слышны пока лишь отдаленные возгласы татар да понемногу приближающийся к нам топот копыт многочисленных лошадей... С опаской я поглядываю на лед, ожидая услышать, как начинает он хрустеть под тяжестью жеребцов, но нет, держит крепко.

Осматриваюсь по сторонам – сосредоточены, серьезны воины, ждущие схватки; разговоров практически не слышно. Не тянет на поговорить людей перед сечей, что станет для кого-то последней... Только изредка раздаются чей-то одинокий голос да всхрапывания коней.

Но вот впереди наконец-то послышались крики воев Ждана, приближающихся с каждой секундой, и из-за изгиба берега вдруг показался первый всадник, развернувшийся в седле и посылающий

очередную стрелу в невидимого пока противника. Этот тактический прием в моем настоящем называется «парфянский выстрел» – обратиться к преследующему тебя врагу и выстрелить в упор! Правда, мои молодцы бьют как раз на максимальную дистанцию, да и нет ничего такого особенного в этом приеме, он известен всем без исключения степнякам.

За первым дружинником показался второй ратник, затем третий... Затем группа сразу из пяти всадников, ведущих за собой еще трех коней. Через седло одного перекинут раненый (надеюсь, что раненый!) русич, не подающий признаков жизни... А еще два скакуна летят вперед без седоков, и у всех воев из щитов, перекинутых за спины, торчат по две-три стрелы.

– Да что же это такое...

Горестный возглас раздается справа и позади от меня, но я не оборачиваюсь: отчего-то вдруг стало очень стыдно и страшно посмотреть в глаза воев, чьих соратников я использовал в качестве живой приманки... Между тем из-за поворота выскакивают еще трое всадников, и я в нетерпении подаю жеребца пятками в бока, посылая Бурана вперед, и одновременно с тем стаскиваю из-за плеча кавалерийскую рогатину. Моему примеру следуют и прочие гриди...

В это же время за тройкой дружинников показались еще два скакуна без наездников и, наконец, группа из пяти всадников да чуть позади их – шестой! В нем я узнаю бродника. Он смело замыкает свой отряд и по-прежнему ведет бой, посылая в преследующего врага очередной срезень!

Но тут же прилетевшая вдогонку стрела ударила в правое колено жеребца Ждана! Конь его взвился, скакнул вперед, истошно завизжав от боли, а после принялся падать на бок... И все происходящее словно бы замедлилось на моих глазах, позволяя отчетливо разглядеть, как ловко освобождает бродник ноги из стремян, как падает и тут же перекатывается на льду, в стороне от коня. Бодро вскакивает, сжимая в руках уцелевший лук, и замирает на месте перед скачущими в его сторону татарами...

– Уходи! В сторону уходи!!!

Я кричу во все горло, одновременно с тем посылая Бурана в галоп и склонив рогатину параллельно земле. Пальцы правой до боли стиснули ее древко, плотно зажатое также и подмышкой... Жеребец

послушно и, как кажется, радостно срывается на тяжелый, стремительный бег, от которого в ушах свистит ветер, и я чуть наклоняюсь в седле вперед, приникая к коню, сливаясь с ним словно бы в единое целое!

Ждан меня услышал или просто отошел от ступора после падения да гипнотизирующего вида накатывающей на него конной массы! Бродник резко рванул в сторону берега, убегая от татар, а последние уже показались за поворотом и принялись испуганно тормозить лошадей, разглядев нас! Но в следующий миг где-то далеко впереди тревожно проревел знакомый до боли рог – трижды проревел. И сердце мое будто ухнуло куда-то вниз...

Но переиграть уже ничего нельзя! И, ускорившись до того, что ветер засвистел в ушах, я стремительно понесся прямо на степняков, уже подавших своих коней назад, но не способных уйти из-за напирających со спины соратников! В груди при этом все сжимается от страха и одновременно восторга, и жажды схватки, и ярости, и чувства собственной правоты – правоты воина, защищающего свою землю! В груди зарождается настоящий рык, невольно срывающийся с губ, а в следующий миг я во всю мощь легких бешено заорал:

– Севе-е-е-ер-р-р!!!

Глава 7

– Севе-е-е-ер-р-р!!!

Пятащиеся половцы попытались использовать то единственное оружие, что сейчас им доступно, – они начали стрелять по нашим лошадям, развернувшись в седлах назад. Но Бурану вражеские срезни нипочем: грудь его защищает пластинчатая броня, голову – стальной налобник! Дико заржав, конь лишь ускорил свой бег, неся меня на побелевших от страха поганных, и я еще сильнее стиснул древко рогатины, понимая, что считанные мгновения спустя столкнусь с врагами...

Какой-то храбрец решил отправить стрелу точно в мою голову, но мне повезло увидеть сосредоточенного, бледного от напряжения нукера, с усилием оттянувшего тетиву биокompозита к подбородку и при этом смотрящего прямо в мои глаза! Мы на мгновение встретились взглядами – и тут же по спине обдало волной смертного холода... Я скорее рефлекторно, чем осознанно, вскинул щит вверх, одновременно с тем опустив голову, и нацелил наконечник рогатины в грудь храброго стрелка...

Прочный, обтянутый кожей щит ощутимо дернулся от ударов – дважды! Еще один срезень безрезультатно, хоть и чувствительно, долбанул своим широким наконечником по броневым пластинам юшмана, заставив меня зашипеть от боли – не только замеченный мной смельчак выбрал меня целью, не только он... А удар сердца спустя древко моего копья вдруг дернулось с такой страшной силой, что я едва удержал его в руках!

– А-а-а-а-а-а!!!

По ушам хлестнул отчаянный, полный животного ужаса и боли крик степняка, насквозь пробитого копьем! И тут же правой руке стало непомерно тяжело держать его древко – на рогатине повис сраженный мной враг! А всего мгновение спустя я и сам едва удержался в седле от мощного толчка: Буран врезался во вражеского, значительно более мелкого жеребца, буквально снеся его в сторону!

Раздался громкий хруст, и древко ожидаемо сломалось под тяжестью насквозь пронзенного копьем половца... Пытаться

освободить рогатину никакой возможности не было, и я тут же вырвал из ножен саблю, от души рубанув ею по шее показавшего мне спину кипчака!

– Бе-е-е-й!!!

Справа и слева поганых дружно таранит сотня гридей, вышибая поганых из седел! А более умные и опытные дружинники, видя перед собой бездоспешных врагов, используют при атаке не скорость разгона своих жеребцов, а бьют именно рукой, нанося экономные, точные уколы. Их хватает, чтобы смертельно ранить татар, но не потерять при этом рогатину... Хотя при этом какой-то умелец да силач и вовсе сумел высоко задрать копьё с телом убитого им половца!

– Бей!

Это кричу уже я, скрестив клинок с озлобившимся, развернувшимся ко мне всадником. Но успев лишь принять на плоскость сабли обрушившийся справа удар, с ответной контратакой я необратимо опаздываю: Буран неожиданно встал на дыбы (отчего, испуганный подобным маневром жеребца, я что есть силы вцепился в сбрую!) и обрушил на моего противника тяжеленные передние копыта! Задним умом я понял, что целью Бурана был степняцкий конь, но одно из передних его копыт попало точно в грудь врага, вышибив его из седла! А после победного, оглушительного ржания животного мне и вовсе отчаянно захотелось с него слезть! Ибо оно было похоже на рев какой-то потусторонней твари...

От рухнувшего слева сверху клинка закрываюсь щитом, а ткнув саблей навстречу (малая ее кривизна позволяет наносить колющие удары, как шашкой), я отчетливо ощущаю сопротивление вражеской плоти... Словно оружие стало со мной единым целым, продолжением руки! И тут же мне вновь приходится ставить блок от размашистого, рубящего наискось удара – атака вновь следует справа! Но, парировав ее, я успеваю рубануть в ответ, развернув кисть и предплечье, стремительно описав клинком короткую дугу да чуть привстав в стременах! Отточенная сталь разрубает горло обреченного поганого, и из него фонтаном бьет кровь, попав и на меня...

– Бей!!!

...Таран получился удачным – в одночасье мы ссадили на лед под две сотни поганых, потеснив назад массу остальных. Хотя бы в чем-то я был прав – нам противостоят половцы! Легковооруженные конные

лучники, действительно опасные на расстоянии, но без шансов уступающие нам в лобовой сшибке... Как воеводе, мне удалось в полной мере реализовать все наши преимущества – нанести внезапный для противника копейный удар, от которого степняки уйти не успели, и навязать бой на относительно узком участке речного русла, лишив врага свободы маневра!

Но если кто-то рассчитывал, что кипчаки не будут сражаться, что они не представляют для гридей угрозу в сече, тот сильно заблуждался.

Обреченные драться, не видя для себя спасения в бегстве, степняки яростно накидываются на нас, стремительно рубят саблями! И их легкие клинки сверкают молниями, высекая искры из брони русичей, с отчетливым треском вышибая щепу из щитов!

Свое собственное уязвимое место – открытое лицо, защищенное лишь наносником шлема, – я вынужден из раза в раз прикрывать щитом, отвечая на атаки ворогов едва ли не вслепую. Уже дважды мне зацепили правую руку повыше предплечья, но оба раза кольчуга удержала вражескую сталь, хотя мышцы от ударов будто онемели...

В очередной раз слепо рублю навстречу и вдруг ощущаю сильное сопротивление, от которого аж в пальцы отдало болью! И в этот же миг слышу скрежещущий хруст сломанного клинка... Чуть приопустив щит, я успеваю увидеть, что противник принял мою атаку на стальной умбон собственной защиты (не так и много щитов у половцев, но они есть)! Внутри все обрывается, леденеет... Я, как смог, закрыл щитом правую часть корпуса, одновременно с тем лихорадочно нашаривая пальцами рукоять подвешенной к седлу булавы... И тут же пропустил мощный укол в живот слева!

Кольчуга колющей атаки бы не выдержала, а вот ламеллярные пластины устояли. Охнув от чувствительного толчка, одновременно с тем я наконец-то нашарил пальцами рукоять пернача! И, сдернув его ремennую петлю с седельного крюка, с яростью обрушил шипастое навершие на голову кипчака! А он как раз провалился в удар, поспешив уколоть в открывшуюся под моим щитом брешь и не успев закрыться собственным... Булава задела висок степняка по касательной, но этого хватило, чтобы мой враг безмолвным кулем вывалился из седла под копыта своего же жеребца!

...И вновь с обеих сторон щедро сыплются удары, и вновь трещит мой щит под рубящими его клинками, и вновь я едва ли не вслепую отвечаю, нанося тяжелые удары пернача... Половцы не единожды достают мою голову, но сталь шлема и кольчужная бармица пока успешно держат их атаки. Хотя перед глазами уже все начинает плыть и темнеть, да и в черепушке все сильнее шумит... И радуюсь я лишь тому, что и по правую, и по левую от меня руку на врага напирают соратники. Будь иначе, и кипчаки однозначно бы меня зарубили, обойдя с флангов, никакая броня бы не спасла!

Правда, где-то на задворках сознания бьется поганенькая мысль: «Отступить, дать себе передохнуть, прийти в себя»... Но в строю всадников меня крепко держит понимание того, что выйди я из схватки, и в образовавшуюся с моим уходом брешь тут же полезут степняки, нанося русичам удары с менее защищенных боков...

В какой-то момент я вдруг осознал, что крепко колебались обе сражающиеся стороны. И на пределе сил напирające, теснящие половцев гриди, утомившиеся уже драться в своих тяжелых бронях, и поганые, неспособные сдерживать яростный натиск бронированных всадников, неся при этом значительно большие потери... И возможно, именно последних, самых тяжелых мгновений схватки, когда казалось, что уже не поднять руку для очередного удара, что враг вот-вот найдет брешь в твоей защите и срубит тебя, мгновений, пережитых исключительно на характере — возможно, именно их хватило, чтобы пересилить врага, чтобы морально выстоять в тот миг, когда он сломался!

А может, монгольский командир, видя, что его отряд буквально перемалывается под ударами булав, чеканов и клинков орусотов, решил отвести людей на безопасную дистанцию и таки расстрелять наших коней... В любом случае враг неожиданно подался назад, ускоряясь с каждым мгновением, оставив меня оторопело смотреть прямо перед собой! Но тут же я бешено закричал во всю мощь легких, срывая связки, будто десятком секунд ранее не держался на последнем напряжении сил:

— Вперед!!! Надо догнать их, иначе лошадей постреляют!!!

Вообще-то маневр степняков более всего похож на ложное отступление, но просто неоткуда взяться второму отряду, что ударил бы сейчас нам во фланг! Да, подобные приемы Субэдэй практиковал и

на Калке, и в Котманской долине в Грузии, но ведь не в лес же, растущий по берегам Прони, ушли всадники монгольского кюгана? Нет, это очевидное отступление с целью оторваться от нас да перебить жеребцов стрелами... Видать, до задних рядов половцев наконец-то дошло, что им нужно разворачивать коней, а не напирать в спины соратников! Или все-таки тысяцкий поганых отдал конкретный приказ... Вот только вряд ли ведомо отступающим, что впереди их ждут полоса «чеснока» и залпы арбалетных болтов!

– Не отставай, братцы, нужно добить их!

Татары, оправдывая мои самые худшие ожидания, быстро отрываются от погони, одновременно с тем начав активно стрелять... Но тут впереди раздается оглушительный конский визг, и мои губы сами собой исказились в свирепой усмешке: добрались, значит, вороги до рогулёк железных! Сейчас там наверняка образовалась каша мала из животных, уже упавших со всадниками на лед, и врезающихся в них наездников, не успевших затормозить! А из-за деревьев уже бьют по ворогу вой Микулы, вооруженные самострелами, – залпами бьют по не защищенным никакой броней кипчакам! Между прочим, щиты арбалетные болты пробивают едва ли не насквозь...

В подтверждение моей догадки улепетывающие татары сильно замедлились, некоторые вновь стали разворачиваться к нам, а над рядами гридей вдруг раздалось неожиданно дружное, громогласное:

– С нами Бог!!!

Я не успел крикнуть вместе с соратниками, прошептав их клич одними лишь губами, а навстречу мне уже рванул половец, яростно оскалив рот и заходя с правой стороны...

Противник выставил вперед руку с зажатой в ней саблей, очевидно, намереваясь нанести колющий удар, – наверняка действует, отчаянный... Но в тот миг, когда мы уже практически поравнялись и я уже начал атакующее движение булавой – с оттягом, из-за спины, – нервы у врага сдали, и он в последний миг попытался закрыться саблей! Останься у меня мой клинок, и ворогу удалось бы защититься... А так древко тяжелой булавы буквально рухнуло на сталь, провалив блок противника, в то время как стальное навершие врезалось в лицо страшно закричавшего от боли поганого!

– Бе-е-е-ей!!!

...Оставшаяся схватка вылилась уже в избиение сгрудившихся, скученных татар, зажатых между перемалывающими их гридями с одной стороны и широкой полосой «чеснока» – с другой. К тому же каждый арбалетный залп бойцов Микулы находил свои цели среди густой толпы степняков... И наконец умница Кречет принялся громко кричать на половецком:

– Сдавайтесь! Сложите клинки и сдавайтесь! Поощадим!!!

И ведь начали же сдаваться, начали! Полторы сотни кипчаков побросали оружие, порубив наиболее отчаянно беснующихся десятников-монголов, в исступлении хлещущих своих нукеров плетями... Впрочем, даже монголы в большинстве своем разумно побросали на лед сабли и палаши вслед за более разумными и догадливыми подчиненными!

Да, полторы сотни татар сдались в плен. И еще пять с половиной сотен погибло под стрелами конных лучников Ждана, арбалетчиков Микулы, копейного тарана гридей, во время бегства, наткнувшись на «чеснок», и, наконец, во время яростной, бескомпромиссной сечи!

Лишь окончательно выйдя из схватки, я осознал, насколько же мне плохо после боя, как болит словившая несколько ударов голова... С трудом покинув седло Бурана, я отошел в сторону растущей едва ли не у самого берега березы, после чего оперся на ее ствол, жадно вдыхая чистый, свежий морозный воздух. Во время боя этого не замечал, но сейчас осознал, насколько же тяжелым был густой смрад свежей крови и раскрытых внутренностей... На контрасте аж замутило... Но я быстро собрался, понимая, что сейчас не время уступать своим слабостям. Совсем не время!

– Десятники, сосчитать потери, доложить! Полоняников вяжем, можно конской сбруей, и треножьте их попарно, чтобы не сбежали... Да, ко мне приведите пару-тройку самых напуганных, кто не станет закираться и все расскажет!

В очередной раз заявив о себе как о командире, я принялся терпеливо ждать, когда приведут языков и «сержанты»-десятники доложат о потерях.

Забавное дело. В дружинах русичей были звания тысяцкого и сотского голов, то есть тысяцких и сотников, если по-простому. А вот десятников (аналогичных сержантам моего мира), имеющих в монгольской орде и заметно упрощающих управление войском, не

было. Так вот, перед выходом из Пронска я все-таки настоял, чтобы людей разбили на десятки и поставили над ними старших, наиболее авторитетных бойцов с задатками лидеров. Правда, быстро выявить их получилось не везде: в части «отделений» (изначально собираемых из хорошо знающих друг друга земляков-дружинников) воев пришлось смешивать. Но в конечном итоге наша полуторасотенная «рота» была разбита на «отделения» целиком, и каждое получило десятника! Такое вот вроде бы незначительное прогрессорство, но местные приняли его с большим трудом, буквально в штыки, ибо привыкли держаться земляков, разбившись на разнокалиберные ватаги...

Минут пять спустя ко мне привели трех языков и сообщили о потерях: девятнадцать убитых, тринадцать раненых, семеро тяжело. Вроде бы и не столь много по сравнению с половцами, а вишь ты... Нет пятой части отряда. И ведь чтобы раненые уцелели, нужно выделить им еще не менее десятка, а лучше полтора, в сопровождение! То есть дружина не досчитается уже третьей части воев...

А еще ведь нужно что-то решить с пленными. Кречет все грамотно сделал, призвав половцев сдаться – тем самым он спас жизни десятку, а то и больше русичей. Но теперь нужно что-то предпринимать, что-то совершенно экстраординарное! Ибо ни вести за собой, ни гнать обратно в Пронск, ни отпустить поганых мы не можем. Более того, полторы сотни лишних ртов нам банально не прокормить, так что напрашивается единственный выход... На который никто из русичей не пойдет. Ибо перебить полоняников не по понятиям местных. Вообще не по понятиям! Тем более что дядька ведь обещал их пощадить... Хотя есть один вариант. Относительно гуманный, но точно гарантирующий, что со сдавшимися в полон не будет проблем...

Кивнув десятнику, доложившему о потерях, я попросил его позвать Кречета, после чего принялся внимательно, вдумчиво так, с нехорошим блеском в глазах рассматривать молодых тщедушных половцев с затравленным выражением на лицах. Вояки, чтоб их... Сейчас кажутся трусливыми и безобидными овечками, но ведь допусти подобных «овечек» до гражданских, и покажут они себя во всей красе, невзирая ни на мольбы, ни на уговоры жертв... Твари, блин...

А меня боятся, это очевидно. Хотя я даже не пытаюсь картинно взяться за кинжал или схватить прислоненную к дереву

окровавленную палицу. Может, бояться, потому что нет фальши? Глаза прячут, трясутся, стоя на коленях и опустив взгляды...

Подходит Кречет. Уставший, мокрый, со слипшимися на лбу волосами и свежим кровоточащим рубцом на щеке. Смотрит на меня все так же неодобрительно, и я не удержался, поднял руки в предупредительном жесте, после чего как можно более мягко произнес:

– Не серчай, дядька. Нужно было сообразить, как действовать, чтобы быстро и наверняка. Как видишь, у меня получилось... А теперь, пожалуйста, помоги мне как толмач: я хочу расспросить их, куда шли, зачем, есть ли подобные отряды поблизости. Поможешь?

Кречет помолчал всего пару мгновений, а потом неожиданно для меня тепло улыбнулся и ответил ободряющим тоном:

– Да не серчаю я, Егор. Просто непривычно мне, что ты так быстро вырос как воевода и теперь мне указания даешь. Но делаешь ведь все толково – как ты сказал, быстро и наверняка! Так на что сетовать?! А с языками я помогу, отчего бы не помочь их разговорить? Да, поганые?! Не будете ведь молчать?!

Пленники вздрогнули от резкого возгласа дружинника, а один и вовсе затрясся крупной дрожью. Н-да уж, эти точно в героев играть не станут...

Глава 8

Допрос языков прошел быстро и результативно. Я оказался прав в своих догадках: половецкий отряд практически в тысячу нукеров отправили в сторону Пронска с целью поиска новых рабов и добычи спрятанных русичами припасов. Причем степняки прошли по весям вполне себе результативно – нашлось немало жителей, кто не рискнул идти в столицу вслед за княжьей ратью, а пересидел один день в лесу, пока орда шла мимо. После чего вернулся в свои жилища... Может, люди испугались, что Рязань могут взять штурмом или что на всех не хватит крова и еды? Вполне объективные страхи, кстати! А может, просто не решились оставить дома и заготовленное на зиму да припрятанное до поры зерно, и прочие припасы, понадеявшись на извечное русское авось... Но как бы то ни было, нахватали степняки примерно сотен пять полона – назвать точное число языки, конечно, не смогли, но ответили что-то про «половину нашего отряда».

А это ведь не считая тех, кого зарубили при захвате, включая мешающих ублюдкам детей, пытавшихся оказать сопротивление мужиков и юнцов, замученных до смерти баб и девок, умерших от внутренних кровотечений... Поначалу об этом напрямую никто не сказал, но я уловил что-то в недомолвках, в быстрых переглядываниях между пленными, опасливых, затравленных взглядах. И тогда сам попросил Кречета обратиться к ним спокойным, добродушным тоном, пошутить про баб, про малолетних «щенков»: мол, воин воина всегда поймет... И один из половцев клюнул на детскую приманку, ответил на шутку, похвастался тем, что в первый раз попробовал девственницу, пытаюсь, очевидно, как-то разрядить обстановку... Дурак.

А у меня перед глазами вдруг встали картинки из когда-то пробравшего до печенок фильма «Солнцепек», а точнее, самые первые сцены с зэками-мародерами встали как наяву! И тут же я вдруг ясно представил себе визжащую и плачущую под этим трусливым ублюдком девчонку, отчаянно надеющуюся на спасение, коего не последовало... Матерей, рыдающих у разрубленных напополам младенцев – мешали выродкам своим отчаянным криком... Беременных, кому для забавы распороли животы. Представил себе

отчаяние стариков-отцов, бессильно взирающих на творимое над их родными насилие...

Я когда-то читал про черный беспредел, устроенный татарами на Руси, но тогда это было столь далеко от меня, что не зацепило, не задело. А теперь вдруг тяжкие строки прочитанного ожили перед глазами, налились пугающими красками, обрели жизнь – и смерть... И волна удушливого гнева разошлась по груди, перехлестнула горло, аж в глазах на мгновение потемнело... Мне, правда, еще хватило выдержки узнать, когда отряды разделились и оставшаяся часть тысячи ушла вместе с полоном и частью обоза. Телеги степняки также использовали трофейные, нахватали по весям.

А потом, выведав все от языков, я без всякого сожаления и рефлексии взялся за рукоять стоящей у ствола дерева булавы и резко, без замаха разможил голову признавшемуся в изнасиловании. Он первым получил справедливое воздаяние, но далеко не последним: на глазах помрачневшего, но ничего не говорящего Кречета я добил оставшихся пленников, громко заверещавших от ужаса и пытавшихся бежать. А затем прямо посмотрел в глаза дядьке и едва ли не прорычал, переведя дух после короткой погони:

– Они должны были за все ответить!!!

Кречет ничего не сказал, но спустя пару секунд медленно, тяжело кивнул. А я, ободренный поддержкой дяди, на глазах обалдевших от расправы русичей и онемевших от ужаса степняков-полоняников, коих уже успели связать и стреножить, проревел во весь голос:

– От языков я узнал, что они творили беззаконие над мирными жителями! Они насиловали девок и баб, порой до смерти, убивали детей и стариков, рубили младенцев! Если это не заслуживает смерти, то что заслуживает?! Мы обещали полон людям, но я не вижу здесь людей, это поганая нелюдь в человеческом облике! И мы должны очистить нашу землю от погани!!!

Однако ратники, пусть даже и проникшись моим яростным криком, не бросились на половцев, не стали рубить связанных и безоружных – видимо, просто не смогли. И я, только что переступивший внутри себя через какую-то черту, вдруг понял, что вон эту черту переступить пока не готовы. Да, в запале боя они видят врагов и истребляют их, но сейчас перед ними испуганные пленники, не способные себя защитить. И убивать их без реально веской

причины они не смогут... Все осознав, я как-то быстро успокоился и уже чуть спокойнее произнес, обращаясь к гридям:

– Отпустить их просто так мы все одно не можем. Натворят делов на обратном пути... Рубите им пальцы на правой руке, все, чтобы никто из них никогда не смог бы взять в руку рукоять сабли или даже нож! И на левой руке еще пару, большой и указательный. Десятники, вы – старшие, следите за тем, чтобы никого не упустили!

Вой медленно, с неохотой двинулись к начавшим было дергаться в путах пленникам.

Первый кандидат на казнь дернулся в путах, попытался в ужасе бежать, увлекая за собой стреноженных товарищей, и его зарубили походя, видно, рефлексивно среагировав на резкий рывок. Остальные оказались сообразительнее – или трусливее... Но бежать уже не пытались.

И вскоре пленников начали изувечивать под их дикие крики. В носшибанул запах свежей крови, а я вдруг с мстительным удовлетворением вспомнил про волков, терзавших на реке останки рязанских дружинников. Туда пришли несколько стай и наверняка ведь еще не успели уйти... Запах свежей крови из сочащихся ран поганых привлечет хищников как раз тогда, когда они успеют проголодаться... Нет, эти выродки от своей судьбы не уйдут! Точно не уйдут!!!

– Когда закончите, развяжите и гоните прочь пешими, в сторону Пронска. Кто посмеет пойти следом за нами, перебить стрелами. Нельзя, чтобы они предупредили своих! Всех наших раненых собрать, отвести обратно в дома. С ними пусть останутся по одному соратнику из десятка, десятники определяют кто... Остальные! Мы как можно скорее готовимся к выходу, забираем стрелы половецкие, лошадей! Нужно успеть спасти наших полоняников прежде, чем их доведут до стана Батия!

...Сборы заняли минимум времени, ибо мы очень спешили. Дело вот в чем: расстояние по реке от Пронска до Рязани (современного мне Спасск-Рязанского) составляет что-то около ста двадцати километров, плюс-минус. В среднем орда делает марш от двадцати пяти до тридцати километров в день – речь именно об орде, а не о летучих передовых отрядах (как тумен Субэдэя), способных вырваться вперед. Основная же масса всадников вынуждена плестись со скоростью движения обоза... Мы за два дня прошли километров под восемьдесят,

до Рязани по-хорошему нам остался один дневной переход! Если монголы шли по Проне пять дней, вылазку Юрий Ингваревич организовал на вторую ночь осады, то выходит, что она случилась прошлой ночью. Если я не ошибся в расчетах... А до Переяславля-Рязанского (куда и «перенесли» Рязань по указу Екатерины II) от столицы еще под пятьдесят километров, причем Субэдэй тратился на захват заложников, грабежи и формирование обоза – значит, идти ему как минимум два дня, на третий произошел бой... Получается, что он состоится сегодня!

В любом случае помочь Еремею Глебовичу мы не можем, а вот полоняникам должны успеть, коли поднажмем! Ибо разделилась половецкая тысяча вчера днем, и если налегке всадники прошли под пятнадцать верст, остальные формировали обоз (да продолжали куражиться с бабами!) и выступили только этим утром... Верст пять они пройти за сегодня уже наверняка успели, а значит, отрыв составляет все двадцать! И если до вечера их не догнать, то в сумерках обоз с полоном присоединится к орде! Если бы не масса трофейных жеребцов, рассчитывать перехватить их было бы бессмысленно. Но заводных коней у нас теперь много, и шанс, пусть и небольшой, выволить полоняников все же есть...

В строю от дружины осталось всего ничего, под сотню ратников, и даже учитывая, что мы справились с вдвое большим отрядом, легкой прогулки никто не ожидает. Для меня самой радостной новостью была та, что Ждан уцелел, но на этом радости временно кончились: нам предстоит бешеная погоня и нелегкий бой, во время которого враг наверняка попытается прикрыться мирняком, словно живым щитом! Собственно, с хашаром поганые так и поступают.

...Утоптаный, примятый снег на льду, сливающийся в единое белое полотно, да заснеженный лес по берегам реки с изредка встречающимися прогалинами. Кажется, пейзаж не меняется вот уже несколько часов. Ход времени, к слову, удастся отследить лишь по движению небесного светила, уже опасно клонящегося к закату, – еще чуть-чуть, и начнет ведь смеркаться! А так меня не покидает ощущение, что скачем мы целую вечность – и одновременно, что отправились в погоню только пять минут назад...

Никто не ведет отвлекающих от тяжких дум разговоров, даже одиноких возгласов не раздаётся вокруг меня, только хрипы лошадей

да сбивчивое, сопящее дыхание людей... Правда, трофейная коняга подо мной хрипит уже реально пугающе – еще чуть-чуть, и падет! Уже третья... И последняя. Выбирали мы себе самых крепких жеребцов противника, забраковав вторую половину как пострадавших в сече или слишкомдохлых. Тяжело дыша, я чуть торможу коня, после чего с явным усилием покидаю седло: поясница отчаянно ноет после продолжительной гонки, бедра налились свинцовой тяжестью, в глазах темнеет от резких движений – устал. Все мы устали... За время маршброска даже не пытались устроить привал, подкрепляясь сушеным мясом и водой в моменты, когда переходили с рыси на шаг.

Но воины не ропщут, особенно после того, как мы миновали место ночной стоянки татарского обоза, на которой остались десятки жертв поганых. Среди них распластались на льду и женщины с распоротыми животами, и зарубленные детки, и обезглавленные старики... Все, как я говорил, все мои страшные догадки воплотились в жизнь!

Став бессильными свидетелями уже случившейся расправы, дружинники ускорились сами, без команды, страстно желая предотвратить повторение кошмара! На этой войне им уже не раз доводилось проливать кровь, и ратники понимали, чего ждать в случае поражения. Но так получилось, что все мы впервые стали реальными свидетелями военных преступлений, а точнее, жестокой расправы над беззащитными людьми... И вой ожесточились, собрались, рассвирепели!

Теперь все то, о чем я говорил еще после боя, стало для них осязаемым, живым – личным. Я уверен, что, отдай я приказ о казни полона именно сейчас, рука бы ни у кого из воев не дрогнула... А ведь были еще жертвы – из тех пленников, кто просто не смог держать темп движения обоза поганых. Их безжалостно зарубили и бросили на льду – в основном молодые девушки, кто от сильной боли не смог идти слишком долго... Некоторых снова насиловали, прежде чем убить, оставив лежать с бесстыже задранными подолами и широко раздвинутыми ногами.

И ведь никого не пожалели, твари! Никого!!! Не тронула вырождков ни девичья красота, ни отчаянные, едва ли не детские мольбы только-только переступивших порог девичества жертв... Отводя взгляд от тел тех, кого нам уже никак не спасти, я невольно замечал слезы на глазах

молодых воинов, да и у самого мутная пелена периодически застилала взор... У тех же гридей, кто постарше, почернели лица, а во взглядах загорелся такой мрачный, жуткий огонь, что я едва удержался, чтобы не напомнить им про их утреннюю сердобольность! Так хотелось хоть как-то выплеснуть накопившуюся в душе черноту... Но изувеченным ублюдкам и так не уйти, а мы все еще преследуем обоз, насквозь мокрые от пота, замерзающего прямо на стеганках! И подгоняя коней с каждой новой «находкой»... Броню пока все сняли – в ней скакать было бы просто невыносимо...

Перевесив седельные сумки на Буяна и погладив жеребца, мысленно попросив прощения у верного боевого товарища за последующую гонку, я уже запрыгнул в седло, как вдруг впереди показался воин в половецком халате, с половецкой же саблей, луком и стрелами, на половецком жеребце, ведущий за собой еще двух коней. Мгновение спустя я узнал во всаднике ливенского дружинника – его лицо примелькалось мне за время боев, но имени я сейчас не вспомнил. Между тем русич, доскакав до нас настоящим галопом, с трудом выпалил наверняка пересохшим горлом (до того хриплый у него голос!) столь ожидаемое нами послание:

– Все! Показался впереди обоз... Ждан ждет приказа!

Выслушав гонца, я молча схватился за седельные сумки, спешно извлекая из них свернутый юшман, шелом да наручи, и моему примеру последовали все без исключения семь десятков ратников... Оставшиеся же три десятка воев, пересев на самых быстроногих и выносливых степняцких коней, загодя облачились в трофейные, практически не забрызганные кровью халаты половцев, напаянные поверх кольчуг, и взяли с собой лишь половецкое оружие. Они сразу вырвались чуть вперед, выполняя функцию головного дозора, следуя на полверсты впереди нас... И одновременно с тем являясь моим «троянским конем».

– Все, скачи обратно да передай Ждану: пусть сближается с обозом неспешно, а как мы покажемся, тогда вам и начинать!

Переведя дух и пересев на нового, чуть более свежего жеребца, ратник поскакал назад, а мы двинулись следом, пока лишь бодрой трусцой... По моей задумке, отряд неугомонного бродника (узнав о моих планах, он сам напросился на рискованное задание с остатком конных лучников!) будет неспешно сближаться с обозом, пока уже мы

не окажемся в поле зрения татар. И до этого момента Ждан продолжит выдерживать небольшую дистанцию, что вряд ли вызовет опасение у поганных.

Ну а дальше ряженные ратники сблизятся с противником, Ждан при необходимости сообщит степнякам, что они отправлены самим Бурундаем к Батыю с важным посланием, да сообщит, что сзади следует отставшая часть сотни вместе с кюганом и уцелевшими монголами-джагунами! И потребует дать проход, коли половцы растянули свой отряд на всю реку... Далее по ситуации: или мои дружинники проскачут вперед колонны, рассыпят там «чеснок» и, развернувшись, ударят по голове татарского отряда (а еще лучше, доскачат до охраны именно полона!), или же сразу вступят в бой. Это коли половцы что-то заподозрят и попытаются остановить отряд... В любом случае подобраться поближе дружинники смогут, а учитывая, что у каждого в седельной сумке спрятано по арбалету, кои вой прямо сейчас должны взвести... Ошеломить врага и навести шороху им удастся практически наверняка. А уж там должны поспеть и мы...

Минуты ожидания перед схваткой – вот, пожалуй, самое сложное для меня в битве. Не считая самой битвы, хах! Но на самом деле томительные мгновения перед схваткой, когда замирает сердце, а холодная испарина покрывает тело и хочется уже стрелой рвануть вперед, лишь бы побыстрее все началось – они мне порой действительно даются тяжелее, чем последующий бой. Вот и сейчас...

Впрочем, сейчас-то я как раз уже поддал пятками бока Буяна, переводя жеребца на рысь и с замиранием сердца наблюдая, как небольшая группа всадников Ждана уверенно сближается с крупным отрядом степняков. Сердце ведь буквально замирает от страха за соратников! Я рефлекторно прижимаюсь к холке коня (будто за четыреста метров можно разглядеть, кто же следует за обозом поганных!) и внимательно наблюдаю за тем, как ряженные дружинники поравнялись с хвостом колонны и как некоторое время спустя степняки дали воям дорогу, сместившись к левому берегу. Они, правда, и так шли не во всю ширину реки, но, видимо, дали дорогу все ускоряющимся десяткам «бурундаевой» сотни...

Молодец, Ждан, провел-таки выродков!

– Давай братцы, приникните к холкам коней! Попробуем проскакать чуть вперед, к полоняникам!

Шанс у нас действительно есть. Сейчас я уже разглядел, что толпу связанных по рукам баб и подростков, сцепленных между собой, тянут за возами, считай, в самом хвосте. И подгоняет их не столь и много всадников с плетями; замыкают колонну, правда, где-то с полсотни половцев, но против нас у них шансов мало! Главное, чтобы приняли бой, а не стали рубить пленников...

Прошла еще пара минут, прежде чем я резко выкрикнул:

– Все, братья, на галоп! Кречет и Микула – со мной, остальные – вместе с боярином, скачите сразу к полоняникам!!!

Сам я, заранее перевесив щит на левую руку, правой нашариваю древко сулицы, покоящейся в притороченном к седлу чехле, и мягко достаю ее. Разделяющее нас с врагом расстояние сокращается очень быстро, и половцы в хвосте ожидаемо забеспокоились, как вдруг где-то впереди наконец-то послышались чьи-то удивленные и вместе с тем возмущенные крики.

Началось! Уже не таясь, я выпрямляюсь, одновременно с тем воздев над головой дротик, сжатый обратным хватом. Замершие на пару мгновений половцы бросили лошадей в сторону, пытаюсь перегородить дорогу десяткам Коловрата, одновременно с тем потянувшись к саблям. Саадаки с луками никто не беспокоит – кажется, степняки сняли с них тетивы, желая поберечь их и не подозревая, что им может грозить реальная опасность! А вот это они зря...

– Бей!!!

С этими словами я что есть силы мечу сулицу в сторону ближнего ко мне половца. Расстояние между нами сократилось уже до пятнадцати шагов... Промахиваюсь и, плюнув на дротики (второй бросить уже не успею!), вырываю из ножен трофейную саблю, взятую на замену сломанному утру клинку.

Ну, с Богом...

Глава 9

Когда ряженные русичи поравнялись с хвостом колонны татар и Ждан яростно закричал: «Дорогу, дорогу нукерам Бурундая, расступитесь!» – сердце в его груди билось загнанным зайцем! Но никто не попытался остановить его людей, перегородить дорогу, начать его расспрашивать... Поганые вот-вот должны были подойти к ханской стоянке, где их ждали желанный отдых и горячая еда, а за спиной их действовали три тумена, осаждающих крепости орусутов, и часть их собственного отряда. Да и местные леса давно уже не оживали внезапно летящими из-за деревьев стрелами... Так что половцы, сопровождающие обоз с награбленным и хашаром, никого не боялись, ибо не ожидали встретить врага в шести-семи верстах от огромного осадного лагеря Батые, уже миновав обугленные останки сожженного жителями Ольгова в устье Прони... Луки их без тетив беззаботно покоились в саадаках, а немногочисленные щиты болтались у седел, ни броней, ни шеломов и вовсе не было видно...

Воинов Ждана поганые встретили и проводили лишь любопытными взглядами и отошли в сторону, освобождая речной лед. Ведь если старший отряда нагнавших их всадников столь громко и яростно требует уступить ему дорогу, значит, имеет на это право! Может, это вообще целый сотник, один из немногих половцев, кого монголы подняли до звания джагуна?! Одним словом, задержать дружинников никто даже не попытался, и три десятка гридей стрелой пролетели вдоль обоза, направляясь к голове татарской колонны...

Еще сильнее сердце Ждана забилося, когда он увидел пленников, в основном баб да отроков. Сильно избитых, в лохмотьях одежд, порой окровавленных, с затравленными, горящими ненавистью или исполненными бесконечного отчаяния глазами... Но самыми страшными броднику показались пустые, равнодушные взгляды некоторых полоняниц. Вроде бы сами они живые, а вот глаза уже словно у мертвых...

Подобное зрелище он видел не впервые, и душа Ждана отозвалась особой, резкой болью. Ведь отрезанные от Руси бродники, брошенные когда-то черниговскими князьями на произвол судьбы, до самого

прихода монголов становились жертвами хищнических, разбойных половецких набегов. И сколько раз степнякам удавалось нахватать полона в окрестностях небольших, но хорошо укрепленных городков бродников?! Да не счесть! Но живущие на Дону вольные люди давно научились отвечать врагу, научились у него же сражаться конными, угнали у половцев легконогих, быстрых жеребцов, разведя собственные табуны, и каждый раз бросались в погоню, надеясь нагнать, отбить полон! Четыре раза Ждан вместе с прочими вольными воинами устремлялся в погоню, и только один раз вызволить своих не удалось...

Тогда половцы схитрили, приготовили засаду, выманили русичей из городка, нахватав полона на пашнях, а преследователей заманили в простреливаемую с двух сторон низину у реки. Стрелами повыбили половину бродников, а на оставшихся навалилось втрое большее число врагов... Ждан выжил чудом: удар половецкой сабли задел его голову вскользь, не столько ранив, сколько оглушив, а верный конь увел бесчувственного седока в сторону от схватки. Но очнувшись и увидев в ночи огненное зарево на месте родного городка, бродник впервые пожалел – крепко, ой как крепко пожалел! – о том, что конь ему достался столь верный... Ибо поганые, перебив воев в неравной схватке, вернулись к практически беззащитному поселению русичей да захватили его, истребив практически всех его жителей.

Так Ждан потерял всю свою семью – престарелых родителей, братьев, сгинувших в засаде, поруганных погаными и зарезанных сестер да угнанную степняками невесту, о судьбе которой так ничего узнать и не удалось... С тех пор боль потери и ненависть к половцам никогда не покидали его сердце. И сегодня, в тот миг, когда отряд ряженных воев проскакал мимо полона, бродник с благодарностью взмолился Господу, что уберег его, что помог добраться до Руси, что позволил ему свершить правое дело защиты невинных и справедливого возмездия! Возмездия половцам...

Он едва смог удержаться, чтобы сразу не наброситься на охрану пленников, но для общего дела было бы важнее задержать весь татарский отряд. В противном случае гонцы могли бы успеть вовремя достигнуть ордынской стоянки и привести своим помощь... И потому Ждан не остановился и не остановил людей, а вместе с ними проследовал до самой головы колонны, а после еще и вырвался вперед

на сотню шагов. И только тут сердце его перестало загнанно колотиться в груди, и бродник, жестом повелев ратникам осадить коней, уже едва ли не спокойным голосом, деловито приказал:

– Разворачиваемся в ряд! Железные рогульки за собой рассыпаем, шагов на двадцать!

Опытные, обученные дружинники с легкостью построились в редкую линию, перегородив Проню на всю ширину. После чего каждый из них невольно представил себя пахарем в период посевной! Ибо едва ли не теми же широкими (правда, чуть более размашистыми) движениями, коими крестьяне обычно сеют зерно в поле, они щедро разбросали за собой железные рогульки с неизменно торчащими вверх заостренными жалами! А затем над рекой, перед толпой изумленных половцев, все еще не уразумевших, что происходит (хотя уже и заподозривших неладное), прозвучала отрывистая команда Ждана:

– Шелома надеть, щиты – на левую руку! Самострелы достать, зарядить!!!

Поганые, видя приготовления дружинников к бою, окончательно осознали, что перед ними отнюдь не соратники-ордынцы, и первые их ряды, набирая ход, уже двинулись к всадникам, преградившим им дорогу! Но к этому моменту русичи успели изготовить к бою заранее взведенные самострелы, и над рекой отрывисто прогремел рев бродника:

– По лошадям... Бе-е-е-й!!!

Три десятка арбалетных болтов устремились навстречу половцам под гулкий хлопок тетив, разом ссадив дюжины полторы вылетевших из седел степняков! А на реке образовался затор из павших на лед лошадей и врезавшихся в них, а затем также рухнувших животных, не успевших разминуться с неожиданной преградой... Это дало русичам несколько лишних мгновений, и, быстро приняв решение, Ждан проревел во всю мощь глотки, сиюсь перекричать истошно ржущих лошадей и вопли половцев:

– Заряжаем!

Как оказалось, взвести самострел конному не сильно сложнее, чем пешцу – только свесься на правую сторону, упри носок в специальное стремя да рывком обеих рук натяни тетиву! И все, уже можно вкладывать болт в направляющий желоб!

– По всадникам... Бе-е-е-й!!!

Второй залп замерших на месте русичей пришелся в упор в уже практически доскакавших до дружинников поганых, на этот раз забрав жизни двух дюжин половцев! После чего ратники схватились за сабли и рванули навстречу врагу, да с короткого разбега сшиблись с татарами... И в эти же самые мгновения их соратники, уже догнавшие хвост татарской колонны, вступили в отчаянную схватку за русский полон!

– Се-е-е-е-ер!!!

Рот мой раскрывается в беззвучном крике, вторящем брошенному Микулой кличу, а взгляд концентрируется на острие обращенной ко мне сабли. Половец, выскочивший вперед и летящий встречным курсом, заходит с правой стороны, под свою рабочую руку, да с уязвимого, незакрытого щитом бока! Собственный клинок он склонил параллельно земле, намереваясь нанести колющий удар – на скаку такая атака выходит достаточно сильной, чтобы пробить кольчугу и вонзить заточенную сталь в плоть. С необратимыми последствиями для жертвы... А мой юшман, к слову, имеет обширные кольчужные вставки, так что врага приходится воспринять всерьез!

Потев от напряжения и едкого страха, я отвожу острие трофейной сабли к левому плечу, заряжаясь на собственную атаку, при этом не пытаюсь свернуть в сторону или как-то иначе уйти от удара поганого... И когда стремительно сокращающееся между нами расстояние позволило дотянуться до вражеского клинка, я скорее интуитивно, чем по расчету, со всей силы рубанул от груди, слева направо!

Тяжелый удар, стальной лязг, вылетевшая при встрече сабель искра! Мне удастся парировать атаку степняка, отвести сверкнувшее острие, нацеленное под мою ключицу... И уже в последний миг я успеваю развернуть кисть, обращая к врагу наточенное лезвие. Рывок! Едва удержав клинок в онемевшей от боли руке, я продолжаю скакать вперед – забрызганный кровью из рассеченного горла убитого врага!

А пару секунд спустя в глазах темнеет от боли... Проскакавший вслед за соратником татарин воспользовался тем, что моя вооруженная рука отведена назад, и от души рубанул на скаку по открывшейся правой стороне! П, елил в лицо, однако я успел потянуть к голове щит, но и противник сумел изменить направление удара, со всей силы обрушив саблю на ребра...

Мы разминулись, и я, задыхаясь да судорожно восстанавливая дыхание, осаживаю Буяна у заверещавших от страха полоняниц, все-таки проскакав сквозь тонкую цепочку преградивших мне путь поганных! Мазнув взглядом по испуганным и одновременно с тем озаренным невероятной надеждой лицам женщин и детей, я встречаюсь взглядом с ближним ко мне погонщиком, с ублюдком, до того хлеставшим плетью отстающих пленниц и пленников, безжалостно рубящим тех, кто идти вперед был уже не в состоянии... Тех, чьи обезображенные тела мы встречали на льду Прони!

Кровь ударила мне в голову, а в горле зародился животный рык! Убить врага, не щадить! Вот только поганный уже успел изготовиться к бою, натянув тетиву на лук, и сейчас вскинул свой биоккомпозит, целя именно в меня...

– Тварь!!!

Яростно выдохнув ругательство, я поддал шпорами в бока жеребца, посылая его вперед, одновременно с тем вскинув щит к лицу и бросив саблю в ножны.

Удар! Висящий на локте щит ощутимо трянуло, а чуть пониже умбона из лопнувшей доски показался самый кончик острия срезня... Вновь ругнувшись на противника и страстно желая ему скорой смерти, я рванул из чехла вторую сулицу и уже было воздел руку для броска, как вдруг Буян ощутимо дернулся подо мной и стал заваливаться набок, отчаянно заржав! Сердце перехватило от ужаса за верного боевого товарища и предчувствия скорой потери... А тело сработало на заученных рефлексах – благо, что верное животное успело сделать еще пару неверных шагов, прежде чем тяжело рухнуть на лед!

Освободив ноги из стремян, я спрыгиваю с коня за миг до его падения... И тут же по инерции перекатываюсь вперед, гася удар о лед – борцовская страховочная техника работает и здесь! После чего я успеваю вскочить на ноги, не выпустив из рук ни дротика, ни щита, и вновь прикрываюсь им же, оставив себе лишь щелочку для обзора у самых глаз. Правда, в них снова темнеет от острой боли, а дыхание на секунду перехватывает...

Очередной выстрел степняка выходит смазанным – срезень пролетел в шаге от левой ноги, угодив в лед на том месте, где я был секунду назад! Половец тут же потянулся к колчану за очередной стрелой, при этом не пытаясь отскочить в сторону... А я,

распрямившись, уже шагнул вперед, перенося вес тела на стопу левой и рывком выбрасывая правую руку, резко скрутив корпус так, будто наношу удар! В последний миг разжатые пальцы отправляют сулицу в стремительный полет, и, описав в воздухе короткую дугу, она угодила точно в грудь врага, буквально выбив его из седла!

От восторга и мстительной радости я практически и не заметил очередную вспышку боли, вызванную резким движением. Но зато отчетливо почувствовал, как лед за спиной и под ногами вдруг задрожал от ударов копыт стремительно приближающегося ко мне коня...

И вновь меня выручают рефлексy да подстегнувший тело животный, первобытный страх, буквально заставивший скакнуть в сторону, уйдя из-под копыт летящего на меня жеребца, одновременно с тем вскинув щит над головой и закрывшись от предполагаемого удара... Впрочем, последнее было уже излишним: прыгнул я достаточно далеко – так, что оказался по левую, нерабочую сторону очередного противника. К слову, того самого уродца, уже умудрившегося меня достать! Последовательный, гад...

Враг разворачивает лошадь, при этом умело, словно красуясь, закрутив саблю и вновь рванув ко мне, а я успеваю лишь оголить собственный клинок... И терпеливо замираю на месте – в этот раз именно по правую от своего врага руку!

За те несколько коротких мгновений, вдруг показавшихся мне нестерпимо долгими, пока тяжеленная животиная (даже в лошадях степняков под триста килограммов!) неудержимо летит на меня, в горле успело абсолютно пересохнуть... А сам я, как кажется, позабыл дышать! Но когда степняку осталось до меня всего около двух метров, я бешено рванул в сторону, одновременно с тем рубанув саблей перед собой, целя в шею жеребца!

Однако я немного не рассчитал оставшееся до врага расстояние и скорость коня – тяжеленный встречный удар с грудью животного, зацепивший меня уже вскользь и принятый на щит, отправляет мое брeнное тело в короткий полет! Закончившийся падением спиной на лед, выбившим воздух из легких...

– Твою ж...

С трудом выдохнув и сумев лишь повернуть голову к степняку, я с удовлетворением наблюдаю, как конь его на скаку грузно рухнул на

землю! К слову, пал он, заливая снег кровью из разрубленной шеи, гораздо быстрее, чем Буян, сумевший сделать еще пару шагов со стрелой, пробившей кольчужную попону и угодившей верному другу в грудь...

Половец все же успел высвободить ноги из стремян, а вот прыгнуть и сгруппироваться в полете ему уже не удалось! Ударился поганый с дикой скоростью, лицом и животом, после чего его уже безжизненное тело вновь подкинуло в воздух и вновь шмякнуло об лед, где мой противник окончательно распластался, выронив из руки далеко отлетевший клинок...

С трудом поднявшись на ноги, я осматриваюсь по сторонам. Справа уже затихает бой между арьергардом татар и дружинниками десятков Кречета, Микулы и, собственно, моего. Скоро вой уже добьют оставшихся степняков и придут мне на помощь... А слева отряд Коловрата, прорвавшийся вслед за мной да походя срубивший и перестрелявший практически всех погонщиков, уже вступил в бой с основными силами татар. И у самых телег с награбленным продовольствием сейчас развернулась яростная схватка! Ну вот и славно...

Немного придя в себя, я шагнул к притихшим было пленникам и что есть силы громко прокричал:

– Не пугайтесь, свои! Сейчас мы всех освободим, а вы в лес уходите, у опушки бой переждите! Сдюжим – возьмете с собой еды, сколько унести сможете! Ну а коли нет, тогда уж уходите сами, как сможете...

Я потянулся к первой, поначалу было отпрянувшей от меня молодой женщине, заплакавшей то ли от облегчения, то ли от пережитого ужаса, и быстро перерезал веревку на ее руках. И сразу после этого полоняники разом ожили кричащим разноголосьем:

– Родимые, как же так...

– Слава Богу! Слава Богу!!!

– Да где же вы были раньше-то, соколики...

– Тятя, тятя, тятюшка! Тятя!!!

Последний возглас принадлежит девчужке лет шести с расквашенным носом, отчаянно выкрикивающей «папа, папа, папочка», только как принято сейчас у русичей. Видать, после пережитого страха и совсем не детских страданий ребенок слишком

сильно захотел поверить в то, что спасший ее и ее маму воин и есть их главный кормилец и защитник. Это, конечно, заблуждение, но как же сильно зацепил меня за душу столь страстной силы клич ребенка, признавшего во мне родного человека! На мгновение стало трудно дышать, а секунду спустя, прочистив горло, я выкрикнул с не менее страстной убежденностью:

– Но мы сдюжим! Мы точно сдюжим и всех поганных перебьем! Вам нечего больше бояться!

И словно вторя моим словам, впереди яростно, грозно грянуло:

– Се-е-еве-е-ер!!!

Глава 10

– Се-е-е-е-ер!!!

Клин из десятка черниговских ратников вырвался вперед, оглушая врага своим боевым кличем. Забияка и поединщик Ратмир остался в Пронске, раненый во время последнего штурма града, да и число охотников-северян, присоединившихся к Коловрату в Чернигове, сильно оскудело... Но не иначе именно поэтому уцелевшие дружинники бьются вдвое яростнее, первыми кидаясь на поганых!

Сам же боярин лишь ненамного отстаёт от смельчаков-северян, без устали круша врагов перначом – половцев не спасают ни редкие щиты, ни попытки закрыться от страшного орусута клинками! Ибо удары тяжелой булавы проваливают воздетые над головой сабли и все одно дотягиваются или до лица, или до грудины очередного степняка; падает ребристое навершие и на плечи врагов, дробя их и оставляя за собой страшные рубленые раны...

Евпатий, защищенный крепким панцирем из дощатой брони с наплечниками и подолом да шеломом с маской, прикрытый также круглым щитом, не страшится ответных рубящих ударов: тяжело найти брешь в защите русского гридя, особенно когда в твое лицо уже летит булава! По стальным же доскам панциря легкие, верткие сабли степняков лишь бессильно скрежещут, не способные ни пробить броню, ни даже донести тяжести удара до тела боярина! Хорошо держит вражеские атаки и конический шлем с гранением и шпилем – татарские клинки лишь соскальзывают по нему, теряя силу и падая на прочные наплечники!

И не один Евпатий неистов в битве да хорошо защищен – едва ли не все последовавшие за боярином ратники облачены в прочную броню да бешено рвутся в сечу, насмотревшись на тела замученных погаными жертв! И вроде бы и мало русичей – всего-то около четырех десятков, – но реку они перекрывают целиком, от правого берега и до телег обоза. Стальным молотом обрушились дружинники на толпу поганых, медленно, но совершенно неотвратимо давя их и беспощадно истребляя! А ведь на помощь соратникам уже скачут еще два десятка

гридей, пока вой последнего помогают освободиться русскому полону...

Хуже всего приходится воям Ждана: едва ли не втрое больше степняков навалилось на его людей, да и защищены ряженные дружинники похуже будут, чем их соратники. Но, разрубая стеганные степняцкие халаты, клинки половцев теряют силу, встречаясь с уже поддетыми под них кольчугами, а нанести мощные уколы без разгона врагам не удастся – грудь в грудь сошлись с татарами гриди!

Бродник же после первой сшибки отвел назад пятерых самых метких лучников, и ныне они поражают поганых из-за спин вставших полукольцом русичей (от берега и до полосы с рогульками). И коли удастся кому из степняков потеснить своего противника, прорваться за спину сражающимся воям, так тут же встречает его точно пущенный срезень с широким наконечником...

Небольшой проход по руслу реки оставил врагу хитрый бродник – на, мол, обходи нас! Так половцы по нему и рванули, стремясь то ли действительно зайти в тыл ряженным, то ли уже просто покинуть место схватки... Да только напоролись они на железные рогульки! И не менее десятка раненых жеребцов, начавших бешено подскакивать, взбрыкивать от боли, скинули прямо на торчащие из утопанного снега шипы своих наездников! Под дикие крики последних...

Но полоса рогулек все же не сплошная и не столь широкая, и из тех, кто поначалу рванулся вперед, троим поганым все же повезло ее проскочить. Двоих, впрочем, вскоре настигли пущенные вдогонку стрелы, а вот третьего срезень лишь резанул по руке, заставив того бешено стегнуть скакуна по бокам плетью и что есть мочи полететь вперед, подальше от места страшной сечи! Там, где молот дружинников Коловрата зажал менее двух сотен поганых у наковальни воев Ждана! Там, где половцам и монголам нет уже никакой пощады и снисхождения – их спешат забить, словно бешеных собак, не считаясь с потерями!

Хотя потери дружинников в этом бою не столь и велики. Да, русичи накинулись на половцев с неистовой яростью, словно разъяренные, бронированные медведи, не думая о себе! Но ведь отправленные на охоту за мирными жителями поганые очень сильно уступают гридям и в выучке, и защищенностью, а про боевой дух и говорить нечего! Ибо что могут противопоставить половцы, вдоволь

нагулявшиеся с беззащитными бабами да не ждавшие нападения, свирепой ненависти тех, кто пришел за праведной мстью?! Потому даже отряд бродника, потерявший едва ли не треть воев, устоял под натиском толпы степняков, обезумевших от страха и слепо прорывающихся сквозь полосу шипов...

Впрочем, уцелели ратники прежде всего благодаря Ждану, его смекалке. Поняв, что ворога обуял дикий, животный страх, что половцы перестали быть воинским отрядом и все они пытаются спастись поодиночке, бродник отвел своих людей к берегу, откуда русичи принялись выбивать степняков стрелами. А те уже не пытались даже отвечать, просто погнав падающих на рогульках жеребцов вперед... И хотя десятку-полтора кипчаков в конечном итоге удалось прорваться, их спасение ни на что не повлияло. Ибо сама схватка закончилась, и русичи уже отбили полон и перехватили обоз!

Первым вырвавшийся из западни половец по имени Турал добрался до осадного лагеря Бату-хана одновременно с заходом солнца – в те самые мгновения, когда короткий зимний день стремительно уступает ночи и небо начинает сереть буквально на глазах. Раненого и потерявшего слишком много крови нукера встретил дозорный разъезд. Выслушав бессвязные, невразумительные объяснения уже явно бредящего половеца, встревоженный десятник-арбанай отправил гонца к своему сотнику-джагуну. Раненому попытались помочь, перевязать его, но было слишком поздно. Добравшись до своих, Турал лишился последнего якоря, что еще заставлял его цепляться за сознание: почуяв себя в безопасности, он вскорости испустил дух.

А к моменту, когда прибыл джагун и арбанай кратко доложил ему о случившемся, к разъезду вышли те немногие счастливчики, кому повезло сохранить лошадей при прорыве через полосу железных рогулек и не поймать при этом русский срезень. Среди выживших не было монголов, и, чтобы спасти себя от расправы за бегство, они выдумали историю про целую тысячу атаковавших их орусотов! Впрочем, в тот миг, когда половцы сбивчиво рассказывали о побоище на льду реки, все они успели поверить в собственную ложь.

С другой стороны, ведь никто из тех, кому повезло спастись, действительно не знал и не мог знать, что атаковавшая их дружина была втрое малочисленнее охраны обоза! Им всем действительно

казалось, что нападавших было как минимум втрое больше кипчаков...

Но эти черные для поганых вести имели неожиданные последствия. Джагун уже не мог сам решать, что делать с бежавшими из схватки покоренными, в то же время вовремя сообщившими о неожиданной опасности, а против целой тысячи орусутов ему явно не хватало людей! Потому он отправился к тысяцкому, но и кюган, узнав о нападении, не мог принять самостоятельное решение! И тот, в свою очередь, направился к самому темнику, чингизиду Берке, брату Бату-хана. Последний же внимательно выслушал своего подчиненного и всерьез обеспокоился. Какое-то время он молча обдумывал полученные известия, но так и не решился действовать самостоятельно, ибо хорошо знал тревоги ларкашкаки... И в душе разделял их.

Бату-хан внимательно, чуть щурясь, наблюдал, как продолжается обстрел внешней городской стены — пронзающие ночную тьму зажигательные снаряды оставляли за собой короткие пламенные росчерки при взлете в воздух, а затем огромными светлячками устремлялись к городням, вскоре после чего на внешней стороне срубов вспыхивал очередной огненный цветок! И ведь в полет каждый раз отправлялся не один светлячок, а целый десяток. Завораживающее зрелище!

Заполненные промерзшей землей и камнем тарасы внешнего оборонительного рубежа Арпана пока еще держались. Но уже за один только первый день работы манжаников тяжелые глыбы и размоченные в воде чурбаны снесли верхнюю часть стены на участке шириной в сто шагов! А кое-где добрались уже и до ее середины... Впрочем, работы расчетам китайских пороков хватит еще на два дня, ведь для хорошего штурма брешь должна быть не уже двухсот шагов, а саму стену необходимо разбить до самой подошвы!

И вот каменные валуны сменили горшки с зажигательными смесями... Бревенчатые стены крепости орусутов, конечно, промерзли, а защитники ее специально поливали их водой, чтобы покрыть льдом для прочности. Но ледовый панцирь давно разбит, а зажигательные смеси быстро согревают дерево и с обильным дымом выпаривают из него лишнюю влагу... И вскоре огонь перекинется на городни, что весело затрещат, охваченные пламенем!

Впрочем, сегодня обстрел зажигательными снарядами будет не столь продолжителен, иначе ведь не напасешься на все города орусутов горшков со смесями на основе нефти! А зрелище пламенного обстрела прежде всего было нужно самому ларкашкаки, дабы поднять ему боевой дух – впрочем, как и его верным нукерам... Но и огонь на полуразбитых городнях совсем не лишний – все завтра меньше кидать камней! Их ведь тоже приходится находить и выворачивать из ледового плена...

К слову, не отставали сегодня от «больших собратьев» и вихревые катапульты. Но если расчеты манжаников крушили восточную стену крепости, то обслуга небольших камнеметов последовательно разбивала обломки северной, с особым тщанием разрушив шатер и боевую галерею надвратной башни. Когда штурм начнется, ударные тысячи нукеров пойдут в атаку через брешь, в то время как целый тумен возьмется за бесчисленные лестницы и нападет на город с севера, отвлекая на себя часть защитников Ариана! У осажденных просто нет никаких шансов выстоять!

И все же Бату-хан не находил себе покоя. После столь успешного завоевания Булгара война в землях орусутов вышла неожиданно долгой и тяжелой. В какой-то момент сложности обеспечения продовольствием поставили под угрозу весь поход! Слава Тенгри, Субэдэй наконец-то прислал первый богатый обоз со съестными припасами и хашаром, так что проблема голода отступила. Да и ложе Бату впервые согрела белокожая рабыня с крупной грудью и пронзительными голубыми глазами, сладость горячего тела которой ненадолго отогнала тяжкие думы хана...

Однако сейчас ларкашкаки был обеспокоен не меньше, чем когда в котлы его нукеров отправились последние бараны: гонцы-туаджи от Бурундая и Кадана не появлялись с известиями вот уже много дней! Гораздо дольше, чем следовало ожидать, даже если кто-то из темников завяз бы во время осады и потерпел несколько неудач во время штурмов... Все темники честолюбивы, и нойоны не отстают от чингизидов – все они хотят принести лишь счастливые вести о своих славных победах... Но ведь всему есть предел! Один-два неудачных штурма, но после и Бурундай, и Кадан сообщили бы о своем положении и достигнутых успехах! Или неудачах...

Прежде всего отсутствие туаджи Бату-хан связывал с тем, что на реке по-прежнему могут действовать малочисленные отряды орусутов, перехватившие всех отправленных к нему гонцов. Потому сегодня ларкашкаки уже сам направил посланников к Бурундаю и Кадану вместе с тысячей кипчаков, и хотя у кюгана последних есть и свои задачи, он также обязан защитить туаджи...

А вот как-то иначе объяснять молчание темников даже самому себе хан пока что отказывался, да и просто опасался... Но ведь и не могло же случиться ничего более худшего! Ибо достаточной силы, чтобы разбить три монгольских тумена, у нойона орусутов Арпана не было изначально! Да и где бы он смог их спрятать? В крошечных городках? Заснеженных лесах?! Нет, нойон Арпана вернулся в свою столицу, уведя с собой большую часть своей рати...

Последним, пятым залпом манжаников обслуга камнеметов прекратила обстрел крепости, и одновременно с тем за спиной ларкашкаки раздался до боли знакомый голос:

– Здравствуй, брат.

Вату неспешно, с достоинством обернулся, после чего с ног до головы смерил оценивающим взглядом обратившегося к нему и лишь затем разлепил толстые губы, скупно бросив:

– Здравствуй, Берке. С чем пожаловал?

Такой же тучный, как и старший брат, третий сын Джучи ответил столь же медленно и неспешно – словом, так же, как и ларкашкаки принял его приветствие:

– У меня новости о тысяче, отправленной вместе с туаджи к Кадану. Очевидно, ее больше нет, ибо орусуты напали на охраняющих обоз нукеров недалеко от нашего лагеря. Обоз защищали три сотни кипчаков, а враг атаковал крупным отрядом, не менее тысячи батыров в илчир-билиг и худесуту хуяг. Так защищены только люди местных нойонов... Они едва ли не целиком перебили охрану обоза. И главное, ударили орусуты не из засады, а догнав кипчаков по льду реки.

Выдержка изменила хану, а с лица его слетела маска лени и спеси; теперь оно исказилось в дикой гримасе, глаза яростно засверкали, а на лбу надулась кровеносная жила:

– Как?! Кто?! Отправили туда нукеров?!

Берке, хорошо знающий старшего брата и знакомый с его привычками (как и своими собственными), был готов к внезапной

вспышке ярости, поэтому и ответил вполне спокойно:

– Нет, не отправил. Ибо орусутов может оказаться более, чем тысяча. Кроме того, землю окутала тьма, а в темноте врагу проще устроить засаду, чем при дневном свете.

Спокойный ответ младшего брата заставил Бату немного прийти в себя. «Чем суетиться при опасности, лучше подумай, как устранить ее», – так гласит древняя монгольская поговорка. Нужно думать, хорошо думать, не позволяя ярости затуманить голос разума...

Впрочем, сейчас обрывочные мысли, коим ларкашкаки до поры до времени не давал ходу, довольно быстро выстроились в единое целое...

Тысяча батыров врага в твердых доспехах не могла спрятаться в лесах и никак себя не проявить, пока орда шла по реке. Иначе до самого Арпана орусуты изводили бы головной ту-мен ударами из засад... Значит, пришли с юга. Прошли по заснеженным дорогам? А откуда? Сколько их? Кто бы это мог быть?!

Вся рать нойона Арпана была собрана в порубежье его земель – лазутчики ларкашкаки точно выведали об этом. И зная, что войско орусутов невелико, хан решился убить посла, сына нойона, чтобы заставить его отца принять пограничное сражение... Не вышло – тот оказался больше правителем, нежели родителем, и личное не взяло верх в его душе. Но то, что все рати его укрылись во встреченных ордой городах, Вату знал практически наверняка...

И тем не менее всего в трех переходах от Арпана Субэдэй встретился с мощной ратью, отправленной на юг эмиром Улайтимура, Юрги-бузургом! Столь мощной, что даже с тремя туменами лучший темник монголов не сумел сокрушить врага! А ведь Юрги-бузург назвался союзником Бату-хана и, по докладам лазутчиков, не собирався оказывать помощь соседу... Но что если и другой нойон, по имени Михаил, правящий городом с труднопроизносимым для монголов названием Чернигов, также отправил войско в Арпан? Ведь и у него нойон Арпана просил помощи!

Субэдэй ведь как-то рассказывал, что рати южных князей свирепо бились на реке Алицзи и что Чернигов, до которого они тогда так и не добрались (кстати, вновь помешало войско из Улайтимура!), есть большой, богатый город с сильной крепостью, что земли его нойона обильны и богаты...

А ведь это единственное разумное объяснение появлению и дерзкой атаке орусутов на обоз вблизи осадного лагеря орды! Но если так, какова их общая численность? Один тумен, полтора, два?! Вышла ли рать врага на реку севернее Пронска или южнее, уже сокрушив Кадана?! Вопросы, вопросы, вопросы... Но быстрого ответа на них не найти.

Зато стоит поразмыслить о том, что если сил у противника хватает, он может решиться на атаку стоянки хана в ближайшее время. И тогда нойон Арпана обязательно ударит навстречу, совершит вылазку из города! Хватит ли тогда Вату силы отбиться?!

Еще немного подумав над происходящим, ларкашкаки наконец-то начал говорить – поначалу так же спокойно, как недавно отвечивал ему младший брат, но разгорячившись к концу своей речи:

– Штурм придется временно прекратить, а осадные орудия необходимо укрыть в лагере. К Субэдэю я отправлю туаджи с приказом вернуться к Ариану – пусть оставит небольшой заслон на реке, что отступит, если остатки рати эмира Улайтимура попробуют преследовать. Тогда старый лис обратится к врагу и разобьет его в поле, поквитавшись за сына! Нам же следует как можно скорее укрепить лагерь и утроить число разъездов вокруг стоянки. Орусуты не должны напасть на нас внезапно... Но если этой ночью они не атакуют, на рассвете, как только небо начнет сереть, мы отправим на юг разведчиков. Они найдут врага, узнают его численность, может быть, добудут пленника... И когда мы все разведем, то уже сами нанесем удар!!!

Глава 11

– Ну что, други, нужно принимать общее решение, как быть дальше.

Собранные мною Кречет, Коловрат, Микула и Ждан расположились вместе у разожженного особнячком костра. Мне не хотелось, чтобы кто-то из ратников или спасенных нами гражданских услышали даже обрывок нашего разговора – хотя, конечно, учитывая гвалт, стоящий над стоянкой, это было бы непросто! Увы, обеспечить режим тишины возможным не представляется...

Во-первых, дети. Как ни странно, среди полона уцелело несколько детей в возрасте от шести до девяти лет – слишком маленьких, чтобы попытаться спасти матерей от бесчестия, равно как и стать жертвами насилия со стороны поганых. Возможно, в лагере Батыя выродки добрались бы и до них, но обозники вдоволь нагулялись с бабами и заневестившимися девушками... И одновременно с тем детки оказались достаточно большими, чтобы не путаться под ногами и понять, что половцы убивают слишком шумных. А также способными выдержать один дневной переход на пределе своих детских сил, когда есть четкое понимание: отстанешь – убьют! Да и матери отчаянно тянули малюток за собой... Так вот сейчас, после всего пережитого, у детей настоящая истерика. Ноют не переставая, одновременно с тем все время о чем-то просят, на что-то жалуются... И безрезультатно ищут среди дружинников своих отцов, как та девчушка, Лада, поначалу принявшая меня за своего папу...

Во-вторых, сами гражданские. Точнее, наиболее пострадавшие среди них, у кого поначалу были просто пустые взгляды после всех пережитых ужасов. Будто сознание жертв отключилось, чтобы не свести их с ума и одновременно с тем не спровоцировать истерикой поганых... После боя самые тихие, немного разморозившись, в большинстве своем, увы, также впали в истерику...

И ведь еще повезло с теми, кто просто тихо, безостановочно плачет, не реагируя на окружающих. Ибо с теми, кто впал в буйство и рыдает в полный голос или орет диким голосом – с ними просто не сладить! Но самое жуткое – это когда человек сидит прямо на снегу и,

смотря в одну точку, протяжно мычит или воеет, покачиваясь на месте, будто маятник... Короче, жуть.

Ну и в-третьих, раненые. А именно те, кто ранен серьезно и впал в беспамятство. Их немного, семь человек, но в бессознании они громко стонут и периодически вскрикивают.

Одним словом, если поганые отправят следом погоню, преследователи смогут найти нас просто по издаваемым звукам! И ведь отойти от места схватки далеко не удалось — с замученными мирными жителями и ранеными на загривках, да еще в стремительно густеющих в лесу сумерках, отступили мы едва ли на полверсты. Да и той не наберется... Одно радует: на ночной бой в лесу поганые вряд ли решатся. А если решатся, то кровью умоются! Бравада, блин... Если решатся, да крупными силами, то мы обречены.

Первым мне ответил Коловрат — спокойно, веско:

— У нас одна цель — защитить Рязань, помочь городу выстоять. Ты сам говорил, что нужно сжечь пороки, и тогда...

Предупредительным жестом прервав боярина и посмотрев прямо в глаза Ждану, я как можно более спокойно ответил:

— Евпатий, у меня вновь были видения. Два видения. И главное, что касается Рязани, Юрий Ингваревич уже решил на вылазку и попытался сжечь пороки. Его люди проникли в лагерь под видом половцев и одновременно с тем атаковали из града... Но всех ряженных перебили, когда те еще не успели добраться до камнеметов, а участвующие в нападении дружинники успели сжечь лишь треть больших манжаников и малую часть пороков, с которыми татары осаждали Пронск, после чего воев отбросили... А главное, во время вылазки дружинники использовали оба имеющихся подземных хода. Понимая, что кто-то мог попасть в полон и что татары могут воям такие пытки устроить, что любой сломается и укажет на ход, князь приказал завалить оба лаза... В город нам никак не попасть. Пороки не сжечь. В самом лучшем случае успеем запалить два-три манжаника, коли каким-то чудом сумеем пробраться всем отрядом, а после охрана их очухается, и нас всех перебьют.

По мере того как я пересказывал одно из видений, лицо боярина становилось все мрачнее, а брови Ждана все изумленнее изгибались вверх. К концу же моей речи его общий вид стал настолько комичен, что я едва удержался от смеха:

– Друг мой, это правда, и все остальные сидящие здесь, за костром, могут подтвердить, что ранее мои видения не лгали. Именно благодаря им мы узнали точную численность орды и придумали, как спасти жителей поселений по берегам Прони, как отвести рязанскую рать в стольный град. Их давно не было, но теперь... Теперь я знаю, что в Рязань нам никак не попасть. Но и это не все.

Я сделал небольшую паузу, чтобы перевести дух, но меня поторопил Кречет, обратившийся ко мне с непривычной тяжестью в голосе:

– Не томи.

Я кивнул, после чего продолжил свой доклад:

– Князь Юрий Всеволодович отправил на помощь Рязани большую рать, но она успела дойти только до Переяславля, где встретила с тремя туменами Субэдэя. Состоялся бой, и татары, и русичи потеряли примерно половину своих людей, но у темника сил сейчас едва ли не вдвое больше. Субэдэй – старый, опытный лис, он себя врасплох застать не позволит. Лагерь разбил подальше от крепостных стен, город окружил кольцом дозоров. Ночная вылазка, как под Пронском, успехом не обернется, нехристи успеют к бою изготавиться, а еще одну сечу нашим в чистом поле не потянуть. Слишком мало осталось и конных дружинников, и стрелков, а пешцам за конными лучниками не угнаться...

Самое ужасное то, что темник не пойдет на штурм, а будет выжидать под Переяславлем, грабя поселения по Оке до самой Коломны, отправляя на север такие же летучие отряды, какой мы разбили сегодня. Может, и поменьше, но кому там давать отпор? Так вот, Субэдэй дождется, пока Батый возьмет Рязань или пока пришлет ему подкрепления с пороками, держа осаду стольного града... Что вряд ли. Все-таки сил у хана вчетверо больше, чем у Юрия Ингваревича, должно хватить. Хотя если штурм будет тяжелым, после первой неудачи он может один, а то и полтора тумена с пороками действительно отправить нойону. С оставшимися же силами не даст покинуть град княжеской рати, пока Субэдэй берет Переяславль... В любом случае поганым хватит сил взять оба града, а дальше двинуть на север, ко Владимиру.

Над костром на пару минут повисло тревожное, тяжелое молчание, которое прервал Коловрат:

– И что, мы ничего сделать не можем?!

Переглянувшись с остальными соратниками, я виновато пожал плечами:

– Здесь – теперь уже ничего. Нужно отправляться во Владимир, искать встречи с князем Юрием. Убедить его как можно скорее собирать силы, не покидая своего стольного града, и не рассчитывать на новгородцев. Да дать нам отряд воинов, с которыми мы вновь замедлим продвижение орды – теперь уже по Москве-реке да по Клязьме... Штурм Рязани и Переяславля дастся поганым непросто. Не меньше трети, а то и половина нукеров в землю ляжет! И если после они обратно в степи не повернут, то Юрию Всеволодовичу должно хватить сил отстоять Владимир. А то и разбить поганых в поле...

Неожиданно резко боярин встал на ноги, возвышаясь над костром:

– Я родом из Рязани, и ратники мои также. Семьи наши, родичи – все в стольном граде, и уйти отсюда мы не можем. Идите во Владимир, братья, предупредите о поганых Юрия Всеволодовича... А мы здесь останемся. Ибо негоже нам близких на смерть бросать, а самим искать спасения!

Окончил свою речь Евпатий довольно резко, дал волю чувствам. На что глухо ответил Микула:

– Так и мы же не спасения ради...

Коловрат ничего не ответил на это замечание, а я, немного обдумав последнюю пришедшую в голову мысль, обратился к богатырю спокойно, указав на его место у костра:

– Сядь к нам, боярин, в ногах правды нет... Ты не подумай, мне твои чувства хорошо понятны, они знакомы мне. У меня в Пронске – ты ведь знаешь – невеста осталась. Непраздная невеста, если быть точнее, практически настоящая семья...

Теперь уже у Евпатия, единственного из всех осведомленного о моих чувствах к княжне Ростиславе, как и о том, что девушка отвечает мне взаимностью (только не представляющего всего масштаба взаимности), полезли глаза на лоб от изумления. Я же невозмутимо продолжил:

– Так что не думай, что я не понимаю тебя или твоих воев. Будь у нас хоть какая-то, пусть даже самая малая возможность спасти город, победить Батю, мы бы рискнули всем, но остались бы... Но ее нет. Нас – горстка людей, кому суждено лишь с честью погибнуть, коли мы

решимся вступить в бой! И в то же время, взяв Рязань и Переяславль, собрав воедино остатки орды, хан может захватить и Владимир, и князя Юрия разбить, коли тот не успеет подготовить вторую рать... А потому предупредить его мы просто обязаны!

Коловрат в ответ на мои слова лишь покачал головой:

– Я все понимаю, Егор. И я не думаю, и не говорил о том, что вы собираетесь уйти отсюда, лишь бы спасти свои жизни... Это мой выбор, и только мой, я не хотел никого обидеть. Микула, слышишь?

Северянин кивнул, а боярин меж тем продолжил:

– И тех дружинников, кто захочет с вами пойти, я неволить не стану. Пусть вой сами решают, с кем им остаться и как послужить родной земле...

От последних слов Евпатия словно дохнуло могильным холодом, и, невольно пожившись, я наконец-то озвучил свою задумку:

– Пускай решают сами. А ты меня послушай, боярин: коли вы остаетесь, знай: самую большую пользу вы сможете принести, когда уже рухнет внешняя городская стена и поганые пойдут на штурм сквозь брешу. Именно тогда, когда большая часть орды окажется в городе, легче всего будет подобраться к порокам, охрана которых не будет ждать нападения. Ваша цель – большие манжаники. Горшки с зажигательными смесями во время штурма будут рядом с камнеметами, их можно разбить два или три о порок, да поджечь его – вот что нужно! И тогда ваша смерть сможет спасти Переяславль... А может, и саму Рязань, ведь когда за спиной поганых загорятся камнеметы, наверняка ведь начнется неразбериха, и появится шанс, что штурм замедлится. И уцелевшие защитники крепости, да и жители – кто сможет, конечно, – отойдут в детинец. Лучшего момента для вашего вступления в схватку просто не придумать!

Коловрат внимательно выслушал мои слова, после чего задумчиво произнес:

– Княжеский кром – он ведь крошечный, там места хватает лишь для терема и хозяйских пристроек. Но ведь на Соколиной горе стоит Средний город, что был возведен изначально, и там достаточно места, чтобы действительно укрыть многих жителей... Но вот ты, Егор, говоришь, что, будь у нас хоть малая возможность спасти Рязань, вы бы остались. Но то, что ты сейчас изложил, разве это не она? Та самая

возможность?! А ежели так, подумай сам: в атаке на охрану пороков нам каждый меч на счету будет. Каждый меч!

Я вынужденно замолчал, смущенный замечанием боярина и тем фактом, что действительно допустил противоречие в своих рассуждениях. Причем противоречие, касающееся жизни и смерти сотен людей! И одновременно с тем допускающее, что я сам – трус, ищущий для себя возможности спастись!

И ведь самое главное, понимая, что те, кто попытаются поджечь пороки, обречены, я, пусть и бессознательно, но ведь на самом же деле попытался избежать этой участи... И теперь от четкого понимания своей пусть и не осознанной трусости жаркий стыд буквально жжет, заставляя залиться краской...

– Кхм, кхм... – Прочистив горло, я поспешил ответить: – Прав ты, боярин. Только что ведь сам говорил, что возможности помочь нет – и тут же заявляю, что, может, и получится осажденным помочь... Тогда выходит, нужно остаться всем отрядом. Часть людей, правда, необходимо утром выделить в охрану бабам да деткам, чтобы довели их до любого нормального жилья, но с этим справятся и легкораненые. Разве что десяток воев добавить им в помощь – довести тяжелых раненых... И гонца к Юрию Всеволодовичу нужно отправить обязательно! Да не одного, а хотя бы трех воев.

Коловрат согласно кивнул, но тут слово неожиданно взял Кречет:

– А почему князю Владимирскому не стоит ждать помощи из Новгорода?

Внезапный вопрос застал меня врасплох, так что я даже не сразу нашелся что ответить, замаявшись на несколько секунд. Потом наконец честно выдал то, что знаю, разбавив версию собственными догадками:

– Слишком долго Ярославу Всеволодовичу идти из Киева в Новгород. Тем более Киевское княжество после Калки реальной силы не имеет, а новгородцы у нас сами по себе. Коли у них на вече народ не решит сообща собирать рать, она и не соберется. При этом те бояре, кто готов был поддержать князя и его сына, уже дали людей – ныне осажденных в Переяславле вместе с владимирцами. А прочие не захотят терять своих людей в боях с далекими монголами, у них рядом немцы, даны и свей свой кусок урвать хотят, ждут удобного времени... Так что бояре новгородские, которые реально вечем заправляют, скорее

понадеются отсидеться за крепкими стенами града, чем в поле терять воев.

Кречет задумчиво кивнул.

– У тебя были видения о князе Юрии Всеволодовиче?

Секунда на размышление, после чего я внутренне смиряюсь с необходимостью соврать и озвучиваю доступный еще на школьной скамье курс истории:

– Да. Узнав, что первая рать погибла, он отправился на север собирать воев из Ярославля, Ростова, Белоозера, Углича и прочих городов и весей, встав на реке Сити. Хотел дожидаться новгородцев и всей мощью ударить по осадившим Владимир поганым! Но прихода брата великий князь так и не дождался, стольный град монголы взяли быстрым штурмом, сломав стены пороками и истребив жителей, включая княжескую семью... А предатели спустя какое-то время выдали положение владимирской рати врагам, и те сумели застать русичей внезапной атакой, не дав собрать силы воедино... Ведь Юрий Всеволодович поделил рать между несколькими поселениями, чтобы воям было где укрыться от морозов и метелей. Это, конечно, разумно, но в сече полки пали поодиночке – вместе с князем. Такая вот история...

Дядька оторопело покачал головой, после чего только и смог выдать:

– Во дела...

Спустя пару секунд слово взял Ждан, ожидаемо спросив:

– Слушай, Егор, а когда у тебя эти видения начались? Сам понимаешь: может, тебе их Господь посылает, а может, и дух нечистый, нам как раз на погибель!

Уже нисколько не кривя душой, я ответил вполне спокойно:

– Начались у меня видения после того, как мы полоняника из орды с боем взяли. А что касается, Божья воля это или нет, подумай сам: рязанская рать по-прежнему цела, а вот мы уже истребили три тумена, и Пронск с Ижеславцем все еще целы... И присутствующие здесь все еще живы, хотя по видениям нам всем давно уж конец должен был прийти!

Ждан замолчал, переваривая услышанное, а слово вновь взял Кречет:

– Коли так, Егор, то только тебе и нужно к князю Юрию Всеволодовичу отправляться. Ибо убедить его как можно скорее начать собирать вторую рать да Владимир не покидать, помощи брата не ждать – только тебе это и под силу, с Божьей помощью-то... Ты сумел повлиять на Юрия Ингваревича, тебе же и великого князя уговаривать!

После внезапного предложения дяди над костром повисла тяжелая тишина. Все, что он сказал вслух, абсолютно правильно, более того, я и сам о том не раз уже думал, но... Согласись я сейчас со словами Кречета, и от брезгливого ощущения того, что я струсил, бросив умирать соратников в самоубийственной схватке у пороков, я уже никогда не избавлюсь. Стоит ли жертвовать в угоду здравому смыслу собственной честью и совестью? Я ведь сколько раз уже с этими людьми плечом к плечу бился, столько раз рисковал собой и обрекал их на этот риск, как тогда, на льду Прони! Так могу ли я сейчас уйти, коли действительно имеется, пусть и крохотный, шанс спасти целый город, полный беженцев, даже если сам я погибну?! Зато в случае успеха нам удастся обезопасить Пронск от нового штурма с применением катапульта... Не этот ли путь я выбрал с самого начала?!

Все для себя решив, я уже было открыл рот, чтобы твердо заявить «я остаюсь», как вдруг заговорил Коловрат – спокойно, с пониманием и без всякого намека на осуждение:

– И ведь правда, Егор, только тебе под силу убедить князя поступить правильно, подсказать, как разбить поганых, ежели мы не сдюжим... Забыл я о том, как ты меня самого уговаривал, забыл, как уже мне тяжело было с Михаилом Черниговским... А ведь ты уже очень помог с Рязанским княжеством, но ведь Русь им не заканчивается! Так что действительно будет лучше, если ты отправишься во Владимир.

Безумная надежда обожгла сознание от слов Евпатия, и я замедлился, промолчал, вместо того чтобы горячо протестовать, потерял несколько лишних мгновений, вновь заколебавшись... А взять слово вновь помешал Кречет, рубанув перед собой по воздуху пустой рукой – будто судья, выносящий приговор!

– На том и порешим. Трех человек много будет, но с Егором отправится Микула. Он в схватке троих дружинных стоит, поможет прорваться в случае чего.

Северянин лишь степенно согласно кивнул – без каких-либо проявлений несогласия или разъедающего душу стыда, просто приняв приказ, как должно простому ратнику!

И я в итоге промолчал, так ничего против и не сказав, коря себя за слабость и одновременно с тем невольно радуясь тому, что неминуемой гибели удастся избежать...

Глава 12

– Святый, славный и всехвальный великомучениче Христов Георгие! Собрании во храме твоём святою покланяющиеся людие молим тя...

Молебен об успехе в ратном деле православного воинства завершался молением о даровании мужества, обращенным к великомученику Георгию Победоносцу. И, слыша имя своего небесного покровителя, князь Юрий и сам приободрялся, начинал дышать хоть немного свободнее. А то ведь напряжение последних дней словно стальным обручем сковало его грудь, легло непомерной тяжестью на его плечи...

Сегодня наступил уже четвертый день с тех пор, как поганые начали обстрел города, едва ли не наполовину разрушив участок восточной стены, а после внезапно остановив штурм. Это было неожиданно – и одновременно с тем подарило людям надежду, буквально окрылив защитников крепости! Татары отступили в свой лагерь, отвели пороки от стен, основательно занявшись укреплением своей стоянки. Как будто они ожидали нападения! Даже сам князь успел в это поверить, как и в чудесное спасение, связанное со скорой помощью владимирской рати... Но уже на следующий день враг опять выдвинул вперед осадные орудия и продолжил обстрел – и надежда на скорую помощь великого князя растаяла, словно снег под весенним солнцем.

Третий день запомнился рязанцам безостановочным скрипом тросов камнеметов и грохотом ударов о городни ледяных глыб, вымоченных в воде чурбанов, массивных каменных валунов, крушащих стены... Татары начали обстрел зажигательными снарядами перед рассветом и закончили его уже после заката, также горшками с огнесмесью. А попытавшихся было потушить огонь рязанцев буквально смел ливень стрел, вымоченных в сере и также зажженных! Пламя же потухло ближе к полуночи, оставив в восточной стене крепости брешь в две с половиной сотни шагов... Кроме того, малые камнеметы агарян разбили обламы не только на северном участке укреплений у Исадских ворот, но также и у Рязских врат, разрушив и

надвратную башню. И теперь все горожане и беженцы понимали, что уже этот день может стать решающим для Рязани...

А потому утро народ встретил у городских соборов – Спасского, Борнео-Глебского, У сиенского, а также у малых церквей столицы княжества. Горячо молились матери и жены о своих сыновьях и мужьях, чтобы сохранил их Господь в лютой сече, чтобы даровал победу над нехристями... Ратники также обратились к Небесам с горячей мольбой – и о победе, и о том, чтобы ангельское воинство помогло им сегодня, как когда-то помогло Владимиру Мономаху в сече с половцами... И наконец, просили о главном: чтобы выжили их любимые, их семьи – родители, жены, детишки...

Самая сильная молитва – она всегда в миг трудности, в миг опасности, в миг, когда только на Божью помощь и остается уповать... И эта молитва, коли произнесена она сердцем, с горячей верою, всегда укрепляет людей, дает им силы и надежду. Вот и сейчас, когда прозвучали последние слова молебна «и твое исповедуем предстательство, ныне, и присно, и во веки веков» и монахи крестным ходом первыми двинулись из Борисо-Глебского собора, торжественно, со всей доступной им силой начав распев двадцать шестого псалма «Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюся», лица собравшихся в храме преобразились, просветлели... И одновременно с тем на них отразилось какое-то одухотворенное спокойствие. Дарует ли сегодня Господь победу русичам, или же грехи людские перевесили чашу весов и ныне Отец Небесный ждет своих многократно оступившихся чад в чертогах горниих, даровав им очистительные скорби – страх, так или иначе, оставил людей.

Когда же и сам Юрий Ингваревич покинул собор и увидел, как заиграли лучи солнца на деревянном распятии да иконе Божьей Матери, невольно вспомнил он об Андрее Боголюбском. А именно о том, как после победы над волжскими булгарами увидели великий князь и воинство его, как исходят от иконы Богоматери и Честного Креста Господня огненные лучи, своим светом озарившие русскую рать...

Говорят, в тот же день в далеких южных землях базилевс Мануил Комнин победил сарацин, и такое же небесное знамение явлено было и его войску! С тех пор и ромей, и русичи особо отмечали этот день как праздник изнесения Честных Древ Животворящего Креста Господня...

А сейчас правитель Рязани счел для себя увиденное им добрым знамением, и пусть это были не огненные лучи, а лишь игра солнечного света, все же в душе его поселилась уверенность: сегодня они не уступят град монголам!

Крестный ход монахов потянулся к вставшим подле бреши ратникам – двум с половиной тысячам пеших дружинников под началом воеводы Яромира, построившихся напротив пролома и спокойно ожидающих врага. Сколько бы ни пошло поганых не штурм, их тьма разобьется о стену щитов рязанских витязей да осядет на граненых жалах пик и широких наконечниках рогатин, что держат в руках вой первого ряда... А если прорвется враг – что же, тысяча конных гридей рязанского князя ожидает лишь сигнала на площади у Борисо-Глебского собора! Есть кому встретить татар, еще как есть!

Еще одна тысяча конных витязей встала под началом князя Муромского Юрия Давыдовича – этот отряд дружинников ожидает своего часа у Спасского собора. Им вступать в бой, коли враг прорвется у Исадских врат – там, где татары поначалу разбили обламы, там, где скопилось множество поганых со штурмовыми лестницами...

По крайней мере, враг четко обозначил направление своих атак, позволив Юрию Ингваревичу не растягивать войско по всей протяженности городских укреплений! Вместо этого князь оставил лишь небольшое число дозорных на западной и южной стенах, сосредоточил наиболее боеспособное ополчение у проломов в обламах и у полуразрушенных надвратных башен. Три тысячи воев – полторы из них на стенах, и столько же ждут свой черед у вала с тыльной стороны. Разбитые по сотням и закрепленные за конкретными участками городней, они или сменят уставших ратников, или вступят в бой вместе с ними, коли совсем припечет... Да еще могут помочь и дружинникам, если тех потеснят от бреши!

Четыре сотни гридей личных дружин супруги князя, а также княжны Евпраксии и княжича Ивана защищают княжеский кром во главе с младшим братом, Олегом Красным. Места там мало, и потому защищен крошечный детинец очень надежно – обломают поганые зубы, коли попробуют в него прорваться! Оправдывая древнее название укрепления, в детинце укрыли всех деток града, разместив рыдающих малышей в каждом свободном помещении терема и

внутренних пристроек. Все одно места хватило не всем, и детишек меняют по очереди, кого-то выводя погулять во двор крома, кого-то уводя в тепло...

Молодых матерей, юниц да парубков укрыли в Среднем городе, что стоит на Соколиной горе. Его защищают две тысячи наиболее крепких ополченцев, собранных в сотни еще Яромиром и позже разбавленных дружинниками; возглавляет их Олег Юрьевич, двоюродный брат князя Муромского. Также в Среднем городе встали и четыре сотни конных гридей – это вой, уцелевшие во время неудачной вылазки к порокам. Последний ударный отряд Юрия Ингваревича, собранный под началом среднего брата, князя Романа Коломенского...

Но у Романа своя задача: коли враг прорвется-таки в Рязань (хотя вернее все же сказать «когда») и начнет теснить уцелевших защитников к Соколиной горе, удар свежей дружины остановит натиск поганых, заставит их попятиться! И выиграет время для русичей – отступить к Среднему граду, не позволив при этом поганым ворваться в него на плечах ратников...

Но ведь огромное число жителей и беженцев не нашли себе места во внутренних твердых – старики, взрослые уже женщины, способные поднять топор юнцы... Последних вместе с прочими ополченцами набралось едва ли не пять тысяч – плохо вооруженных и обученных, практически ничем не защищенных... Изначально князь думал ставить их на второстепенные участки стен. Но, приняв во внимание намерения татар ударить прежде всего по восточному и северному рубежам городских укреплений, он передумал.

Вместо этого от Оковских ворот, ведущих к пристаням у Оки, и до самых Водяных врат встали эти мужи, перегородив сцепленными между собой телегами проходы как по широким улицам, так и кривым извилистым улочкам. Стеной это не назвать, хотя большинство телег обшиты широкими досками (зачастую столешницами или разрубленными пополам лавками) – есть на чем встать и чем укрыться! В любом случае это какое-никакое укрепление, что также задержит поганых...

Именно за ним и разместилась большая часть населения града, включая беженцев – набитых, словно сельди в бочках, в каждую избу, сенник, овин или баню... Они ведь обречены, бежать им некуда – ни в кроме, ни в Среднем граде уже просто нет места, чтобы разместить

людей. Но они и не побегут, понимая это и зная, что хотя бы дети и внуки их укрыты более надежно... Понимают про обреченность близких и защитники нового оборонительного рубежа, названного горожанами Средним, а потому с места они не сдвинутся, сражаясь за родных с удвоенной яростью! Обломают поганые Батыя зубы о Рязань, ох обломают...

Бату-хан со свирепой ненавистью смотрел на пролом в городской стене Арпана, за которым на удалении виднелись массивный деревянный крест и целый лес поднятых вверх копий! Батыры врага ждали за брешью, разумно держась чуть позади ее. В противном случае они бы попали под обстрел зажигательных снарядов и настоящий град небольших камней, множество которых помещается в пращу даже вихревой катапульты, не говоря уже о манжаниках...

Ларкашкаки злило все! Что на бесплодный поиск напавшей на обоз «тысячи» орусутов потеряно время – и ложь посмеявших бежать кипчаков: судя по следам подкованных копыт, тянувшихся от реки в лес, атаковал их отряд не более чем в сотню воинов! Трусливые псы давно уже поплатились жизнями, но лишний и совершенно бесцельный день осады Бату потерял. И теперь уже вновь подходят к концу добытые Субэдэем припасы, стремительно дохнут рабы, коим практически не достается еды, да и большую часть хашара составили женщины, пущенные нукерами по рукам. Мало кто из них открыл глаза после первой же ночи «любви»...

Наконец, не вернуть и туаджи, спешно отправленных к Субэдэю еще в ночь после нападения на обоз, и теперь нойон отводит свои тумены к Арпану, ожидая встречи с новой, сильной ратью орусутов! Впрочем, слать к старому лису новых гонцов хан не стал – пусть приведет своих нукеров. Если к тому времени Бату возьмет город – что же, нойон и его люди разделят с ним радость победы. Если же нет, то помогут взять крепость!

Однако же более всего беспокоило и заставляло гневаться ларкашкаки то, что никаких вестей от Бурундая и Кадана так и не поступило! И узнав от дозорных, что на расстоянии дневного перехода от Арпана орусутов не замечено, хан был вынужден вновь отправить туаджи к темникам, придав им также сильный конвой. И в этот раз он очень надеялся, что получит хоть какие-то известия!

Впрочем, хан сумел найти в себе силы и мудрость, чтобы успокоиться, ведь сейчас все злившее его стало не столь важным, ибо огромная брешь в стене Арпана наконец-то готова, а боевой ярус едва ли не по всей протяженности северного и восточного рубежа укреплений зияет многочисленными проломами! Штурм можно начинать, и многочисленная, практически сорокатысячная орда ждет приказа одного лишь человека, чтобы двинуться вперед!

Это одно из тех мгновений, когда в руках Бату одновременно оказываются многие тысячи жизней – его нукеров и его врагов. И ларкашкаки очень ценит эти мгновения, помнит каждое наперечет... Вот и сейчас, глубоко вдохнув воздух полной грудью, он на миг задержал дыхание, подставив лицо ясному небу и наслаждаясь моментом, после чего хан резко, отрывисто выкрикнул:

– Вперед! Возьмите Ариан во славу Тенгри! Я отдаю вам этот город целиком, мои верные нукеры, лишь захватите его! И все богатства, и все женщины будут ваши!!!

– Хар-р-р-ра-а-а!!! – оглушающе проревела в ответ огромная, многотысячная тьма и покатила вперед неотвратимой штормовой волной...

Впереди лучников-хабуту, несущих с собой массивные штурмовые щиты, закрывающие их от обстрела со стен, резво побежали покоренные с поднятыми над головой вязанками хвороста. Побежал и немногочисленный хашар, подгоняемый хлесткими ударами хлыстов и несильными уколами клинков в спину...

На участке напротив брешки стрелки орусутов просто не смогли бы достать ворогов со стен, а двинувшиеся было к широкому пролому вой, заметив среди наступающих и простых жителей, не стали поднимать луки. Да и зачем переводить стрелы, когда вскоре появится множество целей из настоящих врагов?!

А вот там, где замерли позади хабуту нукеры-мордуканы кагана Пуреша, уже схватившись за штурмовые лестницы со стальными крючьями, вот там лучники орусутов не стали жалеть никого. Они силились не подпустить ко рву ни вынужденных идти вперед сородичей, ни кипчаков, поставленных ханом в первый же ряд... Но как только татары подтащили поближе многочисленные штурмовые щиты и ударили множеством срезней в ответ, ополченцы, среди которых нашлось и множество опытных охотников, были вынуждены

искать укрытия. Пусть и стреляли они с высоты городской сквозь уцелевшие бойницы, но ливень из тысяч степняцких срезней буквально закрыл от них солнце...

Во рву же напротив пролома вскоре выросли четыре перешейка из наваленных вязанок хвороста, и враг тут же хлынул вперед! И вновь впереди оказались покоренные кипчаки, расплачивающиеся перед ханом за ложь спасшихся бегством сородичей...

Брешь в стене, однако, вновь заполнил сильно разреженный строй дружинников с мощными составными луками, и по бегущим нукерам густо хлестнули стрелы! Половцы попробовали перекрываться щитами, но срезни оруситов нашли свои цели, прилетая и справа, и слева от перешейка, едва ли не целиком перебив первую волну атакующих!

Однако вскоре в ответ ударили давно пристрелявшиеся к брешу пороки – ударили множеством камней, отправленных в полет и вихревыми катапультами, и манжаниками! И пусть русичи успели закрыться щитами, удерживаемыми на руках локтевыми ремнями, обрушившийся на них град раскалывает щиты, сбивает с воев шлемы, находит свои цели вне защиты, ломая кости рук и ног...

В ужасе отпрянули от брешу русичи, и вновь покатались вперед поганые! В этот раз по ним никто не стрелял, и воодушевленные половцы с радостью побежали вперед, чтобы вскоре, вопя от ужаса и боли, начать падать на окровавленный снег, лишь слегка припорошивший разбросанные у подошвы вала железные рогульки... Взвыли от боли раненые, но гонят покоренных злые команды монголов-арбанаев, заставляющих нукеров идти по телам павших на землю, добывая соратников! И никто не смеет послушаться, прут вперед половцы...

Но не слишком широк участок, где русичи разбросали рогульки, и, миновав его, кипчаки уже увереннее пошли вперед! Вот уже всего три десятка шагов им сделать до невысокой насыпи, оставшейся от разбитой, сожженной стены, но не так-то просто преодолеть их по ледяному покрову вала! Приходится втыкать в лед ножи, чтобы сделать следующий шаг, одновременно с тем выставив перед собой щит – а ну как вновь появятся в проломе лучники-оруситы?!

И они действительно вскоре появились, но срезни полетели вовсе не в поднимающихся по покрытому ледяным панцирем валу, нет!

Вымоченные в сере, чтобы не потухнуть в полете, зажженные стрелы густо полетели в перешейки, во множестве застревая в тугих вязанках! Дав единственный залп, лучники тут же отступили, а место их заняли десятка три смельчаков, раскручивающих в руках пращи с горшками, полными земляного масла! Тут же полетели вниз и они, врезаясь в промерзший хворост и дав первую пищу огню...

Большинство смельчаков остались лежать у бреши: прежде чем они отошли бы назад, в воев, не успевших даже закрыться щитами, ударили камни из пороков... Но свою задачу они выполнили: за спиной успевших миновать ров поганых встала быстро разрастающаяся стена пламени, не позволяющая вернуться назад или получить подкрепление. А замерших было на льду половцев, растерявших все мужество и не знающих, что им теперь делать, спустя всего несколько мгновений снесли полетевшие вниз бревна, заранее припасенные рязанцами и рачительно уложенные вдоль насыпи, оставшейся от стены...

Так для поганых начался штурм Рязани!

Глава 13

Солнце подошло к зениту, немного прогрел воздух, а трескучий мороз, при котором даже дышать больно, временно отступил. Но сражающиеся у стен Рязани мужи давно уже перестали чувствовать холод, разогретые схваткой!

Штурм через брешь, сорванный поджогом хвороста во рву, продолжился, как только утихло пламя, оставив небольшие кучки недогоревших вязанок на самом дне. Отгоняя русичей от пролома, по нему вновь ударил град камней, а штурмовые щиты, прикрывающие лучников-хабуту, передвинулись к самой кромке рва. И из-за них в защитников града полетели сотни срезней, нацеленных на бойницы в облаках... Опустились в ров десятки штурмовых лестниц, не меньшее их число приставили ко второй стенке вала, и десятки, сотни кипчаков принялись сноровисто опускаться вниз, а после полезли и наверх...

Но если у пролома рязанцы сумели выиграть хоть сколько-то времени, то на участках стен у Исадских и Рязских ворот поджечь многочисленные перешейки из хвороста не представлялось возможным – слишком много их было! Да и ответному обстрелу сильно мешали монгольские и половецкие лучники... Лишь встав по бокам от бойниц и проломов, ополченцы могут бить по ворогам, но только тем, кто уже добрался до самых стен.

Выручают рязанцев и «варницы», сквозь которые льют защитники града кипятков и также бьют из луков... Летят со стен сулицы, камни, бревна – благодаря проломам в облаках бросать их вниз стало возможным. И пару раз особо длинные, увесистые чурбаны даже сломали приставленные к брешам лестницы! А те, что поменьше, сбивали когда одного, а когда и двух поганых вниз...

Но, несмотря на отчаянное сопротивление, ополченцам не удалось остановить подъем мокшан царя Пуреша на стены Рязани. Впрочем, те все одно несут потери втрое большие, чем защитники, ибо поганых, кто уже поднялся наверх, встречают разящие в упор стрелы, стремительные уколы копий, с силой брошенные в ворогов сулицы и даже топоры! А прорвавшихся вперед везунчиков, умудрившихся добежать до русичей и вступить в схватку, принимают на щиты и

яростно рубят секирами. В пешей схватке рязанские ополченцы нисколько не уступают мокшанам ратной выучкой, зато заметно превосходят их духом! Да и числом – до поры до времени...

Но хану Батыю все равно, какие потери несут мордуканы присягнувшего ему на верность Пуреша. Он по-прежнему не отрывает своего взгляда от широкого пролома в стене, где вскипела уже яростная сеча!

Чего у штурмующих хватает в избытке, так это заранее заготовленных лестниц. Их оказалось достаточно, чтобы поставить в ряд по обеим стенкам рва на участке шириной в две с половиной сотни шагов – одинаковой с шириной бреша! А после приставить необходимое число лестниц и к покрытому ледовой коркой валу, чтобы уже по ним карабкаться наверх...

Впрочем, вставшие с внутренней стороны земляной насыпи лучники русичей залпами бьют в врага по команде сотенных голов, подсказывающих нужное упреждение с высоты уцелевших городней. И град русских срезней собрал обильную жатву, прежде чем поганые показались в проломе! Гонимые десятниками-монголами половцы тут же поспешили вниз, но первых нападающих лучники перестреляли в упор, после чего беспрепятственно расступились в стороны, освободив проход для ошестинившейся копьями стены щитов княжьей пешей дружины... И та мерно двинулась вперед, точными копейными выпадами поражая всех, кто пытается приблизиться, и выдавливая поганых из града!

Что могли бы татары противопоставить ровным рядам копейщиков, закованных в прочную броню и прикрытых ростовыми червлеными щитами?! Да ровным счетом ничего! Даже заставь Бату-хан спешиться всю свою гвардию и брось он бронированных тургаудов в атаку пешими, монголы, не имея возможности обойти дружинников с крыльев, просто уперлись бы в их строй! И захлебнулись бы кровью в сече в проломе... И тут большее их число не сыграло бы ровным счетом никакой роли, так как в разрыве разбитых городней стена щитов рязанских гридей держалась бы крепче, чем фаланга спартанцев царя Леонида в Фермопилах!

Но Бату-хан не был безумцем, дураком или трусом, нет! Он был внуком потрясателя вселенной, великого Чингис хана, и с молоком матери впитал в себя как ратное искусство, так и полководческий

талант. Да, он уступал мудрейшему и хитрейшему Субэдэю в умении построить битву. Да, он давно уже оброс толстым слоем жирка и не мог с прежней лихостью скакать на коне да рубить саблей! И все же он был и воином, и полководцем, причем разумным и способным просчитать противника, в нужный момент переломив схватку в свою пользу. Нужно лишь понимать, как суметь это сделать!

И сейчас Бату-хан отчетливо понимал как. А главное – чем. «Те хо пао». Горшки или чугунные ядра, начиненные внутри китайской огненной смесью – не жидкой, а сухим порошком, что в большом количестве не просто вспыхивает, а взрывается. В Европе этот состав позже станет известен под названием пороха...

И если горшки с жидкой зажигательной огнесмесью ларкашкаки решил не тратить на батыров орусутов, ибо они в большей степени пригодятся для осады городов и сожжения стен, то «те хо пао» отлично подойдут для того, чтобы рассеять пешцев, внести панику и страх в их ряды! Правда, чугунные ядра до врага могли добросить лишь камнеметы, а защитники Арпана спрятались за валом от обстрела пороков. Но то чугунные ядра. Этой ночью китайцы пересыпали нужное количество огненной смеси именно в небольшие глиняные горшки, удобные для метания даже не самым крепким нукерам...

И вот сейчас, когда лучники орусутов отступили от бреши, а в бой вступили их копейщики, в очередной волне атакующих в ров принялись спускаться монголы-арбанаи, вооруженные в том числе и секретным оружием Бату-хана...

Между тем воевода Яромир, как и любой другой русич, ничего не знал о наличии у татар пороха и о его ужасающем действии, что позже назовут фугасным. Выведя лучников на крылья восьмирядного «ежа», он относительно легко удерживал брешь, больше беспокоясь за схватку на стенах. Но и там ополченцы с успехом дрались, несмотря на густо прущих наверх мокшан. Пока ведь не наступил даже черед запасных сотен! Хотя все идет к тому, что уже вскоре свежим, рвущимся в бой воям придется подниматься на городни, менять первую половину уцелевших защитников, в настоящий момент крепко уставших и заметно поредевших числом...

Ровные ряды копейщиков уверенно держат натиск татар, едва успевших перевалить через оставшуюся от стены невысокую насыпь. Ворогов становится все больше, и все больше мертвых поганных падает

под ноги дружинникам, в то время как потери рязанцев сравнительно невелики. Разве что приходится воям понемногу пятиться назад, ибо перед первыми рядами копейщиков уже встал настоящий вал мертвецов!

И тут вдруг татары резко отхлынули назад, а в русичей полетели горшки с горящими фитилями! Следящий за схваткой из-за спин воев воевода внутренне похолодел: он подумал, что нехристи бросают в рязанцев огнесмеси, которые тут же вспыхнут буйным пламенем на щитах и бронях дружинников! Однако горшки полетели под ноги гридей первого ряда – не в головы и не в щиты. И в следующую пару ударов сердца ничего не произошло...

А после раздался ужасающий грохот, и первые ряды защитников града закрыл плотный черный дым! Воевода не мог знать, что взрывы горшков вблизи оглушают воев и наносят им раны, кроша щиты и раня прежде всего ноги ратников... Половцы же, заранее предупрежденные и подготовившиеся, тут же вскинули составные луки и принялись в упор метать стрелы в русичей! И пусть степняцкие срезни даже с близкого расстояния не могут пробить дощатые брони, но, попадая в лица, ноги или закрытые кольчугами участки тел воев, они наносят им тяжелые раны. Или вовсе убивают гридей, внося дополнительную сумятицу в их первые ряды... Ибо из-за плотной стены черного дыма дружинники не видят ничего, многим показалось, что срезни прилетают словно ниоткуда!

Раздались отрывистые команды сотенных голов, призывающих воев плотнее сомкнуть щиты, но еще не успело рассеяться первое дымное облако, как в гридей полетела уже вторая волна горшков с порохом! Хорошо, что китайцы не стали начинать их ни камнем, ни кусками заостренного металла, но и без осколочного действия подобные фугасные бомбы натворили дел, вызвав уже откровенный приступ паники среди рязанцев. Русичи были готовы честно биться с врагом – грудь в грудь, щит в щит, отвечая ударом на удар! Но поганые использовали против них темное колдовство (а именно так поняли происходящее ратники), а что ему было можно противопоставить, кроме молитвы?! Вот и взмолились дружинники, крепко взмолились, прося небесного заступничества.

И так совпало, что к этому моменту кончился запас пороховых бомб, выделенных Батыем штурмующим... Но их действие и так уже

имело страшные последствия для рязанцев. Первый и второй ряды «ежа» оказались выбиты начисто, третий понес значительные потери. В одночасье не стало шести сотен дружинников! Кроме того, копья многих воев пострадали от близких взрывов. А поганые, воспользовавшись дымной завесой, подобрались к «ежу» вплотную и ударили всей массой, давя, тесня от бреши русский строй!

Воспользовавшись тем, что орусуты потеряли добрую четверть отряда и вынужденно отступили, насыпь, оставшуюся от разрушенной стены и венчающую вал, заняли хабуту. Монгольские лучники тут же начали обстрел гридей, отправляя при этом срезни сверху вниз. И если на крыльях бреши поганые вскоре были вынуждены вступить в перестрелку с лучниками русичей, то по центру они уже не прекращали обстрела «ежа»...

Впрочем, дружинные хоть и были ошеломлены, но бешеный натиск воодушевленных половцев выдержали и уже во второй раз стали подниматься вверх по внутренней стенке вала, тесня поганых. Задние ряды подняли щиты над головами, закрывшись от отвесно падающих срезней, а передние обрушили на татар тяжелые удары топоров и булав! Они раскалывают вражеские щиты (у кого последние вообще имеются!), отвесно падают на плечи и головы ворогов, круша черепа и отсекая конечности! Взыли от ужаса поганые, давит их стена орусутов, ломит!

А на стенах между тем все продолжается яростная сеча. Уже вся подошва вала завалена телами брошенных на штурм мордуканов, уже треть лестниц сломана! Но на место их встали новые, заготовленные впрок, а подданных кагана Пуреша Батыю не жалко – не его монголы умирают... Впрочем, все же пожалев проявивших стойкость и доказавших свою преданность нукеров кагана, ларкашкаки сменил их гулямами, но и русичи на стенах сменились: в бой вступили свежие, до того отдохавшие сотни. И даже там, где ворогу удалось временно потеснить защитников града, удар многочисленных, не бывших до того в сече воев очистил городни!

Дорого встает Бату-хану штурм Арпана! Но ларкашкаки уже узнал, как замечательно проявило себя китайское оружие, подарив кипчакам кратковременный перевес в схватке. И видя, что по-прежнему не дается его людям бой на стенах, что защищающие пролом орусуты оправились от первого шока и вновь теснят половцев,

он приказал передать участвующим в схватке арбанаем еще столько же горшков с китайской смесью, как и в прошлый раз. А сверх того горшки с жидким горючим... Слова его приказа пронесли по войску, словно ветер, и вскоре монгольские десятники получили то, что было нужно им для победы!

В этот раз короткое, но яростное бомбометание сломало строй спешенных дружинников – взрывы чередовались со вспышками чадного пламени. А огнесмеси, попавшие на броню или кольчуги, добрались до тел воинов, заставляя их дико кричать от невыносимой боли... Учитывая же последовавший сразу за бомбометанием обстрел из луков, пришедшийся на тот миг, когда стена щитов распалась, хорошо будет, если число пеших гридей «хотя бы» уполовинилось! Массой хлынули вниз татары, накопившиеся до того на лестницах и за насыпью на валу, и теперь-то они прорвались за стену щитов, зайдя сквозь бреши в тыл гридям! И началась хаотичная сшибка, где именно число поганых стало решающим...

Яростно рубятся русичи и половцы, молниями мелькают клинки в их руках! А воевода Яромир собирает воев вокруг себя, пытается выстроить новую стену хотя бы из ста ратников! Надеется, что вокруг этого ядра соберутся уцелевшие вой... Уже спешат к пролomu только что вышедшие из схватки у Исадских и Рижских ворот ополченцы, но быстрее их скачет вперед тысяча гридей князя Юрия Ингваревича!

Заприметив конную дружину, воевода успел отвести в сторону уцелевших ратников, а в толпу нехристей, напирających на сцепивших щиты русичей, врезалась густая конная масса, сшибая широкими грудями жеребцов зазевавшихся татар! Да насаживая поганых на копья, беспощадно рубя их, топча павших копытами крупных, могучих животных! В одночасье спешенные половцы были разбиты и побежали назад, не слыша отчаянных криков арбанаев и давя уже друг друга в бегстве...

Вскоре князь Юрий Ингваревич замер у расчищенного от ворогов и опустевшего пролома. С ненавистью он воззрился на стоящие вблизи городских стен пороки, с горечью обратил взгляд на сожженных, побитых стрелами, пораненных и оглушенных взрывами воев... Четверть отряда пеших дружинников осталась у него, четверть!

И пусть солнце уже клонится к закату, и пусть сегодня рязанцы точно удержат город, но завтра... Кого ставить на стены завтра, коли

пролом теперь придется держать большей части уцелевших ополченцев? Наспех собранные Яромиром сотни, что защищают ныне Средний город? Да, можно поставить и их – а ну как поганые вновь закидают лучших воев горшками с огнесмесью и невиданным взрывным зельем?!

Рано или поздно враг прорвется. Кончатся ополченцы и спешенные гриди, придется и прочим воям слезть с коней, но поганых ведь все одно больше! И кто знает, сколько у них осталось невиданного ранее оружия? Так или иначе, агаряне войдут в Рязань и разобьют пороками стены и ворота уже Среднего города... Проклятые пороки! Вот если бы их тогда удалось сжечь...

Бросив еще один взгляд в сторону приближенных к стенам осадных орудий, князь неожиданно для себя воодушевился, поймав промелькнувшую было в голове мысль... Поганые ведь устали! Штурм подходит к концу – солнце уже достаточно низко. Еще одна попытка прорыва сквозь брешь, и на сегодня все, а враг ведь наверняка не ожидает вылазки! И камнеметы татары пока не оттянули к осадному частоколу, прикрыв их лишь переносными рогатками... А что если удивить поганых? Сил ведь еще хватает!

Да, Исадские и Ряжские ворота, откуда штурм ожидался прежде всего, заложены политым водой камнем. Лед скрепил глыбы, и разобрать их быстро нет никакой возможности. Также и Серебряные, и Южные, и Водяные... Но ведущие к речным пристаням Оковские и Борисоглебские ворота никто не закладывал – слишком крутые, отвесные там валы для штурма! Да и лагерь поганых встал с восточной стороны града... Что, если сквозь них провести обе конные дружины и, обогнув стены крепости с южной стороны, ударить по осаждающим сбоку?! Штурмующие с востока татары не заметят приближения конных дружин, покуда те уже не обогнут стену и не врежутся в их толпу! А там лишь бы пробиться к порокам и сжечь их!

Ведь это спасет хотя бы тех людей, кто укрылся в Среднем городе! – Яромир! – Князь зычным голосом призвал к себе воеводу, а пока тот спешил под его грозные очи, Юрий Ингваревич обратился к своему ближнему Роману: – Скачи к Юрию Давыдовичу да передай ему, что жду дружину его у Оковских ворот!

Гонец молча кивнул и поскакал выполнять княжеское поручение, а тут уже явился и поникший Яромир. Но не стал князь журить

воеводу, не сумевшего предугадать, что монголы используют в схватке огненную китайскую смесь!

– Не кручинься, друже, еще ничего не решено! Вот тебе мой наказ: собери оставшихся дружинников и всех свободных ополченцев, вновь закрой пролом пешцами! Можешь также послать гонца к Олегу Юрьевичу в Средний град, пусть хоть пять сотен ратников к вам на помощь придет. Солнце ведь уже клонится к закату, должны вы выстоять! Должны, покуда мы поганных от стен не отгоним!!!

Глава 14

Князь Муромский Юрий Давыдович недолго думал над рискованным предложением своего тезки, князя рязанского. Ибо в этот раз риск был оправдан, а сил осуществить задуманное, как им обоим казалось, хватало. И потому, как только князя обговорили возможность совместной атаки, врата Оковские и Борисоглебские были открыты. И две конные массы двинулись сквозь них, устремившись вначале вниз по дороге, петляющей у вала, а затем, разогнавшись, поскакали с внешней стороны рва, огибая град с южной стороны!

Вот только расчет князя Юрия Ингваревича на то, что татары не заметят их движения, не оправдался. Слишком многочисленна даже разделившаяся орда поганых, и конные дозоры, оцепившие крепость, Батый не отзывал. Другое дело, что следующих на рысях всадников, разогнавшихся до галопа по мере приближения к нехристям, враг просто не успел и сумел остановить! И растянувшаяся узкой лентой колонна гридей с разгона врезалась в заверещавших от ужаса спешенных поганых, сметая всех, кто оказался на их пути, и безжалостно рубя убегающих в спины!

Словно выпущенная из лука стрела, устремилась княжеская дружина к опрометчиво приближенным к стенам Рязани порокам. И татары остановили штурм, разбегаясь от тяжелой конницы русичей или бесплодно пытаясь остановить натиск бронированных всадников! И щедро раздающие направо и налево удары мечей и булав князя, участвующие в вылазке, уже поверили, что им все удастся и что вскоре запыхают пороки, лишив врага возможности продолжить штурм внутренних укреплений града...

Но охраняющие осадные орудия тургауды и хорчины, лучшие из стрелков, никуда не побежали. Верно оценив, что ширина строя атакующих невелика (в отличие от длины колонны), они выставили на пути орусотов все переносные укрепления-рогатки, после чего подкатили к ним легкие стрелометы, метаящие цельные дротики – те использовались при штурме стен... Укрылись за рогатками и лучники, принявшись часто бить из составных монгольских луков, целя прежде

всего в лошадей. И русичи невольно замедлились, обтекая неожиданно возникшую перед ними преграду да теряя всадников из-за сплошного обстрела...

Между тем и прочие поганные, удалившись на безопасное расстояние, последовали примеру ханских гвардейцев, начав частый и плотный обстрел все еще скачущих у внешней кромки рва гридей! И если хорчины были вынуждены бить атакующих в лоб, пытаясь поразить кольчужные или дощатые нагрудники дружинных жеребцов, то лучники куманов и прочих тюрок целили уже в незащищенные бока лошадей...

Однако преграду из рогаток невозможно назвать непреодолимой! Часть всадников просто обскакали ее, а некоторые из уцелевших спешенных врагом гридей устремились к заграждениям, растаскивая их в стороны. И в брешу в них тут же ворвались конные гриди, беспощадно рубя китайскую службу стрелометов и тесня гвардейцев-монголов! Часто падают вниз окровавленные клинки и топоры, сокрушают врагов булавы, пронзают тургаудов пики дружинников, не уступающие длиной чжидам! И вскоре запылали первые пороки, до которых добрались русичи, в том числе и один из мощных манжаников...

Но сквозь ряды рассыпающихся в стороны нукеров уже летит на гридей конная гвардия Бату-хана и хасс-гулямы Хорезма, а также тяжелые панцирные всадники хошучи, хорошо защищенные ламеллярной или ламинарной броней, но не вошедшие в ряды тургаудов... И помимо них кипчакские, мордуканские и тюркские батыры, закованные в кольчуги и даже брони дощатые да хорошо вооруженные копьями, саблями и булавами... И всех вместе их втрое больше, чем русичей!

А ведь Юрий Ингваревич, ведущий за собой тысячу рязанских дружинников и рубящий отчаянно дерущихся хорчинов уже у самых пороков, не видит новой опасности, не знает, что летит в правое крыло его всадников ударная конница Бату-хана! Но если князь рязанский не видит нового врага, то его заприметил следующий за побратимом князь муромский, еще даже толком не успевший вступить в сечу! И, верно оценив опасность, он свою тысячу направил в лоб панцирным поганым, надеясь выиграть хоть немного времени для соратников, все-таки прорвавшихся к осадным камнеметам!

Рыцарский копейный таранный удар, известный в Европе как куширование, известен и применим дружинниками русичей, вобравшими лучшие военные традиции Востока и Запада. И сейчас, разогнавшись, они смело летят навстречу шестикратно превосходящему их врагу! Не сворачивают в стороны и монголы с тюрками, но те копейные уколы наносят за счет силы рук, не используя разгон лошадей! К тому же у монголов они сильно ниже боевых жеребцов гридей, а чжиды поганые держат обеими руками, не используя щиты...

– Бе-е-е-е-ей!!!

– Хур-р-р-р-а-а-а!!!

Дрожит земля под копытами тяжелых коней, выкрикивают вой боевые кличи, бодря себя – до столкновения остаются считанные мгновения... И вот с грохотом сошлись два конных войска под хруст копейных древков и дикие крики раненых людей и животных! Протаранили гриди первый ряд поганых во встречной сшибке, вышибая врагов из седел на разгоне или насквозь пробивая тела их пиками! Потеснили русичи и второй ряд нехристей, врубившись в третий... И завязли в густой массе вражеских всадников. Тогда пошли в ход крюки чжид, стягивающие с седел уже дружинников, рубят поганые оруситов длиннодревковыми копьями-«пальмами», перенатыми у народов Сибири...

Потеряв разгон, гибнет дружина Муромы в неравной схватке с тургаудами, давящими русичей числом, и, по чести сказать, не особо и уступают им монголы в вязком ближнем бою... Между тем левое крыло воев, бывшее до разворота к врагу головой колонны, упорно теснят хасс-гулямы, спешащие вступить в схватку у пороков!

Тюрки – храбрые, жадные до битвы батыры, и, чуя свое численное превосходство, они яростно пробиваются вперед, смело бросаясь в схватку! И вот уже пал подрубленный стяг Муромы, свалился с коня смертельно раненный хлестким ударом сабли князь Юрий Давыдович, а в возникшую брешь между его дружиной и рязанцами ворвались поганые, окружая воев Юрия Ингваревича... И уже торопятся вернуться в бой все новые сотни татар, до того бежавшие от дружинников, но воодушевленные атакой ханских гвардейцев!

...Давно уже зашло солнце. Но все еще кипит у самой кромки рва безнадежная, яростная схватка нескольких сотен уцелевших гридей и тысяч, многих тысяч поганных. Кипит, освещенная пламенем бесчисленных стрелометов, доброго десятка вихревых катапулт и шести манжаников... А у последнего из подожженных пороков уже в кольце врагов бьется рязанский князь с горсткой ближников!

Все еще рубит татар Юрий Ингваревич, в каждый удар вкладывая отцовскую боль и ярость! Мстит он нехристям за вероломное убийство сына своего Федора – наконец-то мстит! Ибо сейчас уже не князь он, не воевода даже, не сотник – простой воин, который наконец-то может дать волю своим чувствам! Ибо жизни его осталось – на один глоток воздуха, на один удар харалужного меча! Последний удар, прежде чем сверкнет в полумраке монгольская сабля, отражая блики пламени... Сверкнет, устремляясь к глазам князя.

Пытался помочь своим воевода Яромир, даже успел пару сотен пеших дружинников вперед послать, и те перелезли через ров по монгольским штурмовым лестницам! Но что толку от двух сотен воев, когда со стороны поганных в бой вступают тысячи?! Вскоре не до того чтобы помочь своим стало – успеть бы отступить, перелезть по лестницам, прежде чем вновь приблизятся ко рву лучники-хабуту и расстреляют спасающихся ратников в спину... А ворота не открыть – смерзлись камни, коими изнутри заложены проходы в башнях северной, южной и восточной стен града!

Да, смелой была попытка спасти город, но сгинули дружины Мурома и Рязани, так и не доведя начатое до конца...

Я проснулся в поту, заполошно дыша и бешено хватаясь за клинок сабли! Что это было? Где я?!

Некоторое время спустя приходит осознание, что я вновь стал свидетелем грядущих событий, что мне вновь было открыто будущее, столь подробно явленное во сне... И острая горечь потери, ненависть к поганым, ярость и жажда боя – все это одновременно заполонило сознание, призывая не думать, а действовать! Но как? Все ведь уже решено, на совете уже условились, что мы с Микулой отправимся на север, к князю владимирскому...

Но нет, нет, нет!!! Не могу я уйти! Не могу бросить соратников на смерть! Не могу обречь целый город, полный женщин, детей и

стариков, на гибель, даже не попытавшись помочь им лично!

Ведь в явленном мне видении на четвертый день, считая уже наступающий, пала практически вся дружина – и конная, и пешая! И пусть тысяч десять татар русичи угробили, оставшееся ополчение и неполная тысяча гридей крепость уже не отстоят! Даже если Кречету и Коловрату удастся вылазка, и они сожгут оставшиеся пороки – что очень маловероятно! – Средний город все равно падет. Татары догадуются или сжечь его стены, или подорвать ворота!

Подумать только, у Батыя есть порох! Есть пороховые бомбы! Все попаданцы в эпоху монгольского нашествия, про которых я читал, изобретали порох или имели прямой доступ к огнестрельному оружию. Но зачем изобретать то, что китайцы открыли еще в девятом веке нашей эры?!

Блин, я же ведь когда-то читал, что монголы использовали в боях те же горшки с порохом в качестве фугасных бомб! Читал – и благополучно забыл! Но ведь Чингисхан якобы отдавал предпочтение жидким огнесмесям... Однако факт есть факт. Батый располагает порохом... Батый и монголы – не я!

Какое-то антипопаданство получается: у врага имеется то, что, по всем канонам жанра, должно быть изобретено и использовано мною... Горькая усмешка исказила мои губы: навь не дала мне ровным счетом ничего, что могло бы помочь победить поганых! Ровным счетом ни-че-го! Просто теперь я знаю, что вылазка конной дружины не увенчается успехом и что у монголов есть порох.

Порох... Повторяя про себя название взрывоопасной смеси, словно мантру, я попытался удержать в сознании мелькнувшую и едва не пропавшую было мысль. И мне это удалось.

А потом я начал думать, взвешивать, примеряться... И наконец я понял, что был неправ. Видение все же дало мне подсказку. Даже не то что подсказку – мне буквально указали, что нужно сделать, чтобы спасти Рязань!

Н-да... Рискованно задуманное мной предприятие, смертельно рискованно. Но, понимая, что в моих руках ключ к спасению города – и, возможно, к победе над монголами в принципе! – разве могу я поступить как-то иначе и не пойти на этот риск?! Ответ мне точно известен... Нет, не могу!

Глава 15

Как же предательски ярко светит луна в эту ночь... В вышине нет ни единого облачка, и густо усеянный звездами небосвод вкупе с полной луной заливают землю белесым, призрачным светом, отражающимся от снега. Жутковато... Жутковато было бы даже просто прогуливаться в эту ночь по чистому полю, не подкрадываясь к лагерю многотысячной орды!

Впрочем, окажись я один в поле в зимнюю ночь, мне было бы не менее страшно. Просто страх был иного толка – страх мистический, страх пугающих мыслеобразов и фантазий, что неминуемо преследовал бы меня своими сюрреалистическими картинками, стремительно размывая грань между реальностью и миром выдуманных призраков... Но я-то не один, вовсе нет! Нас четверо!

А впереди, за стеной отвесно склоненных к нам надолбов, забылась в тревожной дреме стоянка целых трех туменов. То есть тридцать тысяч татар – может, чуть меньше, но ненамного! И коли дозорные окажутся чересчур бдительными или кто-то из поганых не вовремя проснется и решит выпытать, куда идут четверо нукеров, почему не спят, дело может кончиться плохо. Даже наверняка оно кончится плохо...

– Егор, мы ведь вчера все обсудили. Вы с Микулой отправляетесь к князю Юрию Всеволодовичу...

Подняв вверх руку с раскрытой ладонью, я прервал речь удивленного и немного настороженного Кречета, после чего обратился ко всем собравшимся у костра – к слову, все тем же, с кем вчера мы уже обсуждали дальнейшую судьбу дружины:

– Братья, я был неправ. Неправ, потому что не знал, что у поганых есть огненное зелье, кое они добыли в далеком Китае. И нет, это не «огненна густа вода», что мы уже успели увидеть в действии. Это гораздо более страшное оружие...

Собравшиеся заметно напряглись, бросив друг на друга пару быстрых обеспокоенных взглядов, но я уже поспешил продолжить:

– Но это и хорошо – для нас хорошо. Потому как поджечь горшки с жидкой огнесмесью просто бы не получилось. Потому как пришлось бы долго колотить их, и во множестве, чтобы вызвать сильный пожар. А это привлекло бы внимание поганых, да и вызванный нами пожар можно было бы потушить. Но китайское огненное зелье – оно горит совсем иначе. Оно... – Я немного запнулся, размышляя, чем бы заменить слово «взрывается», после чего выдал следующее: – Будет достаточно поджечь хотя бы один горшок с огнесмесью, чтобы сгорели все они! А без этого китайского зелья, я уверен, поганым не взять Рязань. По крайней мере, не отозвав от Переяславля Субэдэя с его ополовиненными туменами. Однако коли тот снимет осаду с города, то и владимирскую рать будет возможно провести на помощь Рязани тайными лесными тропами! Нужны лишь дружинники из местных, кто их знает... Гонца к Юрию Всеволодовичу послать нужно обязательно, но может статься, что все решится уже здесь. А потому я остаюсь, в том числе потому, что только я знаю, как поджечь зелье.

Выслушав меня, Кречет задал только один вопрос:

– Сон?

Я утвердительно кивнул, и дядька больше ничего не сказал, а вот лицо Ждана приняло крайне недоверчивое выражение. Коловрат же, явно заинтересованный моими словами, поспешил уточнить:

– А как ты хочешь сжечь зелье?

Я пожал плечами:

– Способ только один. Этой же ночью, пока поганые не возобновили обстрел, я проберусь в лагерь в половецком одеянии. В сопровождение я могу взять лишь двух, самое большее трех человек. Большой отряд, да даже десяток, вороги заметят наверняка, а вот малая сторожа, может, и проскользнет между дозорами... Кроме того, возможно, нам придется какое-то время провести в самом лагере в поисках хранилища запасов огненного зелья. Наверняка оно не очень удалено от пороков, а зайти я хочу от реки, со стороны города. Да, противник наверняка внимательно следит за подступами со стороны Рязани, но пытаться пройти сквозь лагерь еще опаснее... Я бы пошел один, но хранилище с зельем наверняка надежно охраняют. Так вот, охрану нужно будет хотя бы отвлечь, дать мне запалить хоть один фитиль, чтобы там все рвануло к хренам собачьим!

На последних словах мои верные соратники невольно заулыбались. При этом наиболее заинтересованное выражение приняло лицо Коловрата, в глазах которого заплясали веселые огоньки. Решив немного поумерить оптимизм боярина, я продолжил с максимальной твердостью в голосе:

– Однако, други, важно понимать: все, кто пойдут со мной в лагерь, назад уже не вернутся. Взрыв... – Тут я запнулся, оговорившись, невольно смущенный вопросительными взглядами товарищей, после чего продолжил: – Вспышка пламени будет мгновенной, и каждый, кто окажется рядом с хранилищем зелья, тут же погибнет. И нет – предупреждаю твой вопрос, дядя, – не пойти я не могу. Ибо только мне известно, как нужно правильно поджечь горшки с китайской огнесмесью – я видел во сне ее действие. Мне идти – наверняка!

Кречет, вопреки мои ожиданиям, не стал спорить или отговаривать, а ответил спокойно и в то же время очень твердо:

– Значит, и я пойду с тобой.

Я было открыл рот, чтобы возразить, но, встретившись взглядом с глазами дяди, осекся. Он принял решение с той же решительной твердостью, что и я, и менять его не собирался. Мне осталось лишь склонить голову и благодарно улыбнуться:

– Спасибо.

– Я пойду!

Коловрат, промедливший всего пару секунд, свою кандидатуру выдвинул крайне горячо, буквально закричав! Видимо, стало стыдно за мгновение слабости...

– Нет, боярин, негоже тебе идти с нами. У нас с дядей в жилах течет и степная кровь, и худо-бедно за половцев мы сойдем. А вот ты – нет. Ты – чистый рус... И ты, Микула, также пойти не сможешь.

Я жестом руки остановил попытавшегося было встать здоровяка-северянина.

– Ты настоящий батыр и не можешь не привлекать внимания, мой друг. А это самое худшее для нашей задачи.

– Без меня вам не обойтись.

– Не обойтись!

На невеселую улыбку Ждана я ответил столь же мрачной ухмылкой. Но действительно, без бродника, у которого настоящий

талант к диверсионным операциям, к тому же в совершенстве владеющего половецким и действительно похожего на смуглого степняка больше прочих в нашей дружине, я поиск порохового склада поганых просто не представлял.

А вот Евпатий, как видно, никак не может успокоиться – вскочил на ноги и принялся страстно, горячо меня убеждать:

– Я знаю половецкий не хуже прочих. А что ликом чистый рус, так кто в темноте ко мне будет приглядываться, особенно если надеть одеяния степняков?! И потом, разве так отличны половцы от нас? И разве среди них не встречаются светлые ликом мужи, рожденные от похищенных и обращенных в полон русских дев? Зато клинок мой точно лишним не окажется!

Немного помявшись, я все же согласился:

– Быть посему, боярин, твое право. Коли хорошо подумал... Что же, у нас целый день на подготовку. Хорошо бы найти чистое исподнее и перешить его так, чтобы можно было свободно накинуть его сверху на степняцкий халат и кольчугу. Даже в качестве плаща: светлое на белом снегу будет не так заметно. Кроме того, нужно определиться, кого мы отправим гонцом к воеводе в Переяславль, а кого – к князю Юрию Всеволодовичу...

День в спешных приготовлениях пролетел быстро. Сразу после раннего приема пищи вся группа, включая спасенных полоняников, углубилась в лес, где мы и разделились. Так, большая часть дружины вместе с увечными и с недовольным Микулой во главе отправилась вниз по течению реки. Им придется искать любой возможный кров и поднимать раненых на ноги, а при случае защищать баб с детьми. Так что задача у ельчанина и отправившихся с ним воев далеко не такая безопасная, как может показаться на первый взгляд.

Четверых наиболее смысленых и красноречивых дружинников, разбитых по парам, мы отправили гонцами на север, а сами весь день шли лесом, чтобы подобраться к Оке и уже по льду реки ночью обойти город. Учитывая плотность степняцких разъездов, задача далеко не тривиальная. У меня, правда, возникла шальная мысль напасть на один из них, перебить, завладеть лошадьми и уже под видом дозора подойти к лагерю. Но, разглядев с лесной опушки один из дозоров,

насчитывающий семерых всадников, от идеи отказался: стоит уйти хотя бы одному татарину, чтобы весь план накрылся медным тазом.

Лучше пробовать силы ночью, как и договаривались изначально, воспользовавшись импровизированными маскхалатами и понадеявшись на наше малое число. Дозоры ведь рыщут в поисках сильных отрядов, а не горстки орусутов... Да и к вечеру (судя по моим сновидениям) монголы, видимо, всполошенные нашим нападением на обоз, поймут, какими ничтожными силами мы атаковали на самом деле. А значит, число дозоров должно сократиться...

Так оно и получилось. Как только сумерки сгустились, мы вчетвером спустились на лед и двинулись к Рязани, напряженно всматриваясь вперед в страхе заметить приближающийся конный разъезд. Но пронесло. Всадников заметили уже у города и, двигаясь под самым берегом, спешно залегли в снег, пережидая, пока дозор удалится к лагерю. А потом очередной рывок вперед – и вот мы уже поднялись наверх да обогнули крепость. И теперь с каждым шагом стена надолбов становится все ближе...

Все пространство вокруг заливают белесый, призрачный лунный свет, и, если бы не используемые впервые маскхалаты, нас бы уже заметили. Пока же маскировка здорово выручает, да и пробираемся к частоколу мы между двумя дозорами, выдавшими свое положение кострами. Возможно, тот факт, что ночь сегодня ясная и очень светлая, на самом деле сыграл нам на руку: татары ведь наверняка уверены, что при полной луне заметят пошедших на вылазку орусутов и потому вряд ли очень старательно вглядываются в сторону Рязани, скорее отогреваются у костров, проклиная сильный мороз и то, что именно им выпал черед сторожить подходы. В любом случае четыре фигуры в белом, следующие к надолбам чуть пригнувшись, пока никто не заметил...

Мы молчим. Ни я, ни Кречет, ни Коловрат со Жданом за все время пути не произнесли и десятка слов. Сейчас – чтобы не выдать себя лишним звуком. А до того, наверное, потому, что говорить ничего не хотелось... Каждый из нас решил пожертвовать собой. И каждый в душе наверняка переживает, скорбит, скучает по близким... Сомневается. Сомневается так же, как сомневаюсь и я...

Утренняя решимость после увиденного наяву уже давно растаяла туманной дымкой под лучами солнца... Сейчас, механически

переступая ногами, я либо гоню от себя тяжкие думы (и тогда идти становится легче), или вновь уступаю унынию, сокрушаюсь над очень простой мыслью: меня сегодня не станет. Точно не станет. И вот поверить в это, как и принять, оказалось выше моих душевных сил.

Самопожертвование... Высшая воинская, да и просто людская доблесть... В пылу схватки, когда адреналин в крови зашкаливает, ты готов на многое и с присутствием смерти не то чтобы смиряешься, а скорее, о ней просто не думаешь. Не успеваешь подумать. Успеть бы ударить первым и точно попасть или выстрелить! Где-то в глубине души понимаешь, что враг может оказаться быстрее, точнее, удачливее, но не придаешь этому особо значения. Ибо помимо потаенного страха тебя ведут и боевая ярость, и ненависть к врагу, и азарт, и отчаянное желание победить, взять верх в схватке! И слепая вера в то, что сегодня у тебя точно все получится, и ты еще увидишь закат этого дня...

Совсем иное – подниматься на свою голгофу сознательно, отдавая себе полный отчет в том, что тебя не станет. И делать это не на кураже, не на адреналине, а с холодной головой, с ясными мыслями... Что тут скажешь? Страшно. Ведь как вообще такое может быть: ты сейчас есть, а потом миг – и все?! Пустота? Чернота?!

В такие мгновения задаешься острым вопросом: а стоит ли оно того?! Ну хотя бы в этом я могу твердо себе ответить: да, стоит. Судя по сну, Юрий Ингваревич подготовил многоуровневую, эшелонированную оборону Рязани, и если отнять у татар порох, то им останется лишь завалить своими трупами будущую брешь в стене вровень с городнями! Впрочем... Впрочем, у них еще останется запас огнесмесей. Но последние куда менее действенны против живой силы, чем фугасные пороховые бомбы, и не обладают они столь мощным психологическим эффектом. А кроме того, огнесмеси на основе нефти Батый вынужден экономить, и даже если он пустит их в ход против фаланги пешцев-гридей, то и результат будет уже заметно слабее, и стратегический запас растратится...

А это значит, что Рязань продержится дольше. А это значит, что под стенами ее погибнет больше татар. А это значит, что поганые или вовсе не возьмут стольный град княжества, или потеряют здесь столько воинов, что не смогут продолжить покорять Русь. А это

значит, что Пронск уцелеет, как и любимая женщина, носящая под сердцем нашего ребенка.

Хотя ведь все это вилами по воде писано... Но попытаться подорвать пороховой склад мы все одно должны. Еще бы найти его...

В общем, с ценой я определился. Моя жизнь в обмен на жизнь Ростиславы и будущего малыша и, быть может, сотен уцелевших благодаря отсутствию пороха у монголов дружинников. И тысяч уцелевших гражданских, оказавшихся в западне в городе...

Остается лишь незакрытым вопрос: а что будет после? После того, как для меня здесь все кончится?! Есть ли что-то после конца? Или, когда сердце остановится, а в глазах потухнет свет, то все?! И матери с отцом я также никогда не увижу, не вернусь в свое настоящее?!

Не зря говорят: «На пороге смерти атеистов нет». В такие моменты реально хочется верить, что это не конец, что что-то еще будет, ожидает меня... Может быть, даже что-то хорошее...

В этом плане искренне верующим попроще – наверняка попроще. По крайней мере, так кажется... Но ведь серьезно, для верующего человека смерть – это лишь переход к встрече с Богом. Правда, страшновато задумываться о том, что всю твою жизнь, все хорошие и плохие поступки взвесят и определяют, что тебя ждет: райские кущи или геенна огненная. И то и другое – длиною в вечность... Конечно, хотелось бы в рай, но... Но сколько грехов, больших и малых, мы действительно совершаем за жизнь? И хватит ли нам благих, добрых поступков, чтобы они перевесили?!

Хм... Возможно, в этом плане мне повезло. Ибо я планирую пожертвовать собой во имя благой цели. Как там звучит заповедь? «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя»?! Остается открытым лишь вопрос: а почему, собственно, Господь допустил, чтобы монголы разорили Русь, едва ли не уничтожили ее? Если люди здесь все такие правильные и верующие?

А вопрос-то непраздный, а вопрос-то непростой. Сложный даже вопросец... Хотя если вдуматься, ответ лежит на поверхности. Причем ответ вполне наглядный, объясняющий падение Руси и с позиции военно-политической, и духовной. Все дело в раздробленности княжеств, в столетиях внутренних усобиц и братоубийственных войн!

Я, конечно, не так силен в религии, как в истории, но один одновременно и религиозный, и исторический пример помню отлично! Илья Муромец, он же святой Илия Печерский или преподобный Илия Муромец, упокоившийся в Киево-Печерской лавре. Жил и прославился как воин он в двенадцатом столетии, а вот погиб при разграблении Киева половцами, приведенными князем Рюриком Ростиславичем в 1203 году (по другим данным, получил тяжелое ранение, приведшее к смерти впоследствии). При этом разграбление монастыря степняками – исторический факт. Русские князья, ведущие за собой русские же дружины, приводят на родную землю заклятого врага и позволяют ему грабить православные святыни, убивать монахов и иноков. Каково?!

Или вот другой пример, вполне себе исторический. Этакая «Красная свадьба» Джорджа Мартина, только по-русски, даже по-рязански! Событие, известное как съезд в Исадах, произошедшее в 1217 году, относительно недавно... Так вот, рязанский князь Глеб и брат его Константин собрали в Исадах прочих князей земли Рязанской и Пронской, приходящихся им братьями – одного родного и пятерых двоюродных. Еще раз: братьями! Так вот, братьев с дружинниками на съезде хорошенько напоили и вырезали, пригласив на мокрое дело все тех же половцев.

И кстати, земля Рязанская после этих событий сильно пострадала из-за последующей войны между Глебом Братоубийцей и Ингварем Игоревичем, отцом ныне правящего князя. Первого поддержали половцы, второго – владимирская рать, и Ингварь победил. Но какой ценой далась эта усобица мирным жителям...

А брань между родными братьями Всеволодовичами, кончившаяся Липицкой битвой?! Не смогли договориться по разделению наделов – вот вам сражение, в котором, по некоторым данным, приняли участие до пятидесяти тысяч русских воинов с обеих сторон. Потери – до десяти тысяч только со стороны владимирской рати! И кстати, тоже недавно, 1216 год.

Липицкая братоубийственная сеча и последующая за ней катастрофа на Калке серьезно подорвали потенциал русских ратей перед самым вторжением Батыя. Кстати, результаты Калки – это также наглядная демонстрация того, что происходит, когда даже союзники не отказываются от старой вражды и стремления к славе и власти... И

столь же наглядный результат многовековой княжеской раздробленности.

Но ведь в войнах участвовали не только князья, верно? Если подумать, Братоубийца Глеб не такой уж и негодяй! Он просто пошел самым простым путем и убрал конкурентов без изматывающей свой народ очередной разоряющей и губящей людей усобицы... Шутка, конечно, вряд ли он о простых людях думал, вырезая братьев!

Увы, в войнах князей русичи бились с обеих сторон, и не только ведь профессионалы-дружинники. Гриди и бояре воюют конными, а в той же Липицкой битве описывается пешая атака новгородцев через овраг... И в грабежах, и в насилии над побежденными участвовали не одни половцы, это тоже нужно понимать. И если взять всю историю средневековой Руси – реально ведь всю, начиная с самого Владимира Святого, – это история бесконечных междоусобиц, братоубийственных войн, ослабляющих Русь изнутри. Ослабляющих не только в военном или экономическом отношении, но и духовно. И если вдуматься, сколько братской крови было пролито, сколько девчонок и женщин изнасиловано своими же, сколько детей погибло во время штурмов городов... И в свете этих событий нашествие татар с востока не кажется уже таким внезапным. Скорее наоборот, становится удивительно, сколь милостив был Господь и как долго терпел Он эти бесчинства...

Глава 16

Решив не рисковать, последние метров двести до заграждения мы все же проползли по-пластунски. Хотя соратники оказались не особо знакомы с подобным способом передвижения, в итоге это не стало значимой проблемой. Выучились, так сказать, в процессе... А добравшись до разреженных, отстоящих друг от друга примерно на полметра кольев, мы скинули с себя импровизированные маскхалаты и аккуратно протиснулись промеж надолбов, напряженно замирая при каждом шорохе...

И не зря замирали. Впереди послышалось легкое похрустывание снега, и вскоре стала различимадвигающаяся в нашу сторону фигура дозорного, очевидно, патрулирующего периметр. Все-таки патрулирующего, а я-то уж понадеялся...

– Тихо! Все залегли на снег!

Слава богу, само заграждение миновать мы не успели. И потому сейчас колья отлично скрывают нас – по крайней мере, от не слишком внимательного взгляда человека, наверняка не знающего, где искать врага... А вот маскировку мы скинуть поспешили. Зря...

– Кречет, снимешь его?

Мой едва слышимый вопрос к дяде не празден: от того, насколько бесшумно порубежник справится с задачей, зависит успех всей операции. А ведь при этом ни луков со стрелами, ни арбалетов мы не взяли (лишние неудобство и тяжесть), разбавив малый арсенал из сабель и кинжалов лишь небольшими кавалерийскими чеканами, используемыми также и половцами...

Кречет немного помедлил с ответом, но тут позади меня раздался столь же тихий ответ:

– Я справлюсь. Только чуть подвинься, Егор.

Стараясь не издавать лишних звуков, я слегка сдвинулся влево, освобождая место потянувшемуся вперед броднику, уже перехватившему рукоять ладного маленького топора с узким лезвием, отдаленно напоминающего индейский томагавк. После чего все вновь замерли, и глухая, вязкая тишина накрыла нас, старающихся даже дышать через раз... Теперь ее разбавляют лишь похрустывание снега

под стопами неспешно приближающегося к нам татарина да его шумное дыхание – пытается согреть руки.

Заметит? Нет?! Или?!

Не должен, если не будет спецом приглядываться в нашу сторону. Но это я понимаю разумом. А вот чтобы успокоить разбушевавшиеся чувства, я вынужден вновь и вновь читать про себя псалом «Живый в помощи», чтобы как-то себя успокоить. Привычки «носителя», но в настоящий момент без них просто никуда...

«...Не убоишься от страха ночного, от стрелы летящая во дни, от вещи во тьме преходящий...»

Как обычно это бывает во время ожидания будущей схватки или в засаде, секунды тянутся бесконечно долго! И лишь поганый становится все ближе и ближе к нам, подобравшись шагов уже на двадцать пять. Двадцать... Пятнадцать...

Часовой неожиданно замирает, развернув голову именно в нашу сторону. Мое сердце ухает в пятки, а горло сжимают тиски страха – даже не сглотнуть! Но в этот самый миг справа от себя я замечаю резкое смазанное движение, практически одновременно с которым татарин издает какой-то приглушенный звук... и тут же осекается, будто подавившись. А мгновение спустя медленно заваливается вперед – и, словно по волшебству, я вновь начинаю дышать нормально.

– Ну Ждан! Ну молодец!

Коловрат на радостях крепко хлопнул бродника по плечу, а Кречет стрелой вылетел вперед, к раненому, сжимая в руке короткий клинок. Всего за пару секунд он оказывается рядом с дозорным, и сжатый обратным хватом кинжал резко опускается вниз, ударив врага в грудь, под сердце. Теперь точно готов!

– Все, братцы, оттаскиваем его к ограде – и ходу отсюда!

Возбужденные короткой схваткой соратники не обращают внимания на незнакомое для них словечко, верно уловив его смысл. Вчетвером мы быстро оттаскиваем к колям безвольное тело убитого точным броском Ждана (попал в «солнышко»!) и укладываем его перед самыми надолбами с внешней стороны. После чего я поспешно запорошил снегом кровавый след и резко бросил товарищам:

– Все, пошли к шатрам, склад где-то там! И быстрее, братцы! Кто знает, когда теперь дозорного хватятся?!

Отрезок метров в сто по утоптанному снегу, разделяющему линию заграждения и шатры, мы преодолели в считанные секунды, замедлившись уже у самых палаток. Знаком призвав остальных замереть, я быстро осмотрелся, пытаюсь хоть как-то сопоставить вставшую перед глазами картинку и свой сон, где мне удалось запомнить лишь примерное направление, откуда передавали монголам горшки с порохом. Группа многочисленных пороков, вытянутых в линию и кучно стоящих рядом друг с другом, осталась по правую руку, метрах в трехстах от нас. И если я все правильно запомнил, то передача шла откуда-то отсюда...

Мое внимание практически сразу привлекли несколько громоздких просторных палаток, стоящих немного в стороне от остальных, к тому же окруженных внушительной снежной насыпью (скорее ледяным валом, припорошенным снегом) и ровиком глубиной примерно в человеческий рост. В первые пару секунд я подумал, что это ставка одного из темников, что она так дополнительно укреплена. Вот только сердце при виде укрепления забилося часто-часто – так, что я на миг ощутил себя гончей, взявшей след... А после мне вспомнилось описание современных складов боеприпасов, имеющих абсолютно идентичные укрепления, цель которых заключается вовсе не в том, чтобы защитить склад, вовсе нет! На самом деле они должны минимизировать ущерб в случае подрыва и направить взрывную волну в безопасном направлении...

И вот теперь все стало на свои места. Хотя на миг и возникли сомнения в том, что китайцы ограждают собственные пороховые склады так же, как и восемьсот лет спустя... Но, учитывая их уровень развития (в том числе развития порохового оружия), опережающий средневековую Европу на несколько столетий, удивляться особо нечему. И действительно, если уж в Китае в средние века додумались до создания наземных и даже морских мин, ракетных установок и пистолета (коль мне не изменяет память), не говоря уже о разрывных, осколочных и «громовых» бомбах, а также огнеметах, то нет ничего удивительного в том, что они также догадались, как обезопасить себя от ужасающей мощи самоподрыва сложенных в одном месте пороховых снарядов и иже с ними.

Вот моя цель! И самое главное, если все сделать четко и точно, вполне возможно, что мы обойдемся без потерь! От радостного

предвкушения у меня даже голос задрожал, хотя я и обратился к соратникам свистящим шепотом:

– Братцы, видите в ста шагах слева от нас несколько шатров, обнесенных снежно-ледовой стенкой?! Это и есть хранилище китайского зелья. Нам туда!

Не произнеся более ни слова, я молча побежал к «артиллерийскому хранилищу», но русичи все поняли и побежали следом за мной со всех ног. Вот только, увы, везти нам до бесконечности не могло.

– Эй, вы кто такие?! Почему так бежите?!

Я неплохо понял речь вопрошающего кипчака (спасибо знаниям «носителя»!), прошедшего между шатров и неожиданно показавшегося справа от нас. Не замедляя шага, на бегу крикнул ему в ответ на ломаном половецком:

– Дозор! Орусуты!

После чего коротко, чуть тише рявкнул:

– Ждан!

Однако замыкающий группу бродник уже и сам, без моих понуканий ринулся на опешившего степняка, неудачно решившего допросить нас... Короткий удар, вскрик – и тело несчастного валится на снег.

А мгновение спустя по ушам бьет отчаянный крик:

– Враг!!!

Похоже, половец был не один...

– Евпатий, помоги Ждану, задержите их! Кречет, за мной! Отобьетесь – добежите до канавы и прыгайте в нее!

Все это я кричу на бегу, уже не таясь и все так же не замедляя хода. Между тем сзади раздается яростный рев – и следом лязг сшибшихся клинков... Но мы с дядькой даже не оборачиваемся, продолжая короткий и стремительный забег до склада.

Вот уже и ровик. Не пытаюсь затормозить, я с силой отталкиваюсь – прыжок! Приземляюсь на внешний склон снежно-ледяного вала и принимаюсь быстро карабкаться вверх, радуясь тому, что снег припорошил ледовую основу и сейчас я не скольжу по ней вниз... Спустя несколько секунд замираю на гребне, рядом напряженно сопит не отстающий Кречет.

Нам везет: «пороховой склад», обращенный входом к надолбам, охраняется не по всему периметру, а лишь дежурящим у костра дозором. И последний, учитывая плохое сочетание огня и пороха, отстоит от шатра шагов на тридцать. Кроме того, привлеченные шумом разгоревшейся схватки несколько нукеров последовали к проходу в насыпи, не заметив нас, перелезших через вал сбоку!

– Кречет, присмотри за ними!

Сам я быстро соскальзываю вниз с бешено бьющимся сердцем. Ни разу в жизни не участвовавший в подобных спецоперациях, сейчас я четко понимаю, что для подобных дел мне не хватает ни выдержки, ни осторожности, ни куража... Так что, наплевав на скрытность и даже не пытаясь двигаться медленно (нет времени, там друзья жертвуют собой, чтобы я все успел!), я насколько возможно быстро метнулся к шатру, одновременно с тем выхватив саблю из ножен, и резким ударом клинка рассек полог на высоту человеческого роста! После чего быстро нырнул внутрь, в практически полную тьму склада.

Здесь реально не поймешь, что и где лежит. Но при этом ясно осознавая, что времени в обрез, я просто хватаю первый попавшийся под руку снаряд – снаряд в буквальном смысле: тяжеленный, как кажется, из металла, овальной формы, с двумя длинными «ручками» по бокам. Вынырнув из прорехи, я разглядел и вставленный в бомбу (не иначе как та самая «те хо пао»!) фитиль – как кажется, выполненный из полый кости неизвестного мне животного.

– Дайсан!!!

По ходу какой-то глазастый монгол нас разглядел, и это может стать проблемой уже сейчас! Но рядом встает Кречет, закрыв нас обоих выпуклым степным щитом, и я облегченно выдыхаю, разделив с дядей тяжесть напряжения и давящей на плечи ответственности...

Положив снаряд на снег и упершись коленями в обе ручки, я рывком вырываю фитиль, после чего переворачиваю чугунную бомбу. На миг сердце буквально застыло, ведь если порох смерзся, если он не просыплется, второго шанса уже не будет...

Но нет, узкая струйка сухой пороховой смеси посыпалась вниз! Радостно вскрикнув, я поднял снаряд и ринулся к стенке, подняв его на вытянутых руках к самому гребню ледовой насыпи. Порох тонкой струйкой посыпался вниз... А в следующую секунду рядом с моей рукой в снег ударил первый срезень.

– Твою же ж!

От неожиданности я дернулся в сторону, после чего резко встряхнул «те хо пао», чтобы взрывоопасный наполнитель активнее посыпался вниз, и пошатнулся, едва устояв на ногах: вторая стрела ударила в спину, застряв в перекинутом через плечо щите... После чего я медленно двинулся обратно к шатру, стараясь, чтобы за мной оставалась ровная пороховая дорожка...

Трое степняков из охраны склада уже побежали к нам, и Кречет, ругнувшись, двинулся наперерез врагам, оголив саблю и выставив вперед щит... Еще одна стрела зацепила мне бедро – острая боль пронзила ногу, но волевым усилием я заставил себя идти вперед, закусив нижнюю губу. Еще пару шагов...

Слева вскоре раздаются свист клинков и первый тяжелый удар сабли о дерево: двое поганных навалились на дядьку, в то время как третий ринулся ко мне. Но я уже уложил снаряд на землю в самом основании пирамиды точно таких же бомб и вынырнул из шатра, перехватив щит в левую руку и вытащив из-за пояса узколезвийный чекан.

Монгол целеустремленно бежит прямо на меня, и сейчас нас разделяет всего несколько шагов. Противник обнажил чжурчженьский палаш, умело прикрывается щитом и закован в отличную ламинарную броню – воин далеко не прост! Но, практически завершив задуманное, я уже поймал кураж!

Не особо и целясь, с шагом вперед я коротко и резко, практически без замаха метнул топор в голову врага, и пусть тот успел заученно поднять щит, закрывшись им от чекана, но я уже резко рванул вперед, ударом щит в щит впечатываясь в тургауда! И тут же с силой ударил по его выставленной вперед ноге левой стопой, буквально высекая ее изнутри... Потерявший равно-весне противник падает на спину, а рухнувший сверху клинок пробороздил его лицо наискось!

– Кречет, назад!

Дядька слышит меня, но не может отступить ни на шаг, с трудом отбиваясь от двух нападающих на него монголов. И что хуже того, к нему спешат еще четверо поганных...

– Егор, давай! Быстрее!!!

Отчаянный крик Кречета подстегнул меня, замершего в нерешительности: или бежать на помощь русичу, или исполнить то,

ради чего все мы заранее решились принести себя в жертву... Внутренне холодея от выбора, что мне придется сейчас сделать, от ощущения стремительно подступающей беды, я шагнул назад, к пороховой дорожке, вновь перекинув щит за спину и бросив саблю в ножны. Секунду спустя в моих руках оказываются крепко стиснутые кремь и кресало...

– Зараза...

Взгляд некстати застигает мутная пелена, но, усилием воли подавив вспышку слезливой жалости, я склоняюсь над пороховой дорожкой и принимаюсь яростно высекать искру. Раз, другой, третий... Четвертый... Два удара ничего не дают, еще две искры падают на порох, не воспламенив ее.

– Егор!

Отчаянный вскрик обрывается каким-то булькающим звуком. Обернувшись, я успеваю увидеть, как ко мне бегут четверо тургаудов, а Кречет, изловчившийся сразить одного из гвардейцев в неравной схватке один против двух, валится на утоптаный снег с рассеченным горлом... В ярости и отчаянии я вновь бью кремнем о кресало – и огниво наконец-то высекает искру, с шипением запалившую пороховую дорожку!

– Это вам за мужиков, уроды!

Резко прыгнув на стенку, я успеваю взобраться на ее гребень буквально за секунду до того, как тургауды поравнялись со мной. Хорошо хоть монгольские лучники прекратили стрельбу, боясь попасть в темноте по своим! И вдвойне хорошо, что пороховая дорожка прогорела уже практически до самого полога шатра... На мгновение замерев на насыпи, я устремил свой взор к месту короткой схватки, случившейся на нашем пути, и сердце мое болезненно сжалось...

В кольцо не менее чем из десятка поганных вихрем кружит единственный боец с зажатými в обеих руках чуть искривленными клинками. Кружит над телом соратника, пробитого стрелой; кружит, каким-то чудом отбивая сыплющиеся на него со всех сторон вражеские удары и нанося собственные! Кружит, выводя смертельный узор саблями в последней песне клинков, оправдывая свое звучное прозвище... Коловрат и в этой реальности совершил свой подвиг – уже совершил. Пожертвовав собой ради общего дела, так и не бросив павшего соратника... Со мстительной радостью я успел разглядеть на

снегу тела еще как минимум пятерых татар помимо раненого или уже мертвого Ждана, прежде чем скатился в ровик с ледяной горки.

А в следующую секунду я оглох, в то время как земля поднялась на дыбы, подбросив мое тело вверх... Затем я почувствовал очень сильный удар по спине, от которого буквально выбило дух, а после пришла тьма...

Не знаю, сколько времени прошло перед тем, как я очнулся. Белая пелена закрыла глаза, а грудь и живот сильно сдавило, так, что больно дышать. Попробовал пошевелиться – не вышло. Дернулся – раз, другой, третий... И сковавшие меня тиски подались, освобождая побитое, ноющее от острой боли сразу в нескольких местах тело.

Но мне еще пришлось долго повозиться, прежде чем удалось выбраться наружу. Зато когда выбрался и высунул голову из канавы, доверху забитой колотым, почерневшим от гари льдом, я просто обомлел, не находя слов для увиденного!

На месте склада – группы тех самых шатров, служивших укрытием для китайских пороховых бомб, – теперь зияет огромный, пусть и не очень глубокий котлован. Ледяного вала нет, как будто его никогда и не было, хотя свою роль он все же сыграл: судя по следам пороховой гари на снегу, взрывная волна покатила-таки к надолбам, разметав колья и выбив в заграждении обширную брешь. Но главное не это. Главное то, что на месте шатров, расположенных от нас справа, горит гигантский костер в десяток метров высотой, рассеивающий удушливый черный дым! И костер этот движется, растекаясь и в сторону лагеря, и в сторону пороков гигантской огненной лужей – мы, пусть и случайно, но запалили склад с огнесмесью!

Причем и густой дым после взрыва, и пар от растопленного снега, и огненная смесь, растекающаяся во все стороны, служат мне отличным укрытием и от вражеских взоров, и преградой от преследования! Осознав это, я принялся с удвоенной силой выбираться из канавы; когда же окончательно выбрался, неожиданно сильно закашлялся, сотрясаясь всем телом. Не задохнуться бы... С сожалением я бросил взгляд в сторону последней схватки Кречета, но даже намек на тело дяди или тургаудов не увидел. Будто испарились...

А вот на месте последней схватки Коловрата обнаружили, считай, все ее участники. Приблизившись, я практически сразу

разглядел огромное кровавое пятно под безжизненно застывшим на снегу Жданом, поймавшим, как оказалось, целых три стрелы в грудь. Белое как снег лицо бродника неподвижно замерло с уже остекленевшим взглядом открытых глаз, не оставляя мне никаких надежд...

Рядом с ним обнаружился и лежащий на животе боярин. Поколебавшись всего пару секунд, я перевернул его на спину, ожидая увидеть какую-нибудь безобразную рану, коих хватает на телах убитых татар, оказавшихся слишком близко к эпицентру взрыва... Но Евпатий неожиданно застонал! И пусть лоб его сильно рассечен, а лицо залито кровью, но, как кажется, это именно рассечение, а не тяжелая рана...

— Боярин, вставай! Вставай, уходить нужно! Я помогу, нам бы лишь до Оковских ворот добраться, они не заложены... Вставай, ну же!!!

Глава 17

– Ну, братцы, ну вы даете...

Князь Юрий Ингваревич с удивлением и, как кажется, не без восторга покачал головой. Контуженый Коловрат ответил ему скупой улыбкой, тут же сморщившись от боли – последствия взрыва, не иначе. Я же лишь чуть склонил голову, едва сохраняя равновесие: хоть и туго перебинтовал ногу, и сильный мороз вкупе с длительным контактом со льдом замедлили кровотечение, рассечение, оставленное срезом на моем бедре, никуда не делось. А после того как я едва ли не на себе тащил Евпатия полпути до города... Мне бы сейчас хорошенько промыть рану да заново ее перебинтовать, дав отдых, а заодно хоть ненадолго выветрить из головы события последних часов, притупить стиснувшую сердце боль...

Но воев, пробившихся в город через Оковские ворота и объявивших, что именно они стали причиной чудовищного взрыва в татарском лагере, решил почтить своим присутствием сам князь! Каково же было его удивление, когда он узнал в ряженных половцах своего доверенного посла-боярина и порубежника, ранее предложившего отчаянный план по сдерживанию поганных на льду Прони...

– Выжил, значит... Егор. Не чаял уже тебя и увидеть, а оно вон как сложилось...

В этот раз князь обратился уже лично ко мне, и тон его был явно неоднозначным. Поняв замаскированный посыл, я поспешил ответить:

– Княже, у Ижеславца поганные оставили два тумена, не выделив темнику Бурундаю китайских мастеров осадного дела, у Пронска – еще одну тьму. Это войско уже имело пороки. Но оба града выдержали осаду, и все три вражеских тумена ныне разбиты и рассеяны! Однако хан Батый о том еще не знает, и, увы, после многих битв нас осталась лишь горстка воев. Мы не могли и помыслить напасть на осадный лагерь столь скудным числом, и сжечь пороки было уже не в наших силах... Но все, что возможно, мы сделали, подорвав склад с китайским огненным зельем! Также нам повезло сжечь и запасы горючих огнесмесей... Увы, в этой схватке погибли наши верные

соратники, в том числе и дядя мой, Кречет, а мы с боярином и вовсе чудом остались в живых!

Коловрат коротко кивнул в поддержку моих слов, и князь неожиданно порывисто шагнул к нам, крепко обняв обоих.

– Добрые вести вы поведали мне, дюже добрые! Эх, в другое время закатил бы в вашу честь настоящий пир, а сейчас... Сейчас просите все, чего захотите, гриди мои верные!

Евпатий смущенно зарделся, и это неподдельное смущение, отразившееся на его лице, показалось мне особенно чуждым сейчас, после всего пережитого! Однако сам я мяться не стал, попросив напрямую:

– Юрий Ингваревич, сосватай за меня княжну пронскую Ростиславу, дочь покойного ныне Всеволода, упокой Господь его душу... Я полюбил эту девушку, и она не против пойти замуж за меня, а брат ее, Михаил, не посмеет вам отказать!

Рязанский князь даже изменился в лице, услышав мою просьбу. На секунду показалось, что он готов ответить резким отказом, но, открыв было рот, он тут же его закрыл и, нахмурившись, ненадолго задумался. Наконец немолодой муж словно бы с удивлением покачал головой и ответил:

– Просьба достойна твоих поступков, Егор... Ну что же, я сказал «проси чего хочешь», и ты попросил... Все честно. Быть посему: выживем, отобьемся, тогда и сыграем свадьбу! А ты, Евпатий, ты чего попросишь?

В этот раз Коловрат не стал запираться, неожиданно для меня прямо заявив:

– Княже, этот молодой ратник совершил на моих глазах немало чудес. Одно то, как он натравил половцев и мокшу на прочих нехристей под Пронском, чего стоит! Поганные сами истребили друг друга, еще имея силы взять град штурмом! А кузнецы пронские под его началом сумели построить множество больших самострелов! Так что я попрошу тебя, Юрий Ингваревич, и впредь прислушиваться к его советам – много мудрого и путного посоветовал порубежник, прежде чем сюда попасть.

Юрий Ингваревич согласно кивнул, при этом рассматривая меня так, словно увидел впервые.

– Вот даже как! Ты сумел рассорить поганных?!

Я чуть помедлил с ответом, вынужденно прочистив севшее горло, после чего честно ответил:

– Я лишь предложил отпустить пленных половцев и мокшан, убедив их, что монголы на самом деле наш общий враг. Но сломили их голод да старые обиды, взыгравшие в душе! Однако вряд ли такое возможно устроить с покоренными, воюющими под началом Батыя. Ибо в туменах, стоящих под стенами Рязани, монголов значительно больше, у них пока еще хватает еды, и всех поганых манит богатая добыча, что возможно захватить в стольном граде княжества!

После недолгих раздумий князь согласно кивнул, после чего спросил:

– Боярину Евпатию я давно доверяю как одному из самых честных и верных своих людей, и если он так высоко оценил тебя, я не откажусь от его совета. Так не томи, Егор, скажи: что еще нужно сделать для нашей победы?

Я с некоторым сомнением пожал плечами:

– Мне отрадно было слышать о себе такие добрые слова, тем более от самого смелого и искусного воина из всех, кого я знаю!

При этих словах, однако, я вспомнил о совсем других воинах, не менее смелых и доблестных, но не переживших последнюю ночь... Впрочем, вины Коловрата в их гибели точно нет, боярин сражался с храбростью барса, вступившего в схватку с волками! А вот какова степень моей собственной вины в их смерти – хороший вопрос...

– Но вот так, с ходу сказать, чем нам противостоять поганым, я пока не могу. Впрочем, помочь построить стрелометы я смогу наверняка, а сделав достаточное количество их и разместив по всем башням, мы сумеем померить пыл расчетов вражеских пороков! Однако остановить обстрел города точно не сумеем; камнеметы наверняка разобьют участок стены между Исадскими и Рижскими воротами. Мы можем закрыть брешь пешей дружиной, что остановит врага: без огнесмесей и китайского пламенного зелья, что мы подорвали сегодня, враг не пробьется! Разве что сумеет перетащить через ров собственные стрелометы... Однако можно поступить и иначе.

Князь вопросительно изогнул бровь:

– И как?

– Окружить брешь сцепленными между собой телегами с нашитыми на борта прочными досками, сделав в них небольшие щели для стрельбы. А все пространство между валом и телегами засыпать железными рогульками. Разбив стену до основания, поганые вынужденно упрутся в другую, защиту которой можно временно доверить ополченцам. Потери врага окажутся не меньшими, чем если бы они прорывали стену щитов пеших гридей, зато мы сохраним последних для будущих схваток. Собственно, в Пронске мы так и сделали...

Юрий Ингваревич после непродолжительного молчания ответил, добродушно улыбнувшись:

– Я подумаю.

И он подумал. Приняв во внимание мое предложение, но сделав по-своему. Вследствие чего в день штурма ползших через ров поганых все так же встречала пешая дружина, перекрывшая стеной щитов брешь в городнях. А вот в тылу ее на некотором удалении был возведен вагенбург, или гуляй-город – кому как нравится называть укрепление из сцепленных между собой телег... Единственное, в передвижном заграждении были оставлены проходы на случай особо сильного натиска татар и отступления гридей.

Таким образом, подготовленный мной и мне же порученный рубеж (ради такого дела Юрий Ингваревич выделил мне четыре сотни ополченцев из числа защитников Среднего города) стал второй линией обороны. Почему не первой? Да потому, что, оставь мы пролом в стене без прикрытия, число поганых, сумевших проникнуть в град и пошедших на штурм гуляй-города, было бы всяко больше, чем при атаке сквозь брешь, где они вынуждены биться лбом о фалангу русичей! Кроме того, противник получил бы господствующую высоту – имею в виду высоту вала, с которого наверняка бы велся сильный обстрел. И пусть защитников вагенбурга он бы мало беспокоил вследствие нашитых на телеги досок в человеческий рост, служащих отличным укрытием от вражеских срезней, но вот подкрепление уже точно попало бы под ливень стрел поганых. Да и в случае отступления русичам досталось бы... А так вышел и запасной рубеж обороны, и отличная стрелковая позиция для лучников княжеской дружины, после обстрела перебирающихся через ров татар отступивших к телегам.

Что же касается самой схватки в проломе (в которой мне не довелось принять участие), то она пошла самым наихудшим образом для поганых. Без пороха и горшков с огнесмесьями татары не имели совершенно никакого преимущества перед фалангой опытных пехотинцев, умеющих сражаться строем. Китайские арбалеты, используемые вражескими стрелками, хоть и доставили определенные проблемы войскам первого ряда, но даже при стрельбе в упор большая часть болтов, пробив щиты, застревала в них древками или убойная мощь их заметно гасла. Вследствие чего выдвинутые вперед вой, закованные в дощатые брони, не получали серьезных ран – ламеллярные панцири болты уже не брали...

Попытку же переправить через ров станковые арбалеты по типу «скорпионов» погасили наши собственные «артиллеристы», вооруженные схожим оружием. Все благодаря мне, ага...

Двух дней и ночей оказалось недостаточно, чтобы наладить в Рязани производство даже небольших баллист по типу тех, кои мы использовали при обороне Пронска. Потому и на башни никто ничего ставить уже не стал – к началу штурма кузнецам под моим началом удалось изготовить только четыре рабочих образца, зато с внутренним желобом под горшки с льняным маслом или камни! Их решили придержать на крайний случай, и этот случай настал как раз тогда, когда поганые принялись катить по вновь насыпанным через ров перешейкам станковые арбалеты. Там рязанцы и пожгли сразу несколько легких пороков, перебив также пару десятков китайцев из obsługi...

И даже брошенные в атаку под вечер спешенные тургауды ничего не смогли сделать! Хоть и дрались они отчаянно, и натиск их был действительно самым страшным, и бой с уже уставшими русичами самым упорным за весь день... Между прочим, монголы дрались довольно хитро: пробравшиеся вперед смельчаки с чжидами старались ударить копьем сверху вниз так, чтобы зацепить крюком щит и рвануть его на себя. А стоящий за спиной копейщика стрелок с мощным составным луком или арбалетом бил в упор, целя срезнем или болтом в лицо, шею и прочие уязвимые участки тел гридей... К слову, копейщиков также пытались прикрыть и щитоносцы!

Впрочем, оригинальная и вполне рабочая по замыслу и исполнению тактика для не умеющих драться пешим строем тургаудов

была чересчур сложна, и полного взаимодействия на поле боя им достичь не удалось. Русичи же, в свою очередь, старались не подпустить к себе копейщиков, активно теснили щитоносцев врага стремительными уколами пик и рогатин. Быстро уяснив, какую опасность представляют собой падающие сверху крюки чжид, они вскоре наловчились перекрываться щитами, не позволяя цеплять их за кромку, и в конечном итоге гвардия Батыя захлебнулась кровью...

Немалые потери за день понесли и дружинники, пало до пяти сотен воев. Но наколотили они едва ли не вчетверо больше ворогов! Правда, вал мертвецов у бреши никто не брался разгребать и пересчитывать, но потери врага однозначно выше двух тысяч, учитывая и обстрел лучников, и сбитых с лестниц в ров, покалеченных спущенными вниз по льду бревнами поганых...

Еще тысяча ополченцев погибла на стенах. Но и татары во время штурма городней у Исадских и Рязских врат несли как минимум втрое большие потери! Таким образом, не прорвав оборону ни на одном из направлений штурма, Батый за день потерял едва ли не пятую часть своих сил. И пусть защитников погибло также немало, еще как минимум на один столь же интенсивный штурм сил рязанцам должно хватить – точнее, защитникам первого рубежа обороны! А ведь при этом ударная сила князей – панцирная кавалерия дружинников – еще даже не была введена в бой! Так что поганых ждет немало неприятных сюрпризов...

Бату-хан пребывал одновременно и в ярости, и в тяжелых думах, и в терзающих его сердце сомнениях. Первый штурм не дал ничего, кроме очередных тяжелых потерь, убедительно доказав, что орусutam хватает сил на защиту столицы и что драться они будут до конца... Впрочем, гонцы от Субэдэя уже прибыли в его стан: завтра старый лис приведет свои тумены на помощь, и нукеров взять Арпан точно хватит, даже если придется похоронить орусутов под телами покоренных! Вот только стоит ли Арпан такого напряжения сил и таких потерь?!

Ларкашкаки западного похода волновало незримое присутствие врага, регулярно пытающегося пробраться в его лагерь. Первая вылазка орусутов велась сквозь подземные ходы – о том хан узнал от немногих пленных, кто не выдержал страшных пыток, – но каган

Арпана вовремя приказал завалить их. При этом сама вылазка кончилась сожжением трети пороков и гибелью многих нукеров...

А вторая оказалась еще более успешной: накануне решительного штурма враг уничтожил склады со всеми видами огненных зелий, имевшихся в распоряжении Батыя! Одно это ставило под вопрос успех дальнейшего похода к «последнему морю», а тут еще нападение на обоз, считай, у самого лагеря... И пусть отправленные на юг дозоры в первый же день доложили, что напала на кипчаков горстка орусутов, но уже вчера в лагерь прибыл очередной туаджи – его отправил начальник охраны гонцов. Монгольский отряд нашел место схватки и гибели тысячи кипчаков на льду реки... Место схватки было вытоптано напрочь и густо залито кровью, потому выяснить наверняка, каковы были силы нападавших, не представлялось возможным. Но тысячу кипчаков, пусть они и не первые среди нукеров хана, горсткой орусутов не истребить! Значит, где-то рядом находится скрывшийся в лесах отряд врага неизвестной численности, но явно не слабый. И возглавляют его люди решительные, даже дерзкие – чего стоит подрыв складов огненного зелья!

А если очередной ночью они решатся напасть на самого хана, попробуют проникнуть к его шатру?! Да, ларкашкаки защищают отборные тургауды, но от одной только мысли о ночных убийцах Бату становилось не по себе...

И что самое пугающее, никаких известий от Кадана и Бурундая по-прежнему нет! Впрочем, сейчас-то отправленные ларкашкаки гонцы уже наверняка достигли Пронска, но глава западного похода был уже наверняка уверен в том, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Ныне он готовил себя к тому, что три оставленных позади тумена уже не волеются в состав орды и что с юга все еще может появиться новый, сильный и многочисленный враг.

При подобном развитии событий бездумно терять нукеров под стенами Арпана и далее мог позволить себе глупец или безумец, но Бату не был ни первым, ни вторым. Да, мощности манжаников еще хватит, чтобы проломить вторую столь же широкую брешь в крепостной стене, но уже сейчас находить крупные камни или деревья с требуемой толщиной стволов для будущих снарядов-чурбанов становится все сложнее. Да, вихревые катапульты способны разрушить обламы едва ли не по всей протяженности городней, а нукеров вместе

с людьми Субэдэя на решающий штурм хватит... Должно хватить. Но что потом? Потом от западного похода придется отказаться, и более того, главные потери несут нукеры отцовского улуса, улуса Джучи. А не захотят ли двоюродные братья Гаюк, Мункэ и Байдар в будущем воспользоваться слабостью Бату-хана и малочисленностью его батыров?! Вопросы, вопросы... На которые пока нет ответа. Особенно учитывая отсутствие новостей о судьбе туменов Кадана и Бурундая!

Впрочем, мысли о вражде с двоюродными братьями (начатой еще их отцами!) перевели размышления Бату в иную сторону. Монголы вторглись в землю оруситов с несметной ратью, самонадеянно решив покорить их зимой, пройдя по льду рек от города к городу, сокрушив в поле малочисленные рати врага и взяв оставшиеся без защитников крепости... Однако завоевателей встретили лишь опустевшие поселения и бесчисленные засады небольших отрядов, действующих при этом крайне уверенно и смело. И пусть реальное число оруситов, нападающих на монголов и покоренных, обстреливающих их из чащи лесов, было не слишком велико, но потери от их стрел угнетали всех без исключения нукеров... Что уж говорить о том, что, отведя объединенные дружины в Арпан, каган местной земли успешно обороняется от всех штурмов захватчиков?! Что оруситы крепки в обороне, защищая даже самые незначительные укрепления вроде сцепленных между собой телег, тот же Субэдэй узнал еще на Калке – так называют местные реки, на берегах которой будущие враги впервые познали силу друг друга...

Да, Субэдэй и Бату атаковали врага самонадеянно. Но там, где не справляется грубая сила, неизменно срабатывает хитрость! Земля оруситов разделена, ею управляют множество враждующих между собой каганов. Монголы собирались покорить всех их одним ударом, но не лучше ли будет натравить одних на других? Не лучше ли подогреть старые распри врагов, заключив с одними союз против других?! А когда будет покончено с наиболее сильными каганами, то обрушиться уже на бывших «союзников»! В конце концов, разве не таким образом монголы разгромили империю Цзинь, заключив союз с другой державой Китая, империей Сун?! А ведь ныне император Угэдэй уже два года воюет против бывших соратников. Так почему бы не последовать его примеру?!

Да, пусть изначальные цели западного похода уже не будут достигнуты. Да, пусть перед дядей-императором двоюродные братья наверняка объявят Бату дураком и бездарностью, напрасно погубившим тысячи нукеров... Но зато родные не отвернутся от него! Шибан, Берке и Орду наверняка поддержат, вновь дадут ему нукеров. Кроме того, укрепившись в разоренном Булгаре, можно будет обернуться и на юг, там, где Субэдэй и Джэбэ уже прошли с победами всего с двумя туменами! Разрозненная земля ясов, ослабевшее после набега монголов и вторжения Джелал-ад-Дина царство грузин, еще недобитые в степи кипчаки! Есть где взять богатую добычу, есть где набрать новых покоренных в ряды его славных нукеров. А после вернуться в земли оруситов и найти тех каганов, кто враждует с Арианом и Улайтимуром, заключить с ними союз...

Не самый худший замысел, далеко не самый худший! А что, если попробовать и кагана Арпана перетянуть на свою сторону?! Что, если завтра, с прибытием туменов Субэдэя, отправить посла к нему, предложить почетный мир и потребовать заплатить дань? При этом добавить личное послание: пусть каган выплатит дань едой, пусть уступит Батыю, желающему сохранить лицо перед собственным войском, и тогда монголы мирно покинут пределы земель кагана! Устрашающий вид объединенной орды должен вселить страх в сердце оруситов, и если каган Юрги благоразумен, он уступит, забудет о смерти сына – главное, не напоминать прежнее требование отдать жену наследника на ложе хана...

А вот когда оруситы откроют ворота и передадут дань... Особенно если пригласить Юрги на личную встречу, чтобы обменяться дарами... Что же! Тогда можно будет ударить и по послам, и по потерявшим бдительность защитникам Арпана, уже поверившим в успешный исход осады!

Бату-хан заулыбался своим коварным мыслям. Как кажется, выход из западни действительно наметился, и даже если оруситы откажутся от выплаты дани или подготовятся на случай внезапной атаки, это не конец. Арпан падет – завтра или несколько зим спустя... Но он падет! И каждый житель его заплатит кровью за унижение, что ныне испытал Бату под его стенами!

Глава 18

Жарко, душно в просторной гриднице, которую, впрочем, заняла такая большая толпа народа, что яблоку негде упасть. Одних только князей пять человек, а еще ведь и ближники их, и бояре, и члены семей с собственными телохранителями... Нам с Коловратом только и осталось, что ютиться у дальней стены в ожидании завершения бурных обсуждений.

– Это ловушка! Дадим им еды, и они продолжат осаду с нашими же харчами!

– Ты видел, какое войско пришло с севера? Поганых теперь едва ли не впятеро больше нас! Они же числом задавят!

– Да! Но с севера татар пришло вдвое меньше, чем уходило к Переяславлю!

Основными спорщиками выступают Олег Юрьевич Муромский, его тезка Олег Ингваревич, за свою необычайную внешнюю привлекательность прозванный Красным (перевести можно как Олег Красавчик), и Роман Ингваревич. И если родные братья князя Рязани активно противятся предложению, переданному послами Батыя, то двоюродный брат действующего князя Муром не то смалодушничал, не то действительно поверил в честность предложения монголов. Понимая, что если перевес в споре получит Олег Юрьевич, то быть беде, я что есть силы выкрикнул из своего угла:

– Это ловушка! Монголы хотят выманить из города посольство с князем, чтобы напасть на него, истребить и ворваться в ворота на плечах бегущих! Именно это они хотели сделать в Пронске, желая обманом захватить город!

Все окружающие нас с боярином обратили напряженные, недоумевающие и даже рассерженные взгляды в мою сторону, однако соседство Коловрата предостерегло их от излишних высказываний. Но не Олега Муромского, даже изменившегося в лице после моего замечания.

– Кто это говорит?! Откуда тебе известно, что хан Батый попытается хитростью овладеть городом?!

Я спокойно встретил взгляд князя, черты лица которого исказились от переполняющей его злости, но не успел ответить. С высоты помоста и трона заговорил сам Юрий Ингваревич, заговорил неспешно, спокойно и одновременно с тем весомо:

– Говорит тебе, Олег Юрьевич, тот, кому все мы обязаны тем, что по-прежнему дышим. Это Егор, порубежник из Ельца. Он был в числе сторожи, взявшей ценного языка и поспешившей сообщить мне о настоящей численности орды.

На словах про ценного языка Евпатий невольно усмехнулся, но ничего против, понятное дело, не сказал. Между тем князь Юрий Ингваревич продолжил:

– Этот человек предостерег жителей по Прони, успевших спрятаться от поганых и избежавших страшной участи разорения и полона. Он убедил князя Всеволода Пронского, а после и меня отвести рать от Вороножского острога. Я произвел его в сотенные головы и дал три сотни воев, и Егор вместе со своими соратниками сумел задержать татар, позволив нам своевременно отступить к Рязани. Он отличился при обороне Пронска, за что был произведен в тысяцкие, он сумел натравить половцев и мокшу на монголов и хорезмийцев! И наконец, именно он с боярином Евпатием и прочими доблестными мужами подорвал запас огненного зелья хана Батыя... Я нисколько не сомневаюсь в том, что воевода Егор Елецкий говорит правду о хитрости поганых, ведь если татары той же уловкой пытались взять Пронск, то отчего им не попытаться таким же образом овладеть Рязанью?

В зале повисла напряженная тишина, которую пронзает лишь голос князя:

– Тумены поганых действительно вернулись поредевшими от Переяславля, заметно поредевшими. Боярин Евпатий сообщил мне, что до города добралась владимирская рать и дала темнику Субэдэю бой, сократив рать его вдвое и успев отступить в крепость. И пусть татар еще много, но столь великое число воев тяжело прокормить, и враг это понимает лучше нас. Потребовав же передать дань припасами, поганые сами указали на свое слабое место. Мы откажем врагу! И тогда...

– Княже, позволь мне слово молвить.

Мой голос в тишине внимающей Юрию Ингваревичу гридницы расслышали все. И князь, с некоторым неудовольствием посмотрев в мою сторону, все же согласно склонил голову:

– Говори, воевода.

Я благодарно поклонился, после чего твердо произнес, смотря прямо в глаза правителю Рязани:

– Нужно соглашаться на предложение поганых, но выдвинуть при этом свои условия.

Вспыхнувший было в зале ропот мгновенно потушил ледяной голос князя:

– Это какие же такие условия?!

– Мы дадим им съестные припасы только после того, как поганые сами сожгут все свои пороки. Не разберут, а именно сожгут их – до заката текущего дня. Иначе, когда рати наших союзников... – Тут я обвел присутствующих насмешливым взглядом и продолжил: – Иначе, когда новые (!) рати наших союзников из Чернигова и Владимира придут к нам на помощь, мы похороним все воинство поганых в нашей земле. Так же, как похоронили тумены Бури, Кадана и Бурундая под Пронском и Ижеславцем! Пора бы уже хану узнать, что подкрепление с юга не придет – это сделает его сговорчивее.

Князь, внимательно посмотревший мне прямо в глаза, без обиняков спросил прямо в лоб:

– Но ты ведь только что сам говорил, что поганые попробуют ударить, когда мы откроем ворота, разве не так?

Я позволил себе злорадную ухмылку:

– А мы не будем открывать ворота. Мы позволим навести два-три перешейка через ров напротив бреши и пригласим поганых во главе с Батыем войти в Рязань. Сами же встанем на стену гуляй-города, разместим там большую часть стрелков из дружины, подготовим обе тысячи конных гридей. Когда хан и его ближники перейдут ров и втянутся вглубь города, мы вновь сожжем перешейки огнем станковых стрелометов, отрезав поганым путь назад! А сквозь проходы в телегах, что мы тут же откроем, по головному отряду врага ударят и пешие дружинники, и всадники. Последние пусть атакуют навстречу друг другу вдоль вала, замыкая кольцо вокруг ворогов, а пешцы ударят в лоб! Ну и лучники добавят, куда же без них... Если все удастся, мы уничтожим верхушку орды, а нет, так Перебьем несколько сотен

отборных поганных, что станет лучшей тризной по вероломно убитому ханом Федору Юрьевичу!

– Да-а-а-а!!!

– Гойда!!!

– Слава воеводе Георгию Елецкому!!!

Собравшиеся в гриднице пришли в самое настоящее неистовство, столь им глянулась моя задумка! И если изначально кому-то могла не понравиться предложенная мной хитрость как подлая (с точки зрения татар так оно и есть), то, напомнив об убийстве сына Юрия Ингваревича и об истреблении его посольства, я целиком и полностью обосновал свой план. И даже напоминание о языческом обряде проводов усопших не вызвало отторжения у собравшихся – христианство еще не окончательно вытеснило местные языческие традиции и обряды, по крайней мере, безобидные, каковой тризна и является. Хотя то, что я предложил, на самом деле есть откровенная месть... Впрочем, в данном случае лично мне ближе такое понятие, как «справедливое воздаяние»!

Гул и гомон бояр, витязей и младших князей стих не сразу даже после того, как Юрий Ингваревич поднял руку, призывая их к тишине. И лишь дождавшись, когда все смолкнут, он не удержал торжествующей улыбки, твердо припечатав:

– Быть по сему!

Бату-хан, получивший ответ кагана Юрги от бледных от страха послов, разъяренным тигром метался по шатру, где позволил остаться лишь старому лису Субэдэю, спокойно взирающему на взбешенного ларкашкаки и лишь довольно щурившегося при каждом глотке горячей шурпы. Проклиная хитрых орусотов, поставивших его в тупик, Бату сыпал самыми грязными ругательствами, сбивая ногами встречающиеся на его пути подносы с вяленным мясом и подушки... Наконец он замер на месте, тяжело дыша.

– Что скажешь, старый друг моего деда?! Верно ли я понимаю, что орусуты и сами захотели заманить нас в ловушку?!

В шатре хана повисла напряженная и продолжительная тишина, прерванная спустя лишь некоторое время спокойным, даже ленивым голосом Субэдэя:

– Я рад, что засада очевидна для тебя. Впрочем, ты замышлял против врага хитрость, так отчего же тебя злит то, что он отвечает тебе

взаимностью?!

Легкая улыбка тронула губы старого лиса, но Бату было не до веселья.

– Так что нам делать?! Еда вскоре кончится, идти и дальше на север, оставив в тылу непокоренного кагана, мы не можем! Послы видели его рать, она еще велика, в ней хватает батыров, в том числе конных, а город разделен на несколько внутренних крепостей. А потому штурмовать Арпан мы также не можем из-за будущих потерь – орусуты упрямо защищают его, мы положим здесь не менее половины нашего воинства, Субэдэй! При этом Югри прямо сказал: тумены, оставшиеся на юге, истреблены. И вряд ли он врёт – туаджи от темников я не получал уже множество дней. Да еще и рать из Улайтимура пришла ему на помощь, а значит, он не врёт и о помощи из Чернигова... Тем более без нее орусутам ни за что бы не удалось справиться с Бурундаем и Каданом! Так что мне делать?!

Улыбка покинула губы нойона, и тот заговорил уже без всякой благодушности в голосе:

– Даже тигр может отступить перед стаей голодных волков – отступить, сохранив себе жизнь, в этом нет бесчестия. Но когда стая распадется, тигр вернется и покарает всех, кто посмел бросить ему вызов!

Бату-хан неожиданно успокоился – слова верного сподвижника его великого деда удивительно точно совпали с его собственными мыслями.

– Значит, мы уйдем?

Субэдэй согласно склонил голову:

– Уйдем. Чтобы сохранить силы и вернуться сюда летом – этим или следующим, не столь важно. Но орусуты должны поплатиться за свою дерзость!

Батый злобно улыбнулся, и улыбка эта больше походила на хищный оскал:

– И они поплатятся!

Утром следующего дня монголы покинули осадный лагерь. Больше не требуя дани, не предлагая союза, дружбы, не используя прочих хитрых уловок с целью выманить защитников Рязани из города... Впрочем, не совсем – разобрав за прошлый день пороки

(ценные детали, что невозможно воссоздать на местах, китайцы рачительно извлекли), они сожгли большую часть дерева, послужившего сырьем для каменетов. Сожгли, привязав к ним всех уцелевших пленников-хашар... Сожгли демонстративно, на глазах русичей, в бессильной ярости сжимающих кулаки... Никто из воев не признал среди заживо сожженных своих близких, и, возможно, лишь это уберегло некоторых ратников от безумной, самоубийственной атаки. Что, впрочем, не означает, что в огне не погибли чьи-то родные, просто никем не признанные... И от этого было вдвойне большее и страшнее. Даже втройне страшнее для меня, взирающего на отступающих от Рязани поганных.

На пути все еще огромной орды остался Пронск, обороняемый ныне горсткой ратников, Пронск, имеющий в качестве защиты на главном направлении штурма лишь невысокую стену-частькоп! Чтобы прорваться за нее, татарам не потребуются ни манжаники, ни даже вихревые катапульты, будет достаточно лишь лестниц, чтобы за две-три атаки перебить всех защитников крепости, тупо задавив их числом... Отсутствие еды не пугает врага, наоборот, именно ради еды по большей части татары и пойдут на штурм! Ну и заодно чтобы хоть как-то реваншироваться за неудачный поход на Рязань...

Можно как-то помочь крепости? Даже объединив владимирскую и рязанскую рати, получив в итоге порядка пятнадцати тысяч действительно боеспособных воев и оставив Рязань без защиты, можно ли с этим войском противостоять без малого сорока пяти тысячам татар в поле?! Увы, нет – всадников у русичей осталось слишком мало, а в открытом бою мобильная стрелковая конница степняков, не принужденная атаковать в лоб изготовившихся к бою пешцев, будет иметь заметное преимущество. Это вам не схватка под Переяславлем, где укрывшихся за надолбами ополченцев невозможно было обойти ни с флангов, ни с тыла... Так что выводить в поле дружины – это подставить князя и потерять с таким трудом и такими жертвами спасенную было Рязань...

Выходит, что ни Юрий Ингваревич, ни Еремей Глебович, ни даже Коловрат (коим не хочется рисковать после всего пережитого) мне не помощники в деле спасения возлюбленной. Выходит, так... Самому же мне не остается ничего иного, кроме как лично отправиться в Пронск, постаравшись успеть обогнать поганных. И если успею, то

предупредить Михаила Всеволодовича, чтобы выводил жителей, спасал детей.... Да самому вывезти из обреченной крепости Ростиславу прежде, чем враг замкнет вокруг города кольцо губительной осады! Или хотя бы еще хоть раз услышать ее голос, коснуться ее рук, вдохнуть ее запах, прежде чем умереть, защищая ее...

Нужно торопиться!

Лично отправиться в Пронск? Ну да, ну да... Озадаченный судьбой Ростиславы и, очевидно, потерявший из-за волнения способность трезво мыслить, я все же догадался явиться на глаза князю и предупредить его о своем отбытии. Но, выслушав меня, Юрий Ингваревич хоть и не высмеял мой план, но резко его раскритиковал, без обиняков предупредив, что в одиночку до города я не доберусь – волки, вдоволь вкусившие человечины, меня просто сожрут. Ошарашенный столь очевидной истиной, я буквально дар речи потерял.

Князь же продолжил разносить мой план по кусочкам – к примеру, чем следовать по Прони, пытаясь на лыжах догнать всадников головного отряда поганых, можно значительно сократить путь по зимнику, пролегающему по реке Истье (впадающей в Оку неподалеку от Рязани). А затем и ее ответвлению Мече, протекающей всего в полутора десятках верст от Пронска... Но без проводника я бы мог запросто свернуть не туда на очередном речном повороте и заплутать в глухих лесах, лежащих между устьем Мечи и городом. Зато с проводником мы срезали бы наш путь до Пронска на добрую треть, добравшись до места назначения с форой в сутки-полторы!

Короче, князь сразил меня своей убойной логикой, после чего я не смел уже и возражать против подкрепления. Правда, до того он попросил меня уточнить, как я собираюсь действовать, и, умолчав о том, что главной своей целью я вижу спасение возлюбленной, я озвучил следующий план. А именно, что предупрежу Михаила Всеволодовича о грядущей опасности и предложу ему дать бой авангарду татар на Прони, в узком месте реки да подальше от города. Перекрыв ее устье и заняв оба берега, мы могли бы задержать поганых на несколько часов, коих хватило бы, чтобы горожане вышли из города...

А вот что с ними случилось бы после, как бы они выжили в наполненных озверевшими хищниками заснеженных лесах без

достаточного количества припасов (а сколько удастся взять с собой на простых санях при спешном бегстве из города?), об этом я уже не думал. Не думал, потому что сам уже никак не повлиял бы на все последующие события, касающиеся горожан, да и процент выживших все одно был бы выше, чем если бы горожане оказались заперты в ловушке осажденного города...

Зато подумал о том Юрий Ингваревич, пообещав после выхода моей дружины как можно скорее собрать большой санный обоз с припасами и дополнительным воинским отрядом в сопровождение и отправить его следом! Что же касается именно моей дружины, уточнив численность уцелевших ратников под началом Михаила Всеволодовича, коих, по всем прикидкам, осталось чуть более тысячи воев с учетом выздоравливающих, князь щедро выделил мне пять сотен лучников из числа гридей. По сути, всех воев с лучшими составными биоконпозитами... Щедро! Кроме того, еще столько же ратников, дружинников наполоам с опытными ополченцами, он пообещал включить в состав санного обоза.

Моей благодарности не было предела! По собственным ощущениям, Юрий Ингваревич закрыл передо мной все возможные долги – хотя, конечно, на самом деле он и сам обязан был позаботиться о своих подданных. Но тут ведь тоже как посмотреть: Пронское княжество от Рязани, конечно, зависимо, но обладает и определенной долей самостоятельности, являясь удельным и третьим по силе и мощи после столицы и Муромы...

Кроме того, Юрий Ингваревич предложил мне взять с собой Коловрата как боевого товарища и одного из самых доблестных своих витязей. На что я, однако, ответил отказом – Евпатий заслужил право найти собственную семью и убедиться в том, что с ними все в порядке. Особенно после ночи подрыва, когда он единственный из моих соратников выжил, до последнего сражаясь над телом Ждана. Эх, Ждан, Кречет, други... Тяжело мне без вас... Однако же я предупредил Юрия Ингваревича, что коли Евпатий Львович успеет вернуться в город к моменту выхода санного обоза и пожелает к нему присоединиться, то я буду только рад его присутствию!

...Что же, князь свое слово сдержал, и теперь отряд из пятисот дружинных лучников, на многое способных и в ближнем бою, спешно движется по зимнику реки Истье под моим началом! А впереди нас

ждет последний, теперь уже действительно последний бой с погаными
Батия...

Глава 19

Князь Михаил Всеволодович спешил, очень спешил. Ибо известия, доставленные в Пронск тысяцким воеводой, а ныне уже и княжеским боярином Георгием (однако же высоко взлетел недавний порубежник!), заставили замереть от ужаса сердца очень многих... Правда, были и хорошие вести: орда получила под Рязанью и Переяславлем крепкий отпор, оба города уцелели, княжеская рать уцелела! Вот только помочь его собственному граду Юрий Ингваревич не сможет. Велика еще возвращающаяся в степь ордынская сила, многочисленны еще тумены Батыя, и если они пойдут на штурм тыновой стены Пронска, град не устоит. А то, что они пойдут на штурм его, Михаила Всеволодовича, града, новоиспеченный князь не сомневался.

Нельзя сказать, чтобы Михаил и ранее не думал о грядущей опасности или что появление врага и возвращение татар стало для него неожиданностью. Чудом отбившись от первой осады, он усиленно готовился ко второй, обновляя запасы стрел, сулиц, железных рогулек, заказав кузнецам новые клинки и доспехи, благо, что железа на перековку им теперь хватало! Добротное, качественно выполненное трофейное оружие и брони сразу раздавали ополченцам, дружинникам хватало собственной зброи и того, что осталось от павших соратников, только обновить да поправить... Так что теперь кузнецам хватало сырья – не хватало лишь времени и рук!

Понемногу приходили в себя раненые вой, возвращались в дружину. А ижеславских и рязанских ратников, пришедших с воеводой Ратибором, отправляли в ополчение десятниками – еще одна разумная придумка Егора, подсмотренная у врага... Хотя нет, теперь уже Георгия – едва ли не боярина и ближника князя Юрия Ингваревича. Георгия, о котором тайно воздыхает сестра Ростислава... Да зря воздыхает: хоть и высоко взлетел порубежник, да разве можно даже помыслить, чтобы отдать за него Рюриковну?! Впрочем, не о том сейчас думать нужно, не о том...

Михаил с шумом выдохнул облачко белого на морозе пара, на мгновение придержав коня, чтобы перевести дух да осмотреться по

сторонам. Неплохое вроде место для засады – оба берега покрыты густым лесом и довольно близко подходят к руслу реки. Да вот беда: насыпной холм, прозванный в народе Царевым (по преданию, похоронили здесь скифского царя), что возвышается у низкого берега, обойти несложно. Ну и до града отсюда чересчур близко, всего несколько верст. Когда сомнут здесь татары русичей (а то, что рано или поздно сомнут, сомнений не возникало), то смогут успеть перехватить и беженцев. По крайней мере, часть их... Не пойдет.

Князь повел дружину вперед, надеясь выиграть время своим людям, надеясь преградить путь головному отряду поганных прежде, чем ворог поравняется с более удобным для засады местом в нескольких верстах к северу. Стоит поспешить...

А пока, чтобы не предаваться до схватки изматывающим душу волнениям, ослабляющим и тело, и волю, Михаил Всеволодович волевым усилием заставлял себя вспоминать все, что было сделано за последние седмицы, все свои приготовления. Как ни странно, думы о его пусть и частично напрасных трудах князя все же успокаивали...

Клич о наборе в новое ополчение бросили во всех уцелевших селениях по Прони – точнее, на укрытых в лесах стоянках. Но и сами люди, уставшие от выживания в глухих чащобах, спешно потянулись в устоявший перед погаными город, как только по округе разнеслась весть о поражении татар. Впрочем, их пытались остановить, развернуть, предупредить, что в Пронске просто нет места, но люди не слушали, не хотели слышать... И ведь как-то же обустривались! Размещались в одной избе тремя родственными семьями, находили кров в сенниках и овинах, где воздух согревали не печи, а дыхание множества набившихся внутрь людей... Открыли свои ворота церкви, а князь, так или иначе, получил пополнение ратников. Пусть в большинстве своем или очень молодых, или очень старых, но ведь все еще способных поднять топор или верткую половецкую саблю...

Новоиспеченных ратников принялись до седьмого пота гонять дружинники, сами понимающие, как мало времени на самом деле у них в запасе. И потому к моменту прибытия в город Егора (все-таки привычнее величать боярина по старинке), ополчение Пронска выросло на пять сотен уже относительно неплохо подготовленных, вооруженных и снаряженных воев, разбавленных поправившимися от

ран опытными гридями! Другое дело, что против орды это была капля в море...

Шансов отбить Пронск не было. Выслушав Егора, князь это понял отчетливо. Пусть даже с прибывшими с тысяцким головой дружинниками число защитников града перевалило за две тысячи, удержать поганных на внутренней, тыновой стене шансов нет. Конечно, горожане давно уже принялись восстанавливать внешнюю, но до завершения работ им требовалось не менее семи-восьми седмиц, коих у обреченного города не осталось.

Вдобавок к тому, от отправленных на север сторож прибыл гонец: замечены разъезды поганных! И пусть главные силы орды следуют с не очень большой скоростью, но головной отряд наверняка бежит налегке – вдвое, а то и втрое быстрее! И он вполне может помешать с выводом жителей из града... Особенно если отряд этот будет достаточно для того велик.

И вот навстречу врагу следуют по льду Прони три сотни гридей старшей дружины – отборный отряд телохранителей князя, его личный «священный отряд», как у древних эллинов... Именно они всегда были под рукой, и более того, они всегда были верхами! И хотя после гибели туменов Бурундая и Кадана в распоряжении Михаила Всеволодовича оказались целые табуны лошадей, в большинстве своем это были легкие степняцкие кобылки, не подходящие для конной сшибки грудь в грудь. Да и кормить их было особо нечем... А потому великое множество захваченных животных (сильно исхудавших и обессиленных, нередко пораненных или уже больных) пустили под нож, на радость народу, вдоволь наевшемуся вареного мяса; лучшие же куски завялили или закоптили... Это было весьма кстати с учетом новоприбывших в град беженцев.

И потом, на сборы оставшейся тысячи требовалось время – время, которого у прончан, быть может, уже и не оставалось... А потому Михаил Всеволодович, практически одновременно получив известия и от Егора, и от собственных сторож, поспешил собрать всех, кого смог, после чего приказал воеводе Ратибору готовить оставшуюся часть дружины к скорому выходу вслед за князем – кому на лыжах, кому на лошадях.

С ними следовало выступить и рязанским гридям; две трети имеющихся станковых стрелометов (опять-таки придумка недавнего

порубежника!) они должны были взять с собой. Оставшиеся же десять малых пороков князь выделил Мирославу, коего он поставил старшим над сотнями ополченцев, поручив ему также подготовить поспешный выход людей из града.

Воев ополчения князь решил побережь от верной гибели в схватке на реке – и потому, что было жалко юнцов, и потому, что их гибель в засаде ни на что бы не повлияла. Другое дело, если поганые успеют перехватить хвост обоза беженцев, вот там юнцы и старики будут биться вдвое яростнее, защищая своих родных, и действительно могут задержать татар, покуда люди не оторвутся от погони в лесах...

Не слушая ни плачущую сестру, молящую его побережся – Ростиславу Михаил отправил лесной тропой навстречу рязанцам в первую очередь, выделив для ее защиты три десятка дружинников, – ни обоих воевод, предлагающих самим возглавить головной отряд, князь поспешно покинул город, взяв благословение у владыки Александра. В сущности, благословение на смерть, которую, как видно, молодому князю суждено разделить со своими воями... И пожалуй, это же была одна из тех причин, вследствие которых Михаил Всеволодович решил лично возглавить гридей. Ибо он уже многие годы знал своих личников в лицо и по именам, знал их семьи, крестил их детей, пировал с ними за одним столом, вместе с ними сражался, и для него дружинники стали второй семьей, стали его братьями по оружию.

Кроме того, Михаила воспитали на древних сказаниях о мужественных и доблестных героях эллинов вроде Ахилла или царя Леонида, былинах о русских витязях – Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Никите Кожемяке, Михайле Потыке... Наконец, на преданиях о князьях-воинах – Святославе, победителе хазар, болгаров и греков, Мстиславе Храбром, сразившем в личном поединке могучего Редедю-касожца, богатыре Святославе Ярославиче, с вчетверо меньшей ратью разгромившем половцев Шарукана при Снове... Никто из них не бросил бы верных гридей на смерть, сам оставшись в стороне! И сейчас, ведя за собой триста отборных воев, совсем еще молодой князь, не успевший толком узнать жизнь, не успевший завести семью (рано ведь еще было!) и по-прежнему грезящий ратной славой – в душе он не мог не сравнивать себя с царем Леонидом,

прикрывшим отход рати с горсткой личников, «священным отрядом» Спарты!

Но помимо мальчишеских грез князем двигали также и ответственность перед его народом, и одновременно с тем черная безысходность. Еще с давних времен повелось, что военными вождами становились лучшие воины племени, способные пожертвовать собой ради спасения сородичей. А князья – это не только военные вожди, это еще и правители, и в понимании Михаила их ответственность за свой народ была еще выше. Значит, он должен был сделать все, чтобы люди его земли спаслись, должен задержать врага, дать время Ратибору и Егору подготовить засаду!

Безысходность накатывала оттого, что Пронск погибнет в любом случае, ибо он сам приказал поджечь его Мирославу, когда последние жители покинут град. Ибо нечего оставлять поганым запасы еды, что прончане не успеют вывезти, нечего оставлять им теплые жилища, которые ордынцы смогли бы использовать для отдыха. Тем более что и татары сожгли бы покинутый град, как жгли до того брошенные поселения по Прони... Но возродится ли после пожара Пронск, возвысится ли вновь удельное княжество? Или Юрий Ингваревич воспользуется удобным моментом, чтобы избавиться от старого союзника-соперника, и расселит уцелевший люд в своих землях? И тогда лишь черное пепелище останется на месте некогда красивого и добротного княжеского терема, родного дома Михаила... Кто знает.

Кроме того, Михаил Всеволодович и помыслить не мог, чтобы он, князь своей земли, покинул дружину и бежал в Рязань с потерявшими кров жителями, пряча глаза от пронзительных взглядов тех, кто лишился всего. Его-то Юрий Ингваревич наверняка примет как дорогого гостя, но остальным на столь теплый прием рассчитывать не приходится... А раз так, если князю все одно предстоит драться на льду Прони, преградив путь поганым (где наверняка и придется встретить смерть), то отчего же не принять эту участь с поистине княжеским достоинством и славой?! Кто знает, может, когда-нибудь сложат сказания и о трехстах русичах и князе Михаиле Пронском...

Размышления князя прервало появление быстро скачущего к его отряду всадника, издали закричавшего во весь голос:

– Княже! Показались поганые впереди, за речным поворотом! Много их, несколько сотен, а то и больше!

Встревоженный голос дружинника, одного из десятка гридей, отправленных со сторожей в дозор, что-то зацепил в душе князя. Всего мгновение назад мечтавший о ратной славе, он вдруг подумал: «Ну вот и все»... И от этой чересчур простой и страшной мысли стало Михаилу не по себе. Он поспешно оглянулся в сторону Пронска, оглянулся туда, откуда вскоре должно было прийти подкрепление. И на миг, на единственный удар сердца сознание его пронзила малодушная, но такая разумная мысль: доверить дружину сотникам, а самому поскакать навстречу Ратибору! Пусть гриди, призванные служить князю и защищать его ценой собственной жизни, выполняют свой долг, а сам он возглавит засаду!

Промелькнула мысль – и тут же пропала. Какой же он после этого боевой вождь, какой же он после этого князь-воин? Разве достойно будет поступить так после жертвы отца, в бою у врат Пронска возглавившего прорыв дружины к граду?! Нет, не достойно...

Приняв это, Михаил Всеволодович аж пошатнулся в седле, до боли стиснув зубы. Как же вдруг стало невыносимо тоскливо и жалко себя: не налюбился ведь за жизнь, не намиловался, детишек собственных на руках не подержал... А теперь уже и не успеет.

Но если сейчас смалодушничать, бросить дружину, уже поверившую, что князь с ратниками до конца, и оттого вдохновенную его примером, то кто знает, удержат ли они врага, пока Ратибор подготовит засаду? А ежели поганые сомнут только-только начавшую готовиться к бою ведомую воеводой рать?! Тогда и чужие дети, чьи отцы уже положили живот, защищая Пронск, примут лютую смерть! Нет, нельзя сейчас смалодушничать Михаилу, никак нельзя!

– Лют, скачи к Ратибору, пусть готовит засаду у Царева холма. Да упреди, чтобы поспешали: близко уже враг. Задержим, насколько сможем!

Все, выбор был сделан... Князь шумно вдохнул воздух, размышляя над тем, что добраться до лучшего места для засады ему не удалось, но хоть о приближении татар его дружину предупредили вовремя. Хотя, как видно, достичь виднеющегося где-то за полверсты изгиба реки и дожидаться за ним появления легкой ордынской конницы дружинники все одно не успеют. А то уж в ближнем бою гриди русичей показали бы поганым, чего они стоят в сече! Впрочем...

– Володарь, веди свою сотню конных лучников навстречу татарам. Блиско к своим не подпускай, перестреливайтесь на расстоянии, а главное, разойдитесь пошире по реке, разомкните ряды. Пусть за твоей сотней вороги нас не разглядят! Я оставшихся воев строю клином, пойдем следом за вами шагом, а как твои люди приблизятся, так мы начнем набирать ход. Вы же, наоборот, замедлитесь, подпустите поганых поближе, а после резко в стороны от клина расходитесь! Чую, когда мы поскачем во всю прыть, степняки уже никуда бежать не успеют, примут бой грудь в грудь! А там мы уж в сече покажем, кто крепче бьется...

Сотенный голова младших дружинников, традиционно выступающих в качестве застрельщиков, уверенно кивнул, после чего бросил своего жеребца вперед, одновременно с тем громогласно воззвав к своим людям. А Михаил Всеволодович, еще раз оглянувшись назад – вновь с тоской и потаенной грустью, словно прощаясь и с домом, и с сестрой, – столь же зычно воскликнул:

– Шелома, брони надеть, приготовить пики! Строимся клином!

Прошло несколько минут, прежде чем сотенный голова Володарь оторвался от соратников, поведя младших дружинников вперед, навстречу врагу. Впрочем, он не спешил, рассчитывая побережь людей до сшибки татар с тяжелыми всадниками, а заодно и силы скакунов – пригодятся при отрыве!

Его вой, вооруженные прежде всего мощными составными луками, уже успели натянуть тетивы, надеть кольчуги поверх стеганок (что вполне могут задержать стрелу, уже пробившую проволочные кольца брони), прикрыли головы остроконечными шеломами. Щиты большинство молодых гридей закинули за спины – когда будут уходить, они спасут немало жизней всадников, стреляющих поскифски, обернувшись назад! Впрочем, в первых рядах их следуют наиболее опытные стрелки, переместившие щиты на левую руку, повесив их на локтевые ремни. Но метко стрелять с деревянным щитом на руке сможет далеко не каждый! Неудивительно, что кочевники, скорее привычные к перестрелкам на расстоянии, чем к яростной сече в ближнем бою, предпочитают легкие, плетенные в несколько слоев щиты (да и с деревом в степи бывает тяжело). Они могут остановить стрелу, однако удары топоров или мечей (и даже добрый удар сабли!) держат значительно хуже, чем дощатая защита...

Наиболее уязвимы у младших дружинников их лошади, защищенные только стальными налобниками да кольчужными нагрудниками, и то далеко не у всех и не всегда. Впрочем, поганые стараются бить по лошадям, лишь когда засыпают срезнями преследующих их тяжелых всадников, не способных догнать степняков и навязать им губительный ближний бой... Однако сегодня застрельщики русичей сделают все, чтобы татары не смогли уклониться от лобовой схватки и чтобы их плетеные щиты почувствовали всю тяжесть ударов гридей Пронска!

Глава 20

Младшие дружинники проследовали примерно половину пути до изгиба реки, прежде чем за поворотом показались всадники немногочисленной сторожи, уходящие от преследующих их двух, а то и трех десятков поганых. Татары, заметив неспешно следующую навстречу им сотню русичей, попридержали коней, но не побежали. А вскоре за передовым отрядом степняков в поле зрения воев показалась плотная толпа половцев, число которой навскидку назвать было просто невозможно.

Тогда Володарь приказал ратникам чуть пришпорить коней, ускоряясь навстречу врагу: следовать вперед мерным, степенным шагом и далее сотенному голове уже не хватало терпения. Он и так до поры поберег силы людей и животных, теперь же необходимо было успеть завязать бой и дать степнякам им увлечься, подвести их под удар старшей дружины!

Вскоре русичи и половцы сблизились настолько, чтобы с обеих сторон в воздух взвились первые срезни. Опасно загудев в воздухе, те описали широкую дугу, после чего вонзились в лед, не настигнув жертв с обеих сторон. Но то были лишь первые, пристрелочные выстрелы...

С каждым ударом сердца плотность потока падающих с неба стрел нарастала, в схватку вступили уже несколько десятков лучников с обеих сторон, и до поры многочисленность половцев не давала им явного преимущества: до орусутов добивали около сотни поганых, остальные же следовали за соратниками, ожидая свой черед вступить в бой. Появились и первые жертвы, причем со стороны бездоспешных половцев их оказалось заметно больше!

Но татары неотвратимо перли вперед, не показывали спины и русичи, а потому все больше степняков получили возможность бить по пронским дружинникам из-за спин соратников. Ближние же ряды противников и вовсе перестали отвесно пускать срезни в воздух — теперь они стреляли друг в друга прицельно! Еще немного, и вой с обеих сторон смогли бы отчетливо разглядеть лица своих врагов...

Наконец сотенный голова отдал приказ развернуть лошадей и начать отступать от татар. Поначалу неспешно, но вскоре перейдя на легкую рысь, дружинники уходили от отвесно падающих с неба степняцких срезней, не сводя глаз с поганых: клюнули половцы на приманку, поверили в ложное отступление?! Степняки действительно продолжили преследовать русичей, постепенно ускоряясь, но не бросая коней вскачь – впрочем, это было уже и не нужно. Скрытый младшей дружиной клин тяжелых гридей уже начал набирать ход, готовясь сорваться на тяжелый галоп в считанные мгновения, уже подались перед ним в стороны конные лучники Володаря...

Но еще несколько тягучих мгновений враг не мог разглядеть перестроения дружинников, а когда стрелки орусутов окончательно разошлись в стороны, явив поганым закованных в дощатые брони витязей, заранее склонивших копья, ни свернуть в стороны, ни бежать степняки уже не могли!

Пусть первые ряды плотной толпы половцев спешно развернули лошадей, задние еще не знали об опасности и продолжали неспешно следовать вперед. В итоге на льду образовался затор из напирających друг на друга татар, время было потеряно... А сверкающий на солнце клин отборных гридей Пронска сорвавшейся с тетивы стрелой долетел до поганых и врезался в спины пытающихся спастись бегством врагов! Захрустели древки копий, закричали пронзенные насквозь пиками степняки, дрогнула вся атакованная русичами тысяча половцев, еще не зная, что невелика силами дружина орусутов...

Так началась вторая битва за Пронск: князь Михаил Всеволодович с тремя сотнями воев атаковал головную тысячу, следующую впереди тумена Субэдэя. Мог ли он об этом знать? Едва ли... Да и что изменило бы это знание?

Я с трудом отдышался, стирая со лба обильный липкий и горячий пот, часто хватая разгоряченной глоткой ледяной воздух. В своем настоящем после такого обязательно бы слег с ангиной! А здесь ничего: и иммунитет у предка-носителя был заметно крепче моего, да и закалился я за последние месяцы так, что не только горло о себе не напоминало – насморк ни разу не беспокоил! Все-таки у жизни в средневековой Руси есть свои плюсы!

– Все, братцы, натягивай тетивы!

Гонец от князя, упредивший следующую на лыжах дружину о близости поганых, доскакал до нас, когда до завидневшегося впереди Царева холма-кургана оставалось две версты с гаком. И вот, понимая, что лучшее для засады место нужно успеть обязательно занять, пока наши соратники своей кровью платят за выигрыш во времени, вся рать неудержимо рванула вперед! Рвануть-то рванула, да под конец темп держать было, конечно... тяжело. Но ведь добежали же...

Внимательно осмотрев «удобное» для засады место, прикинув все плюсы и минусы предложенной князем позиции, я, конечно, не удержался от крепкого словца, после чего спешно направился к уже распределяющему своих людей Ратибору:

– Воевода!

Герой обороны Ижеславца, успевший повоевать со мной плечом к плечу, выглядит несколько лучше, чем во время нашей последней встречи: плечи расправились, фигура его задышала еще не увядшей силой. Как кажется, оправился немолодой, но еще могучий муж после гибели племянника (эх, Захар Глебович, отчаянный был мужик!). Правда, поседел при этом воевода окончательно...

Подняв на меня глаза, Ратибор лишь кивнул, дав понять, что слушает.

– Смотри, воевода: предлагаю треть запаса железных рогулек высыпать на реку, а перед ними свалить все сани да поджечь их! Если кто из нас после сумеет уйти, то лыжами, а так... Пусть сани прогорят, растопят лед – глядишь, по Прони поганые и не пройдут. Сегодня так точно не пройдут! А двумя третями запаса рогулек мы закроем перешеек между холмом и лесом. Сразу туда татары не полезут, а как полезут, так и завязнут... Сотню лучников своих дам, ударят по поганым, когда на перешеек вступят да на рогульки напорются, а твои с холма добавят. Остальных воев я отвожу на высокий берег да возьму с собой половину самострелов станковых: когда враг на реке встанет и полезет на холм да в сторону перешейка потянется, так мы их в спины-то и приголубим... Добро?

Воевода коротко кивнул, после чего отрывисто бросил:

– Добро.

Ну вот, с планом на бой и порешали...

Несмотря на то, что добрались мы до Пронска всего за три дня, внушительно срезав дорогу по зимнику на Истье, все же общий

выигрыш времени едва-едва покрыл фору головного отряда поганых! А ведь выступили мы сразу после того, как последние отряды татар отделились от Рязани на несколько верст...

Скорое появление врага стало для меня самого крайне гадкой неожиданностью – прибыв в город, я рассчитывал дать людям отдых (да что там говорить, и сам хотел отдохнуть!). А кроме того, лелеял в душе надежду повидаться с Ростиславой в спокойной обстановке... Но не судьба. Княжну я увидел лишь мельком, когда ее спешно выводили из терема в сопровождении отряда телохранителей, мы и взглядами-то встретились всего на мгновение. Правда, какое...

В очах любимой промелькнули и счастье оттого, что она видит меня живым, и радость внезапной встречи, и невыносимая, мучительная тоска от стремительного расставания, и вновь вспыхнувшая тревога за мою судьбу, а еще трогательная нежность, забота, ласка... Не знаю, что девушка успела прочесть в моих – я и сам с трудом могу понять, что я испытал в тот короткий и столь запомнившийся мне миг... Но пришел в себя лишь после того, как санный обоз с княжной покинул двор терема и выехал за его ворота.

А после были спешные приготовления, проверка брони, оружия, целостности тетив и стрел. Несколько возков уже готовых срезней я получил в заботливо наполненных Михаилом Всеволодовичем арсеналах, а с ними заметно меньшее количество боезапаса с гранеными и шоловидными наконечниками. Дав людям совсем короткий отдых, мне удалось организовать для них обед с горячей кашей – хоть что-то! И тут уж все равно, что драться с полным желудком – значит уменьшить шансы на выживание. Без горячей еды новый марш дался бы дружинникам очень тяжело, а тот, кто начинает бой, уже шатаясь от усталости, рискует погибнуть гораздо быстрее, чем с ранением в набитое брюхо...

И вот наконец мы добрались до места будущей засады, окончательно упрев. Подгоняя людей и заставляя десятников и сотников как можно скорее распределять лучников между деревьями, я тут же команду:

– Срезни воткните в снег, так ловчее будет бить по ворогу! И помните: без команды не высываемся, не стреляем! Ждем моего приказа!!!

Михаил Всеволодович в очередной раз яростно рубанул посеребренным кавалерийским чеканом, из бойка которого с тыльной стороны хищно торчит жало клевца. Враг перекрылся саблей, встретив княжеский удар плоскостью клинка, но молодой витязь бил щедро, не жалея сил! А кроме того, у излюбленного русичами оружия центр тяжести смещен к бойку, и потому, даже встретившись с вражеским блоком, топор провалил его, лишь немного изменив направление удара, и все же дотянулся до лица степняка! Татарин вскрикнул от резкой боли в разрубленной брови, инстинктивно отпрянул, пытаясь закрыть щитом неудобную для защиты правую сторону корпуса, но уже не увидел второго удара из-за щедро хлынувшей на лицо крови...

Добив врага, князь шумно выдохнул и заполошно огляделся в поисках нового противника... Тяжелый таранный удар дружины был страшен, он рассек толпу половцев едва ли не до середины, после чего клин русичей неминуемо увяз, но тогда же началась столь нелюбимая степняками ближняя схватка! Приободренные присутствием князя, свежие, еще полные сил и надежно бронированные гриди лихо рубили бездоспешных ворогов чеканами, крушили их булавами, кололи уцелевшими пиками, в то время как ошеломленные неожиданным, а главное, столь мощным натиском татары не смогли дать достойный отпор. Не удалось им использовать и свое численное преимущество, прежде всего потому, что половцы не знали, какой силой их реально атаковал князь. Большинству татар казалось, что на поле боя явилась рать, вдвое превосходящая их численно...

И пусть задние ряды поганных отпрянули, желая обстрелять орусотов на расстоянии, но они тут же угодили под град срезней воев младшей дружины, коих Володарь успел поднять на высокий берег! Спешенные лучники атаковали врага залпами, имея преимущество высоты, одного за другим выкашивая степняцких стрелков, все еще скученных на речном льду!

Но все же вынужденные держаться до последнего куманы, подчиненные монголам, не побежали, а упорно дрались. Пусть редко, но находили бреши в защите русичей их легкие, стремительно атакующие сабли или пущенные в упор срезни.

Заметно хуже дело шло у лучников, ввязавшихся в перестрелку с воями Володаря – до тех пор, пока джагуны не разделили своих нукеров, и часть их также не поднялась на берег чуть в стороне.

Покуда их соратники, кружа на льду, продолжали отправлять срезень за срезнем в сторону орусотов, большинство их не находило цели в разреженном строю гридей, да и взлетев высоко вверх, стрелы не успевали набрать убойной мощи, падая вниз, так что даже кольчуги отлично защищали ратников. Другое дело, если угодит срезень в открытое лицо, пропорет незащищенную руку или ногу – такое тоже случалось...

А затем русичей обстреляли также поднявшиеся наверх спешенные татары, заставив дружинников отвлечься от схватки на льду. Но и Володарь не растерялся: приказав отложить луки, он спешно построил ратников стеной щитов, тут же двинув сотню навстречу врагу. Пусть и медленно двинулась «черепаха» русичей к татарам, зато неотвратимо, а когда добралась, вмиг распалась стенка из щитов, и вой разъяренными медведями кинулись на поганых!

Немало кипела схватка на льду Прони, но и не очень долго. Решив, что встретились с действительно крупным войском (или сочтя его таковым), джагуны отвели оставшихся нукеров после того, как пал в бою кюган-тысяцкий, а общее число уцелевших татар составило всего треть от общей численности головного отряда. И князь, сразив очередного врага чеканом, вдруг понял, что рядом противников уже нет – кончились! И что уцелевшие поганые показали спину, спешно покидая поле боя... Как же радостно забилося его сердце в сей миг!

– Княже, княже!

Михаил Всеволодович, еще толком не успевший насладиться вкусом добытой в тяжелой рубке победы, весь аж сжался, услышав откровенную тревогу в голосе подскакавшего со спины Володаря. А потому сумел выдать из себя лишь одно слово:

– Что?!

Сотник младшей дружины, только-только покинувший высокий берег Прони вместе с уцелевшими после боя стрелками да вновь забравшийся на коня, поспешил доложить князю:

– Мы как только уцелевших поганых с берега сбросили, своих побитых к деревьям оттащили, я на самую высокую-то сосну и забрался – решил посмотреть на реку, есть ли еще поблизости враг. Так вот, княже: есть. Всего в полутора верстах к северу от нас следует по Прони огромная рать, я хвоста даже не разглядел, но по всему видать, тьма это.

У Михаила, только что вышедшего из сечи, в которой он уже и не надеялся уцелеть (а потому возрадовавшегося спасению как никогда сильно!), побелело лицо. Трудно дважды за день себя хоронить! Хриплым от волнения голосом он совершенно бесполезно уточнил:

– Не ошибся?

Сотник отрицательно качнул головой:

– Нет, не мог.

Еще раз посмотрев по сторонам словно бы невидящим взглядом, Михаил попытался принять самое правильное в сложившихся обстоятельствах решение и наконец произнес:

– Время Ратибору мы уже выиграли, теперь отступим к засаде. А ежели ее подготовить пока не успели... Что же, тогда еще раз придется нам задержать поганых!

С этими словами князь развернул жеребца, поймав себя на мысли, что легенды о подвиге царя Леонида раскрывают далеко не все. Нет, был храбрый эллин наверняка героем и конец свой принял с безмерным мужеством... Вот только никто никогда не расскажет, как на самом деле Леониду было в душе страшно и тоскливо обречь себя на верную смерть. За сегодня один раз Михаилу Всеволодовичу это удалось, во второй раз уже не хватило решимости и воли, но тут не все так и однозначно. Может, и действительно нет нужды жертвовать собой и дружинниками прямо сейчас... Но хватит ли душевных сил, коли все же придется пойти на жертву повторно? И каков будет результат внутренней борьбы в сердце князя в третий раз?!

Распределив людей вдоль удачно растущих едва ли не у самого берега деревьев, я позволил себе немного отдохнуть, пока лучники рассыпали поверху уже собственный, взятый еще из Рязани запасец «чеснока». Полежут сюда татары, когда мы им в спину ударим? А как же. Вот и будет им сюрпризец...

На реке также спешно копошатся дружинники, завершая подготовку будущего костра из телег да рассыпая за ними «чеснок». Скоро подожгут... Ратибор расположит семь сотен своих дружинников следующим образом: две сотни стрелков расположились на Царевом холме, еще столько же заняли позицию на высоком берегу, на некотором удалении от моих лучников. Три сотни копейщиков воевода разбил на две неравные части: одну сотню отправил на высокий берег,

в помощь нам, а заодно и своим дружинникам (не иначе алаверды за моих стрелков). Оставшиеся же прикрыли перешеек между непроходимой, но расположенной чуть в стороне дубравой и высотой. А вот все десять «скорпионов» Ратибор поднял к себе на курган, что, в принципе, вполне справедливо.

Наконец, после недолгой заминки, запылал и большой костер на реке – теперь уж засада (а точнее, заслон с засадой) точно готова. Князь выиграл нам время, вот только где теперь он сам? Где его дружина?!

Неожиданно для самого себя боковым зрением я уловил со стороны Рязани какое-то движение. А направив взгляд на север, разглядел вдалеке довольно крупную группу всадников, бодро рысящих по льду Прони в нашу сторону. От неожиданности аж дыхание перехватило, да сердце бешено застучало в груди, разгоняя по жилам кровь: подумалось, что это татары поспели, истребив под корень княжескую дружину. Но нет, вон как солнце искрит на бронях и шеломах! Наши возвращаются. Ведь не может же быть, чтобы поганые пустили вперед хасс-гулямов или тургаудов, да без прикрытия многочисленных лучников! Точно наши!

Глава 21

Уже после ухода орды из-под стен Арпана к Бату-хану наконец-то прибыли туаджи, отправленные до того к Бурундаю и Кадану. Они принесли черную весть: татарских туменов поблизости Пронска нет. Но город, судя по внешнему виду стен, подвергшийся осаде и штурму с применением камнеметов, по-прежнему занят орусутами... И главное, в двух верстах от него высится жуткий холм из сваленных в кучу тел убитых нукеров! Слова кагана Югри подтвердились...

Впрочем, паники это сообщение не вызвало, так как ларкашкаки уже давно был внутренне готов к тому, что оставшиеся позади тумены разбиты, не иначе как с помощью черниговского князя. Но при этом Бату-хан не верил, что у последнего после победы над Каданом и Бурундаем хватит сил открыто противостоять все еще мощной орде, избежавшей кровопролитного штурма Арпана.

Тем не менее в голове тронувшейся на юг орды он вновь поставил тумен Субэдэя, своего лучшего полководца. Точнее, даже два тумена, учитывая, что поредевших урянхаев нойона разбавили нукеры Кюльхана с ним во главе... В итоге полнокровная тьма нойона вышла разношерстной, но достаточно сильной: есть в ней и многочисленные гвардейцы тургауды, и хорчины из числа монголов, и крупный отряд тяжелой хорезмийской конницы, разбавленный немногочисленными панцирными всадниками кипчаков – хошучи. Много половцев и тюрков, вооруженных луками, имеется и тысяча урянхайских стрелков-хабуту.

Темник, вставший во главе объединенного тумена, поспешно повел его на юг, отправив вперед тысячу кипчаков. Последние неплохо показали себя, не единожды перехватывая потерявших осторожность орусутов из числа селян, попытавшихся было вернуться в оставленные ими, но не сожженные татарами веси. Что же, самонадеянность вышла им боком, ведь хашар орде был более не нужен! А после смерти сына в душе нойона все еще кровоточила страшная рана, не позволяющая ему забыть о мести... И пусть Субэдэй, искусно умеющий владеть собой, не позволял окружающим прочесть свои чувства, скрывая их за маской

равнодушия и легкой иронии, на самом деле он скорбел. И нестерпимо жаждал воздать врагу за убийство Кукуджу!

Пусть даже простые поселяне были ни в чем не виноваты... Всех их ждала смерть под клинками половцев: не щадили никого, даже самых маленьких крох. А еще кипчаки головной тысячи захватили какое-то количество еды и корма для лошадей – необходимость и в первом, и во втором остро возрастала с каждым днем...

Однако же в настоящем бою кипчаки из восточных орд потерпели сокрушительное поражение, будучи разбиты крепкой дружиной оруситов. Впрочем, Субэдэй не особенно гневался, понимая, что в навязанной врагом ближней схватке у легких всадников не было ни единого шанса против закованных в железо батыров, к тому же сражающихся на мощных, рослых и агрессивных жеребцах!

После победы над Каданом (и, видимо, Бурундаем) черниговский князь наконец-то сделал первый ход... Но лучший полководец не только Бату-хана, но и Чингисхана не боялся схватки пусть даже и с сильным врагом. Нукеров у него хватает, а при необходимости подкрепление от следующих позади туменов успеет прийти на помощь. А потому нойон обрадовался скорой битве, ибо он давно ждал ее, даже жаждал! Ибо отцовская боль требовала выхода, и только настоящая победа в сече, только кровь павших оруситов могла остудить ее, притупить – хотя бы временно...

Отправив туаджи к ларкашкаки, предупреждая Бату, что столкнулся с врагом, Субэдэй принялся активно готовиться к грядущему сражению. Тумен он вновь разделил на две части, всю гвардию передав под начало рвущегося в бой Кюльхана. Но к младшему сыну Темуджина старый сподвижник Покорителя вселенной относился вполне дружелюбно, в отличие от многих других приближенных и родственников великого хана. И понимая, что последний по горячности своей, по стремлению что-то доказать (пусть даже самому себе) может натворить глупостей, полезть вперед, попирая Ясу своего отца, Субэдэй решил поберечь горячего чингизида. Пусть вступит в бой тогда, когда это будет действительно необходимо, а пока выждет, укрывшись с гвардией за одним из речных изгибов!

Окружив себя соплеменниками-урянхаями, темник отправил навстречу врагу хорезмийцев и куманов. Причем если по льду двинулись легкие тюркские стрелки, а уже на некотором удалении от

них – бронированные хасс-гулямы, то кипчаки были вынуждены заранее спешиться, подняться на оба берега реки и углубиться в раскинувшиеся вдоль Прони леса. Нойон хорошо помнил, как часто орусуты устраивали засады по мере углубления орды в их земли, и был уверен: они попробуют снова. И если так, то половцы засаду обнаружат, а если нет, то сами обстреляют с берега безумцев, кто попытается преградить путь его ту мену!

– Странно...

Зябко потеряв руки, я в очередной раз с тревогой посмотрел на реку. Князь с двумя сотнями уцелевших в первой схватке ратников добрался до засады около полутора, а то и двух часов назад. По одному проводя жеребцов под уздцы узким перешейком между Царевым курганом и рекой, тогда еще свободным от «чеснока» (он настолько узок, что поначалу его никто и не собирался «минировать»), дружинники, не мудрствуя лукаво, построились за линией заграждения в качестве приманки. Правда, поначалу мало кто решился бы атаковать их через костер! Так что скорее Ратибор рассматривал старшую дружину князя в качестве мобильного резерва, но когда огонь прогорел, а противник так и не появился, посланные воеводой люди поспешно забросали снегом обуглившуюся по краям проталину. За неимением лопат набирали снег в плащи и, по двое схватившись за края, швыряли его прямо в полынью... Я вот, например, ожидая появления татар не то что с минуты на минуту, а скорее с секунды на секунду, не стал бы заморачиваться – просто потому, что был уверен: не успеем. Так нет же, успели! А вот татар все нет и нет...

И с одной стороны, это же хорошо. Очень хорошо! Ибо все время, которое мы отыгрываем здесь, на Прони, работает на жителей града, спешно покидающих его через единственные ворота – представляю, какой там возник затор и какая царит паника... Но с другой стороны, закрадываются уже совсем подозрительные сомнения: а ну как татары прознали о засаде и теперь готовятся ее как-то хитро уничтожить?! Ну или вовсе фантастическое из разряда: враг каким-то чудесным образом сумел нас обойти и теперь вышел в тылу, готовится атаковать со спины... Или вовсе идет на беззащитный город! Ну, практически беззащитный...

– Зараза!

До боли растерев озябшие руки так, чтобы наконец-то восстановилась полная чувствительность, я огляделся по сторонам, почувствовав вдруг острое желание с кем-то поговорить. Сбросить напряжение шуткой или же поделиться своими подозрениями... Хотя бы для того, чтобы со стороны услышать всю их бредовость и наконец успокоиться!

Но, увы, ни с кем из пяти сотен дружинников, коих мне выделили под начало, я близко не сошелся. Ни с сотенными головами, ни вообще... Но, во-первых, стремительный марш на лыжах не предполагал увеселительных бесед по душам – все старались успеть и одновременно с тем немного страшились предстоящего неравного сражения. Сколько живыми из него выйдет? Кто знает... Не сказать, что мы обречены, засада есть засада: нарубим, сколько сможем, настреляем, сколько успеем, да отступим. Обязательно отступим! Только вот не сразу, не под первым же серьезным натиском татар, так что потери наши будут не в пример выше, чем в декабрьских засадах на Прони... Но все же хоронить себя заживо не стоит, тем более что позиция у нас отличная, обороняться на высоком берегу можно словно на стене!

Ну а во-вторых, на стоянках крепко уставшие люди сил говорить уже банально не имели. У меня так еще и сильно ныла только-только успевшая зажить в Рязани нога... Да и на самом-то деле я все еще довольно болезненно переживал гибель Кречета и Ждана, чтобы попытаться с кем-то подружиться, зато сейчас вот стало все же немного жаль, что не успел ни с кем сойтись по душам.

Братья-полочане, идеальные кандидаты на роль ближников, затерялись где-то в ополчении, где они стали десятниками, времени искать их сегодня у меня не было, да и подставлять под удар соратников не захотелось... Сюда бы сейчас Микулу, да... Но следы богатыря-северянина, на плечи которого повесили заботу об отбитом у поганых полоне, затерялись где-то на бескрайних лесных просторах между Рязанью и Пронском. Дай Бог, чтобы у него все было хорошо...

Вдруг вспомнилось, что где-то в дружине Юрия Ингваревича ведь служил старший брат Егора, да вот как-то я даже и не справился о его судьбе. Зря, конечно, но, с другой стороны, он ведь для «носителя» родной, а для меня кто? Чужак. Хотя ведь в ту же сторожу я вроде нормально так вписался...

От рассеянных, обрывочных размышлений меня отвлек наконец-то показавшийся вдалеке отряд татар. С облегчением выдохнув – хоть какая-то определенность! – я, пока еще не приглушая голоса, отрывисто скомандовал:

– Тетивы на луки натянуть, брони, шелома надеть!

Достаточно долго все мы ждали, прежде чем снять с себя кольчуги да панцири да разоружить биокомпозиты. Но из-за нескольких килограммов давящего на плечи металла, да еще на морозе, когда без особого движения стоишь на месте, люди начали реально уставать... Впору уже костры разводить да горячее ставить вариться, пока татарва прочухается! Но, слава богу, до этого не дошло. Зато обед, съеденный в Пронске, уже наверняка утрясся!

Засуетились вой, изготавливаясь к бою, и я вместе со всеми. Наконец, облачившись в юшман и подпоясав его, вновь обратил свой взгляд на реку, где неспешно следуют к засаде поганые. Много поганых, хоть вот тьма, не тьма, так и не поймешь. Вполне может быть, что и ту-мен, просто поредевший числом.

С легкой тревогой я заострил внимание на том, что если впереди следуют привычные, знакомые всем нам легкие стрелки, то вторым эшелонном неторопливо продвигаются вперед тяжелые «рыцари» Хорезма – хасс-гулямы. Над головами их высится лес копий и развеваются знамена... В похожих на русские шлемы шишаках, из которых у многих нукеров торчат перья, а также в конструктивно и внешне схожих с дощатыми бронеми ламеллярных панцирях и кольчугах гулямы весьма смахивают на наших дружинников. Разве что чуть отличное у них вооружение – палаши и сабли заменяют мечи и чеканы (хотя последние имеются на вооружении и у мусульман, правда, в меньшем количестве). Плюс щиты выпуклой формы да лошади поменьше размерами, и с защитой последних у них поуже, хотя встречаются и стальные налобники, и кольчужные нагрудники.

Короче, противник далеко не самый простой, подготовленный именно для ближней схватки – при случае может и протаранить! Но... Если гулямы рванут вперед на княжьих гридей, лучшего и ждать не придется – все на льду и останутся: полоса «чеснока» ой какая широкая! А то и подо льдом...

Однако скорость татары не набирают, следуют шагом, не пытаясь разогнаться при виде спокойно ожидающих их дружинников. Ну так и

расстояние между ними пока полверсты с гаком! Доберутся – ускорятся.

И действительно, чем ближе становятся противники, тем все больше нетерпения проявляют нукеры Батыя. Наконец вперед вырываются несколько десятков конных лучников, перешедших на легкую рысь и устремившихся к дружинникам, стремительно сокращая разделяющее их расстояние. Я с досадой вздохнул: надеялся, что число атаковавших будет больше, а то и гулямы рванут вперед... Но нет. Первая проба сил – в сущности, комариный укус, тестовая проверка реакции...

Гриди замерли далее чем за сто метров от края полыньи – дистанция, превышающая убойную дальность полета стрелы, пусть даже последняя выпущена из монгольского биокомпозита. Так что поганые (явно непуганные и не сталкивавшиеся с нашими декабрьскими засадами) удачно доскакали до замаскированной проталины... Далее последовали громкий треск хрупкого, едва схватившегося после прожига льда, отчаянное ржание сразу нескольких лошадей и испуганные вопли наездников, вместе со скакунами провалившихся в ледяную воду!

Не успев затормозить, за горсткой вырвавшихся вперед несчастных в уже открывшуюся полынью провалилось еще несколько татар, но большая часть разведывательного отряда избежала бодрящего купания. Был бы он многочисленнее, и тогда бы потерявших скорость, замерших на месте лучников накрыл бы град стрел с обоих берегов! Но Ратибор, словно опытный игрок, проявляет выдержку, не раскрывая все козыри сразу...

– Половцы!!!

От заполошного крика, раздавшегося за моей спиной, у меня по телу побежали мурашки размером с приличный орех. Половцы? Как?! Где?! Отвернувшись от реки, я развернулся к чаще густого леса, рефлекторно наложив стрелу на тетиву, и действительно разглядел пробирающиеся через сугробы фигурки степняков в до боли знакомых стеганых халатах и малахаях. Реально половцы!

– Твою же ж... К бою!!!

Нельзя недооценивать противника, нельзя! Сколько успешных засад было уже подготовлено, и как-то привыкли уже, что неизменно удастся подвести поганых под удар! И ведь главное, не должна была

первая схватка с дружинниками натолкнуть татар на мысль о засаде, полевая же была схватка, лоб в лоб! Не должна, да, видать, натолкнула.

Более не пытаюсь размышлять, я выпустил первую стрелу, которая преодолела лишь две трети разделяющего нас с врагом расстояния. Сколько нукеров зашло к нам в тыл, неясно! И при этом собрать своих воев в кулак не представляется возможным. Ведь четыре сотни лучников я постарался растянуть в одну линию, причем разомкнутую, дабы избежать значительных потерь во время ответной стрельбы врага с реки. С реки! На которой из-за скученности татар не пропал бы даром ни один срезень, рухнувший на врага сверху! А в перестрелке между деревьями наши шансы, получается, равны...

Всего несколько секунд я оцениваю сложившуюся ситуацию: засада – по крайней мере, моей группы – раскрыта, и враг уже знает, что далее по льду не пройти. Численность половцев по-прежнему неизвестна, но в ближнем бою, да еще пешими, они не противники даже моим лучникам! И опять же, показались поганые пока только с дальнего от проталины края...

Приняв решение, я заорал во всю мощь глотки, надеясь, что даже если не услышат клич, то передадут его по цепочке:

– Сотни Мала и Тихомира – стрелять по конным лучникам! Расчеты стрелометов – бейте в сторону гулямов, покуда сулицы долетают! Вой Лабута и Володара – становимся на лыжи, и вперед, рубить поганых!!! Се-ве-е-е-р-р-р-р!!!

Увы, рязанцы мой клич не подхватили, зато мощно грянули в ответ:

– Бе-е-е-е-ей!!!

И практически сразу отозвались поганые:

– Ху-р-р-р-а-а-а-а!!!

Запрыгнуть на лыжи, вдев ноги в пусть примитивные, зато и простые крепления – десяток секунд от силы. Отбросить лук, оголить саблю, подхватить стоящий у дерева щит – еще пяток, но все действия выполняются одновременно. Управлять схваткой, учитывая рассеянность стрелков, в настоящий момент практически невозможно, тут добежать бы до врага да самому вступить в бой! И ведь в этом есть своя прелесть... Страха нет, зато боевого азарта и ярости – выше крыши!

На заряде адреналина я проскочил разделяющие нас с медленно движущимися навстречу половцами полтора метра секунд за тридцать от силы – все-таки пришлось двигаться по целине, а не накатанной лыжне! За это время враг даже не пытался обстрелять нас навесом, а начал бить метров с тридцати, но уже прицельно, прямыми выстрелами. На мою долю выпало два срезня – один ударил точно в щит, второй вскользь задел кольчужный подол у левого бедра. А потом передо мной вдруг резко вырос половец, раззявивший крик в устрашающем и одновременно с тем отчаянном крике... Удар!

Принимаю вражеский клинок на щит и, освобождая ноги из крепления лыж, правой стопой тут же проваливаюсь в снег примерно до середины голени. Непроизвольно теряю равновесие... Но, не растерявшись, тут же припадаю на колено, пропустив вторую атаку над головой, и, перекрывшись щитом сверху, наотмашь рублю прямо перед собой! Сабля рассекает стеганный халат ниже выпуклого степного щита, обтянутого красной кожей; противник мой оглушительно закричал от боли, покачнувшись, а затем и вовсе рухнув на спину. На совесть наточенное лезвие моего клинка густо измазано кровью...

Короткий взмах, «удар милосердия», но тут очередной срезень, пущенный в упор, тяжело бьет меня справа в живот! От неожиданности и боли я вновь приседаю, сжимаюсь, но в основном от ужаса: угоди стрела чуть ниже, в кольчужные кольца, и на такой дистанции она бы их порвала! Еще один срезень угодил в щит, а следом на меня ринулся третий противник, намеревающийся атаковать со спины слева!

Страх, обострившиеся инстинкты, страстное желание победить – они скопом придают мне сил и подсказывают правильное решение. Резко распрямившись, я стремительно шагаю вперед и вправо, к высокой прямой сосне, после чего резко разворачиваюсь к новому противнику, прижавшись к древесному стволу спиной. Но ринувшийся на меня половец, уже замахнувшись, без звука заваливается вперед с рассеченной молодецким ударом шеей! Подлетевший к нему на лыжах дружинник лихо сразил врага топором! А то, что ударил в спину, так это ж битва, а не дуэль или хольмганг, правил нет...

Однако в следующий же миг с отчаянным воплем упал и пришедший мне на выручку русич – метко пущенный срезень угодил

ему в лицо. И острое сожаление в моей душе тут же сменил буйно вспыхнувший гнев:

– Тварь!!!

Выскочив из-за дерева, я со всех ног рванул к лучнику, отстоящему от сосны всего на десять шагов. При этом щитом перекрылся так, чтобы верхняя его кромка замерла у самых глаз... И когда половец вновь вскинул лук и пустил в полет очередной срезень, целя в мои ноги, я успел среагировать и присесть, все также приняв стрелу на щит. Последнюю стрелу...

Не обращая внимания на проваливающиеся в снег ступни, я добежал до татарина, отбросившего биокомпозит в сторону и успевшего выхватить из ножен собственную саблю. Но, резко ударив щитом навстречу, я вложил в толчок вес тела в разбеге и буквально сшиб врага с ног! А встать кипчак уже не успел – мой клинок буквально пригвоздил его к земле...

– Бей!!!

Глава 22

– Господин! Кипчаки натолкнулись на засаду орусотов на высоком берегу! При этом враг обрушил на хорезмийцев сотни срезней, а по гулямам ударил из тяжелых стрелометов. Кюганы вывели нукеров из-под обстрела, не желая напрасных потерь... Река же целиком пересечена растопленной прорубью, до того прикрытой снегом. Первые доскакавшие до нее всадники провалились под лед!

Субэдэй лишь довольно сощурился, слегка кивнув – не иначе как своим мыслям. Будто нойона нисколько не смутила засада, а наоборот, он ей обрадовался... Впрочем, ведь так оно и есть.

Вслух же темник спросил туаджи:

– А что на втором берегу? Там, где высится холм, засада обнаружена?

Посыльный-урянхай широко раскрыл свои узкие от природы глаза, поспешно ответив:

– Нет, господин! Кипчаки еще не добрались до него!

Субэдэй резко бросил:

– Так передай им, чтобы поспешали, если не хотят наказания за трусость, сурового наказания! Орусоты не могли не занять его, слишком удобное место, чтобы обрушить стрелы сверху... Также сообщи кюганам хорезмийцев мою волю: пусть их нукеры спешатся и поднимаются на оба берега, пусть помогут уже вступившим в бой кипчакам.

Посыльный поспешно склонил голову:

– Слушаюсь, господин!

– Бей!!!

Жарко выдохнув всего одно слово – единственное, что я повторяю за последние полчаса, – я шагнул навстречу к очередному противнику. Далеко не простой половец, в кольчуге и шлеме, к тому же искусно владеющий саблей – он успел сразить двух дружинников, прежде чем столкнулся со мной!

Жадно глотнув воздух, пытаюсь хоть как-то восстановить дыхание и резко выбрасываю вперед правую руку, целя острием сабли

в голову врага! Но кипчак легко читает столь откровенную атаку и парирует выпад щитом, отведя им клинок в сторону... И тут же рубит в ответ! Не столько увидев, сколько почувствовав движение полетевшей в мою голову отточенной стали, я успеваю присесть и вжать голову в плечи...

Удар! В голове гудит, я теряю равновесие и падаю на колени, но тут же поднимаю щит. Вовремя! Его сразу же потрянуло от повторной, добивающей атаки... Крепкий ребристый шлем спас меня от смерти, но рубанул степняк щедро, от души, отравив меня в легкий нокдаун. Зря я полез вперед так прямо – да устал, задышал, поспешил...

Тяжелый толчок ноги сбивает меня на снег, и пальцы левой невольно разжимаются от резкого удара о землю, выпустив внутреннюю перекладину щита. А степняк уже шагнул ко мне, намереваясь добить... Однако я успеваю наотмашь рубануть саблей по вражескому клинку, парировав укол половца у самой груди! После чего цепляю носком левой переднюю ногу противника в районе щиколотки и что есть силы бью стопой правой, целя в его коленный сустав...

Вскрикнув от боли, кипчак рухнул на снег, я же, наоборот, вскочил со всей возможной поспешностью! Мгновение спустя, однако, поднимается и половец, перекатом уйдя от моего удара, вспоровшего лишь снег! Враг встает, с некоторым трудом опираясь на травмированную ногу, но все же встает, сумев удержать в руках и щит, и оружие.

– Бей!!!

Хрипло выдохнув и стремительно крутанув клинок над головой, я рублю по защите половца, оставив на обтягивающей щит коже глубокую борозду. Атака не опасная, а призванная спровоцировать врага на ответные действия – и поганый, яростно оскалившись, действительно рубит в ответ! Но рухнувшую сверху саблю половца встречает заранее подставленный под нее блок развернутого плоскостью клинка. И тут же я резко контратакую, естественным движением переводя блок в рубящий сверху вниз удар сабли, нацеленный на вооруженную кисть противника!

Враг отдернул руку, но уже самым острием я зацепил ее, физически ощутив сопротивление плоти наточенному лезвию! Половец вновь вскрикнул и все-таки выронил оружие... Я же, бросившись вперед, успеваю схватиться за верхнюю кромку

выпуклого щита и резко дергаю его на себя! Поганый раскрывается, а главное, теряет устойчивость и шагает левой далеко вперед, чтобы восстановить равновесие... Мне даже не нужно подшагивать, чтобы резким ударом правой высечь опорную ногу, поймав поганого на движении! Кипчак ожидаемо падает на спину, а сверху уже на его горло падает моя сабля...

– Бей...

Удивляясь собственной везучести – в поединок в любой момент могли вмешаться и другие степняки, – я сколь возможно быстро шагаю к выроненному, уже крепко потрескавшемуся за сегодня щиту. И лишь подняв его, почувствовав в левой руке привычную тяжесть надежной защиты, немного успокоился, привалившись к стволу ближнего дерева.

Как я и думал, управлять хаотичной схваткой под сенью деревьев практически невозможно, но, поначалу отбросив половцев, сейчас рязанцы несут ощутимые потери под натиском превосходящих сил врага. Пусть дружинники и лучше защищены, и крепче бьются, но в одиночных схватках (а зачастую в драках один против двух, а то и против трех) мы теряем главное преимущество – преимущество строя. И если поначалу мне казалось, что, сбив неповоротливую «черепуху», мы просто не догоним отступающего от нее врага, обстреливающего дружинников на безопасном для себя расстоянии, то теперь сбить строй просто жизненно необходимо! Тем более что времени работающим по целям на реке лучникам мы выиграли более чем достаточно...

– Отходим, отходим назад! Смыкаем щиты и отходим назад! Быстрее!!!

Ратибор с горечью смотрел вниз – туда, где половцы плотной толпой полезли на Царев холм, схлестнувшись с его защитниками. Засада явно не удалась – враг не уткнулся в затор на реке, не попытался обойти курган по перешейку, отделяющему его от глухой чащи. В этот раз поганые оказались умнее, послав спешенных степняков по обоим берегам реки... Но ведь из-за этого же враг замедлился, потерял время! А потому сейчас стоит отступить, как это делали русичи раньше. Все одно татарам придется повозиться, прежде чем они минуют полосу густо рассеянных и на снегу, и на речном льду железных рогулек!

Поразмыслив, воевода отправил вниз сразу трех гонцов. Одного – к князю, с просьбой Михаилу Всеволодовичу отступить: враг задержан, и лучше вновь попытаться перекрыть реку поближе к городу. Пусть засада уже не получится, но тяжелые гриди задержат врага на льду, в то время как многочисленные лучники, уже не таясь, поддержат стрельбой с обоих берегов!

Второй же гонец отправился к замершим у перешейка в засаде рязанским лучникам и собственным пронским воям. Стрелкам он должен передать приказ двигаться на лыжах вслед за княжьей дружиной, копейщиков же призвал подниматься на холм. Удар свежих ратников отбросит кипчаков, позволит уцелевшим лучникам и службе станковых стрелометов своевременно отступить!

Ну а третьему гонцу предстоял самый долгий путь – ему предстоит обогнуть линию заграждения на Прони и подняться наверх по крутым льдистым склонам высокого берега. А приказ... Приказ для ратников тот же самый – ударить по поганым, чтобы и пронские, и рязанские лучники смогли уйти на лыжах. После отступить и самим – если удастся...

Отдав необходимые распоряжения, Ратибор обратил свой взгляд на лед Прони, усеянный телами павших поганых. Все же засада хотя бы частично сработала: от стрел рязанцев, обрушивших с высокого берега на врага град срезней, погибло под сотню татарских конных лучников. Еще десяток-другой уже тяжелых всадников перебили сулицы станковых стрелометов... Ну, хоть что-то.

Мне удалось собрать вокруг себя где-то с полсотни ратников, с которыми мы сейчас и пятимся назад, выстроив отдаленное подобие «черепахи». Нам сильно мешают глубокий снег и деревья, не позволяющие сбить полноценную стену щитов, а потому пусть очень редко, но половецкие срезни все же находят свои цели в то и дело появляющихся брешах. А вот кидаться в лоб на щиты русичей поганые давно не пробуют – уже ученые! Пытались поначалу, почувствовав азарт преследования, да только потеряв нескольких нукеров разом, зарубленных секирами или пронзенных мечами, отхлынули, не сумев пробить наш строй. Теперь вот бьют издалека срезнями...

Но и наши отвечают врагу. Если первые две сотни воев, отбросив татар первым ударом, завязли в ближней схватке, вскоре

ставшей неравной, и отступили, потеряв три четверти личного состава (все же степняков оказалось сильно больше – впрочем, как и их потерь в сече с рязанцами!), то оставшиеся лучники, проредив всадников на реке, втянулись в перестрелку с половцами. Так что потери от срезней есть с обеих сторон...

Я двигаюсь чуть позади строя ратников – невидимый для врага, а потому пока еще целый. Хотя собственный щит приходится все время держать над головой... Зато у меня неплохой обзор – по крайней мере, лучший, чем у воев, вынужденных пятиться, сцепив края своих щитов с щитами соратников. И очевидно, именно поэтому я успел разглядеть новую опасность раньше других, внутренне похолодев от ужаса и тут же начав приказывать хриплым от волнения голосом, рискуя сорваться на визг:

– Остановились! Остановились, кому сказал! В два ряда переходим, в два ряда – и крылья загибаем внутрь! Внутрь загибаем, чтобы получился полукруг... Стоим!!!

Плотная группа спешенных гулямов, поднявшихся на наш берег, стремительно (насколько это возможно по глубокому снегу) приближается к моей полусотне, воздев над головами собственные щиты и цепко сжимая обнаженные клинки в руках. Ну хоть копий с собой не прихватили – небось неудобно с ними было взбираться на заснеженный берег, а то бы получился уже полный швах.

Но встречи с «минным полем» из «чеснока» новый враг, по всей видимости, избежал – очевидно, взбирались они наверх в стороне от позиций моих стрелков, докуда мы железные рогульки просто не донесли... А жаль, крепко жаль!

Несколько поганых все же падают на землю, когда сверху на них обрушились стрелы с гранеными, шиловидными и долотовидными наконечниками – первые и вторые хорошо работают против кольчуг и прочих доспехов, а третьи раскалывают щиты... Но остановить натиск хасс-гулямов не особо плотный обстрел не смог.

– Стоим!!!

– Хур-р-ра-а-а!!!

Вороги, устремившиеся к замершей на месте стене щитов, покрыли разделяющее нас расстояние в считанные секунды. Удар! С грохотом врезались друг в друга щиты – и подались назад русичи,

одновременно с тем обрушив на мусульман частые удары топоров и мечей...

– Стоим!!!

Хрустит дерево под тяжелыми ударами отточенной стали, падают мужи с обеих сторон, но держится строй русичей, устояв под первым натиском, держится!

Противник чуть отхлынул – и снова бросился вперед, на сцепленные щиты! И с тем же результатом... Однако несколько хассгулямов принялись обтекать полукруг рязанских дружинников на загнутых внутрь флангах, стремясь зайти гридям в тыл. Впрочем, один за другим пятеро поганых рухнули, пронзенные стрелами, прилетевшими из-за моей спины! Еще двум, самым удачливым, перегородил дорогу уже я, краем глаза заметив третьего, показавшегося уже слева и двинувшегося вслед за мной, намереваясь ударить в спину...

– Бей...

Перекинув щит за спину, левой я стиснул древко чекана и потянул его из-за пояса, одновременно с тем шагнув навстречу двум противникам, сжимающим в руках палаши. Они заходят справа от меня, причем один вырвался чуть вперед...

Еще один шаг, третий, четвертый, а затем я срываюсь на бег, насколько возможно быстро устремившись к свирепо оскалившемуся хорезмийцу! При этом буквально физически ощущая, как со спины стремительно приближается ко мне третий враг...

Резко затормозив всего за пару шагов от ближнего поганого, я что есть силы метнул топор в лицо противника! Бросок левой руки получается корявым, неточным, и чекан в итоге бьет поганого в район живота, причем обратной стороной бойка, но торчащий из него клевец все же вонзается в дерево защиты!

Впрочем, это и неважно: бросок должен был лишь отвлечь врага, и мне удалось задуманное. Отправив топор в полет, я тут же шагнул навстречу к хорезмийцу, присел и от души рубанул по голени выставленной вперед левой ноги, перетянув ее саблей слева направо! Гулям зарычал, словно раненый медведь, припав на раненую конечность... А я, распрямившись и развернувшись к поганому боком, обратным ударом справа налево перехлестнул его шею острием клинка! Первый...

Я оказался между двух огней – оба оставшихся татарина практически поравнялись со мной... Сердце бьется от страха загнанным зайцем! Но, разогрев себя удачным началом схватки и набрав темп, я не позволил страху сковать тело, парализовать его – наоборот, я использую страх, черпаю в нем силы, чтобы выжить! И сейчас, оказавшись едва ли не в безвыходной ситуации, все же успеваю среагировать, кувыркнувшись навстречу врагу, преследующему меня сзади! Его клинок со свистом рассек воздух над моей головой, а я, закончив кувырок и замерев на коленях, резко выбрасываю правую руку в прямом выпаде! Древнерусская сабля, более напоминающая казачью шашку и способная наносить полноценные колющие удары, пробилла узким острием кольчужные кольца вражеской защиты чуть выше пояса, с правой, не прикрытой кромкой щита стороны... И вошла в тело противника на добрую треть клинка. Второй...

Освободив оружие и выпрямившись, я едва успеваю поставить блок под палаш третьего врага, а мгновение спустя разжимаю пальцы правой от резкой боли! Сблизившись со мной, гулям умело ударил щитом навстречу, удачно попав стальным умбоном по вооруженной кисти и обезоружив меня... Выронив саблю, я рефлекторно отшатнулся от татарина, едва не дотянувшегося клинком до моего горла! Правда, чересчур размашистый удар потянул хорезмийца за собой, чуть развернув его вправо и подарив мне крохотный шанс...

Стремительный шаг влево-вперед, перенос веса тела на левую ногу, а стопу правой я топчущим ударом вгоняю в коленный сустав правой же ноги поганого! Ничем не сдерживаемый удар выходит на славу – конечность хорезмийца складывается пополам с оглушительным хлопком, подобным хрусту переломленного дерева... Кричать он начинает только спустя секунду, пытаясь отмахнуться от меня палашом, а я уже и не лезу на рожон, отступив от врага и дав возможность лучникам добить его. Третий...

Жадно вдохнув воздух после короткой схватки, я как можно скорее подхватываю собственную саблю с земли, потянув через плечо щит и с опаской поглядывая по сторонам. Но новых врагов, кто успел бы обойти Дружинников, пока еще сдерживающих напор гулямов, все еще нет. Зато слева я неожиданно для себя замечаю движение крупного отряда пронских дружинников...

В следующий миг лес огласил громогласный рев русичей, летящих во фланг хорезмийцам:

– Бе-е-е-ей!!!

Противник успевает перегруппироваться, развернувшись к новой опасности и сумев даже построить что-то вроде собственной стены щитов. Вот только нас гулямы проигнорировали совершенно зря! Хищно оскалившись, я что есть силы громко взревел, обращаясь ко своим:

– Клином стройсь! Клином!!!

Сам я прохожу вперед, вскоре оказавшись на острие атакующей формации, известной у викингов и варягов как «кабанья голова». Поганые замечают перестроение, принимаются растягивать свой строй и в нашу сторону... Но уже не успевают – плотная масса пронских гридей наконец-то врезается в щиты татар! Причем они атаковали также клином и потому проломили строй отличных наездников, но не особо умелых в пешей схватке тюркских тяжелых всадников.

– Бе-е-е-ей!!!

Во всю мощь легких выкрикнув и боевой клич, и одновременно приказ, я первым срываюсь на тяжелый бег по уже утопанному перед нами снегу, держа щит перед собой, и уже всего через несколько секунд врезаюсь в преградившего мне дорогу противника! Он бы, может, и устоял, но мгновение спустя мне самому в спину врезаются щиты напирающих сзади гридей, передавая инерцию атаки едва ли не всего клина! Гулям падает, сам я, едва сохранив равновесие, продолжаю бег и на очередном шаге что есть силы рублю по шее отвернувшегося к Пронским воям хорезмийца... Враг рухнул на колени и тут же завалился на спину. А вставший на его место русич бешено закричал:

– Уходите! Уходите, мы прикроем! Уходите!!!

Глава 23

Князь Михаил Всеволодович с надеждой посмотрел на запад – туда, где небесное светило уже клонилось к кромке деревьев, меняя свой цвет с желтого на благородный багрянец. И это хорошо, очень хорошо: ведь ночью татары не смогут продолжить бой. Хотя бы потому, что невозможно стрелять – не видно, куда летит стрела, во врага или же в соратника. Да и в полуслепой рукопашной схватке очень легко перестать различать, где свои, а где чужие...

И все же до заката еще есть время, да и потом искрящая белизна снежного покрова подарит несколько лишних мгновений жизни световому дню. Мгновений, что станут для кого-то роковыми...

Гонец, заранее отправленный в Пронск, вернулся с неутешительными вестями: исход горожан из города замедлился, град покинуло не более половины жителей. Увы, новость о том, что татары подходят к крепости, кажущейся большинству мирных людей все такой же неприступной (а много понимают те же бабы в осаде и обороне крепостей?), и что Пронск нужно срочно покинуть, вызвала панику. При этом одни были готовы бежать (и бежали!) чуть ли не в исподнем, забывая подготовить и взять с собой даже малый запас еды. Иные же, наоборот, с великим трудом расставались с нажитым годами имуществом, с домами, в которые было вложено столько сил, и потому пытались вывезти все! Причем ведь не только еду и запас необходимой одежды, но и девичье приданое, и весь отцовский инструмент, и горшки, и прочий скарб...

Этих людей можно понять – им предстояло лишиться всего, в одночасье потерять дом! Но не жизнь. А вот именно свои жизни (и не только свои!) эти люди и подставили под удар, создав у единственных ворот, ведущих с холма, жуткий затор... Его пришлось разгонять дружинникам, которые сгоряча переворачивали телеги с хламом, вступали в драки с возмущенными хозяевами... А ведь есть и те, кому необходимо вывезти из обреченной крепости больных родителей, детей, не до конца окрепших раненых! По уму их стоило спасти первыми, но ведь ни у Мирослава, ни у кого прочего из дружины не

было опыта организации массового бегства из города, до того принявшего тысячи беженцев!

И что самое страшное, в сбившейся в заторе толпе находились отчаянные трусы, передающие окружающим свой страх. С завидной регулярностью раздавались истеричные выкрики «татары идут!», повторявшиеся несколько раз. И в первые два раза эти безумные вопли вызвали дикую панику, кончившуюся тем, что нескольких человек, в том числе и малых детей, просто подавила ошалевшая от ужаса толпа, бросившаяся во все стороны от ворот...

С тяжелым сердцем выслушал эти черные вести Михаил Всеволодович – гонец вынужденно изложил все подробности, когда взбешенный нерасторопностью Мирослава князь потребовал уточнить, почему за столько часов еще не всех людей вывели из Пронска! Ну а узнав все как есть, Михаил понял для себя простую вещь: пути назад у него нет. По крайней мере, пока поганые не отступятся от русичей с наступлением темноты или же пока последний дружинник не падет замертво на лед под ударами татарских сабель...

Мало осталось гридей, всего две сотни, и копыя имеются лишь у трети дружинников... Зато враг не сможет перебить всадников (или хотя бы их жеребцов) стрелами – на обоих берегах Прони выстроились сотни лучников Рязани и Пронска! Их уцелело заметно больше ратников, прикрывших общий отход русичей, – три с половиной сотни рязанцев да еще три сотни его собственных стрелков во главе с Ратибором. Удалось даже забрать шестнадцать станковых стрелометов – в обмен на жизни двух сотен копейщиков и секироносцев, до последнего сдерживающих многочисленных поганых на остриях пик, отгоняющих их размашистыми ударами топоров...

Да, не оправдала себя засада, но хотя бы замедлила движение нехристей. А теперь уже никакой засады и не получится, открытое место, но это и хорошо: многочисленные лучники русичей загодя встретят врага залпами сотен срезней. Правда, запас последних заметно истончился, и не только потому, что так часто били по поганым у Царева холма. Увы, большинство тугих вязанок со стрелами, привезенных на сожженных впоследствии саях, забрать с собой при спешном бегстве не удалось, и теперь вой располагают лишь запасом в собственных колчанах... То есть в среднем по два десятка на брата. И рогулек железных тоже ведь не осталось – вообще!

Впрочем, его гриди и так замерзли! Пора бы уже вновь явить молодецкую удаль татарам! А те уже вон тут как тут, показались впереди на речном льду...

С удивительно мягкой улыбкой князь закрыл глаза и подставил свое лицо лучам солнца, испытывая при этом мстительное удовлетворение: все-таки долго провозились вороги с полосой железных рогулек, очень долго! А еще Михаил Всеволодович не мог не радоваться тому, что страха в настоящий миг не испытывал никакого – вообще никакого... После того как он узнал о трудностях спасения горожан из Пронска, узнал о подавленных в панике детишках, так и отступил весь страх, отступил перед ненавистью к источнику бед русичей... К татарам. Впрочем, кто знает, может, чуть позже страх и вернется. Может быть...

– Приготовились! По моей команде... Бей!!!

Моему отрывистому крику вторят дружные хлопки тугой тетивы каждого из семи тяжелых стрелометов, отправляющих сулицы на полтора перестрела, как принято говорить у местных. А спустя всего пару секунд схожие хлопки слышались и с противоположного берега...

Короткие копья ударили в гущу вырвавшихся вперед всадников, сметая их, опрокидывая на лед вместе с лошадьми, прошивая тела половцев насквозь и застревая в следующих позади поганных! Ответом нам стали дикий крик тяжелораненых и изувеченных татар, а также истошное ржание покалеченных животных...

Свое первое слово мы сказали, и командующий передовым отрядом степняков верно понял сложившийся расклад. Очевидно, он осознал, что с берега мы имеем явное преимущество в стрельбе, а его нукеры на реке, наоборот, слишком скученны, и противостоять нам смогут лучники лишь в самой голове колонны. Так что весь тумен в пределах видимости замер на месте, а после спешенные стрелки густо полезли на оба берега реки.

Оглядевшись по сторонам, с неудовольствием разглядев выражение безграничной усталости на лицах большинства воев (впрочем, я и сам едва ли не до доньшка высушен, после драки-то и уже трех за день марш-бросков), я нарочито бодрым голосом закричал, стараясь хоть немного встряхнуть людей:

– Солнце скоро сядет, братцы, а в темноте татары драться не смогут! Уже немного осталось нам! Неужели не сдюжим?! А уж там рванем на лыжах отсюда – так рванем, что никто не догонит! Последняя для нас эта схватка. Слышите? Последняя! Уходит враг, ничего с нами поделаться не смог – и уходит! Мы уже победили! Победили!!! А сейчас проводим поганных как следует, чтобы вернуться на Русь и не подумали! Чтобы они страшной северной землей орусотов детей своих пугали! Пусть она навсегда останется для них злой!!!

– Гойда-а-а-а!!!

Оживились дружинники немножко, засветились их глаза, заиграли недобрым огнем... Это хорошо.

– Братцы, в каждой десятке ведь есть лучшие лучники. Так пусть лучшие берут себе по два колчана стрел, а оставшиеся их прикроют щитами – нужно надвое поделиться, и быстро! Десятники и сотники, определите людей!

И кому по врагу бить, воткните срезни в снег перед собой, чтобы поднимать их сподручнее!

Вой тотчас засуетились, послышались отрывистые приказы командиров, а я вновь закричал, надрывая голосовые связки:

– Сотня Мала целиком строится вдоль берега, прикрывает княжеский отряд. Коли начнут насаждать на дружину поганные, отсекайте их. И возьмите себе все бронебойные стрелы, да с долотовидными и шиловидными наконечниками, и поодаль встаньте от нас, чтобы татары вас не достали! Хотя бы не сразу... Остальные – лицом к врагу, что по берегу пойдет! Стрелометы ставим за спинами тех, кому со спешенными погаными ратоваться – через головы их по нехристям бить станете!

Продолжительная заминка, связанная с растопленным на реке льдом и разбросанными у берега шипами, сильно разозлила Субэдэя. Поняв, что засада обнаружена, орусуты поспешили отступить на лыжах и сумели-таки оторваться от погони! А вот нукеры нойона были вынуждены еще долго собирать шипы и рубить промерзшие деревья, расчищая тумену дорогу...

Но все это в прошлом, и пусть тьма сильно замедлилась и растянулась так, что монгольская гвардия во главе с Кюльханом

только-только миновала место засады, передовые тысячи кипчаков и хорезмийцев сумели вырваться вперед.

Темник гнал их без жалости, надеясь упредить очередную засаду орусутов, не дать им вновь подготовиться, и тут вдруг впереди, на открытой местности показалось воинство врага. Не особо, к слову, и многочисленное... Впрочем, способное показать зубы.

Головной дозор кипчаков попал под удар вражеских стрелометов на расстоянии, недостижимом даже для самых умелых лучников! Но не наличие пороков смутило Субэдэя, вовсе нет... Не мог поверить старый лис, ожидавший очередной засады где-нибудь на лесном участке, более вдумчивой и подготовленной (именно чтобы предупредить ее, он спешно гнал нукеров вперед), что горстка орусутов решилась в открытую мериться силами! А когда поверил, то понял и другое: враг вступает в бой вынужденно, стараясь из последних сил замедлить продвижение орды. Догадливый нойон правильно предположил, что это как-то связано с Пронском, и решил, что не позволит орусутам выиграть время!

Потому по его приказу на оба берега реки поднялись едва ли не все кипчацкие и тюркские лучники, лишь малый отряд всадников стремительно поскакал навстречу противнику, перегородившему реку всего парой сотен батыров. Они должны доскакать практически до врага и тут же развернуться обратно, проверив, есть ли еще на льду шипы или проталины.

А вот следом за легкими, быстрыми стрелками двинулась вперед вся полуторатысячная масса хасс-гулямов и кипчаков-хошучи...

Страх так и не вернулся. Михаил Пронский со спокойным сердцем наблюдал, как рысит к его грядям отряд конных лучников, не доскакавший до дружины даже половины разделяющего их расстояния – рязанская сотня с легкостью перебила половцев. А разглядев за дозором многочисленную толпу поганых уже покрепче, в бронях и на более крупных лошадях, князь отвел дружину назад на сто шагов, дав врагу сделать первый шаг. Поскачут ли вперед, под стрелы русичей? Рискнут ли копытами своих коней проверить, есть ли еще на льду железные рогульки, или нет?! Или же замедлятся, развернут скакунов, отправив разведать вперед, что да как, еще один малый отряд? Или же

вовсе станут ждать, пока ордынские стрелки потеснят воев на обоих берегах?!

Нет, ждать не стали. И хотя спешенные поганые уже вплотную подступили к лучникам ручисей, отправляя в них тысячи срезней, татарские батыры принялись немедленно набирать ход – всей своей многочисленной ратью!

Об одном лишь пожалел Михаил Всеволодович в сей миг – что не осталось рогулек, что не хватило времени растопить лед и нет ничего, что послужило бы поганым преградой... Впрочем, почему же нет?! Копья, мечи и щиты его храбрых дружинников разве чем-то хуже? Оглянувшись на гридей, чей смертный час, видно, наконец-то настал, князь обратился к ним с последней речью:

– Вы все знаете, други мои верные, братья мои названные... Вы знаете, за что биться нам, за что помирать: за спиной остались семьи каждого из нас. И родные в нас верят... Я никогда не знал более храбрых воев, чем вы! И Пронск никогда не знал лучшей дружины! Для меня великая слава вступить в последнюю брань вместе с вами!

– Гойда-а-а!!!

Улыбнувшись бодрому, яростному кличу дружинников, Михаил Пронский потянул из ножен меч и развернулся лицом к врагу:

– Мертвые сраму не имут, братья, и смерть лучше полона – вот слова князя Святослава! Помните о них сейчас и не забудьте в сече... Нет поганым пощады! Бе-е-е-ей!!!

– Бе-е-е-ей!!!

Над рекой яростно прогремел боевой клич пронских гридей, устремившихся навстречу гулямам, а на последних уже обрушился град бронебойных стрел с высокого берега, ударили в плотную толпу хорезмийцев пущенные стрелометами Ратибора сулицы... Десятки нукеров пали в один миг, а спустя всего несколько мгновений обрушилась на нехристей еще сотня стрел! Лучники Мала принялись бить по врагу как заведенные, нанося поганым немалый урон, но все же неспособные остановить атаку ордынцев...

Четыре раза успела дать дружные залпы сотня рязанцев, а затем с грохотом схлестнулись две волны тяжелых всадников! Но у русичей жеребцы-то покрепче да повыше, и первые ряды гулямов, к тому же замедлившихся из-за обстрела, они смяли! Впрочем, вскоре завязнув в густой массе хорезмийцев...

Михаил Всеволодович умело отвел клинком целящий в грудь наконечник вражеского копья, в последний миг уведя жеребца в сторону и от души рубанув навстречу – отсеченная голова противника от сильного удара аж подлетела в воздух! Следующего нукера он пронзил вытянутым вперед мечом на сшибке, будто копьем... Вот только застрял меч в теле врага, и тогда пришлось князю выхватить уже привычный ему чекан. Загрохотал топор по вражеским щитам, заполнилось ревом и яростными криками сражающихся, звоном стали и треском дерева все пространство вокруг, оглушая молодого воина, – впервые он сошелся с практически равным противником! И ведь сумел показать себя, не растерялся в схватке, сразил нескольких поганых!

Сразил прежде, чем стремительный росчерк вражеской сабли, ослепившей князя пойманным на лезвие лучом заходящего солнца (едва ли не последним!), потушил свет в его глазах...

Ратибор успел построить своих людей так же, как это сделал тысяцкий рязанцев, прикрыв лучших лучников воями со щитами. На первых порах это серьезно помогло русичам, перестреливающимся с многочисленными татарами, но когда в схватку вступило впятеро больше поганых, из-за плотного ливня падающих сверху срезней отвечать стало практически невозможно. Щитоносцы были вынуждены строить стену, сбившись в плотную группу, не менее половины лучников также подняли щиты над головами. И теперь они огрызались, лишь на короткое мгновение раскрывая панцирь «черепahi», чтобы отправить в полет уже наложенные на тетивы срезни...

Воевода вел неравный бой и не мог все время следить за схваткой на реке, но, бросив на лед Прони очередной взгляд, он успел разглядеть, как подрубили княжеский стяг с ликом Спасителя, заметил, как истончилась уже цепочка гридей, бешено рубящихся с гулямами... Понимая, что сотни пещцев хватит построиться на реке едва ли в полтора ряда и что задержат врага они на считанные мгновения, он все же решил подарить эти мгновения жителям града. Хотя ратники пригодились бы и его лучникам, чтобы усилить стену или прикрыть отход...

– Горазд, веди свою сотню на реку! Становитесь сразу за дружинниками – так поганые не успеют разгона взять!

– Твою же ж!!!

Очередного чувствительного удара вражеского срезня защита не выдержала: верхняя доска у умбона лопнула, и верный щит, выдержавший за сегодня бесчисленное множество ударов (и крепко потрескавшийся), начал буквально рассыпаться.

– Прикрой!

Отступаю назад, меняясь со стоящим позади стрелком, перед которым я держал стенку, оглядываюсь: до лыж осталось шагов тридцать, не более. Я специально приказал оставить их позади строя на расстоянии метров ста, ведь коли бы пришлось дергать с простреливаемой ворогом позиции, так срезни поганых положили бы треть людей. А теперь у нас вроде есть шанс успеть вдеть ноги в лыжи прежде, чем туча стрел истыкает нас, словно иголки подушку для булавок! Хотя поганые неотступно преследуют нас, но все же пока немного отстали, не пристрелялись... Надеюсь, что и не успеют!

– Все, братцы, бегом к лыжам, бегом!!!

Рванув от мгновенно развалившейся «черепахи», я перекинул через плечо ремень беспощадно размочаленного щита, вернее сказать даже, его останки (но вот именно сейчас дополнительная защита моей спине лишней не будет!), и вместе со всеми рванул к спасительным лыжам, с каждым шагом разрывая предельную дистанцию убойного полета срезня, которую гриди до поры выдерживали!

Что могли, мы сделали. У лучников вон по две, максимум три стрелы осталось в колчанах, а стрелометы обслуга успела разбить, забрав немногие неиспользованные сулицы с собой. Щедро мы пустили сегодня кровь татарам, щедро! Правда, и своей русичи пролили...

Схватка на реке уже завершилась: буквально продавив тонкую цепочку копейщиков, гулямы прорвались за нее, оставив на льду едва ли не половину отряда... Дорого же им далась схватка лоб в лоб с дружинниками, коих они не могли ни обойти, ни объехать, зажатые между берегов Прони! Да и сотня Мала выпустила весь имеющийся у нас запас драгоценных стрел с бронебойными (и иже с ними) наконечниками, набив сотни под три ворогов! Постарались и расчеты стрелометов Ратибора... Как дела у последнего, увы, уже не разобрать – с той стороны реки поганые продвинулись далеко вперед, закрыв

собой пронских лучников. Да и сумерки сгущаются с каждым мгновением... Вроде начали отступать соседи чуть позже нас, а вот сумели ли уйти, нет – непонятно. Самим бы спастись...

Но вот уже и оставленные нами лыжи. Добежав до них, вой принялись спешно вдевать ноги в крепления; тяжело дыша, я следую примеру рязанцев. Бросив очередной встревоженный взгляд за спину, с облегчением замечаю, что поганые все же не бегут. Вот если бы побежали, у них еще был бы шанс вновь сблизиться и обстрелять нас, а так...

Зато впереди, где по краю горизонта еще не истончилась полоска стремительно сереющего света, уже явственно различимо багряное зарево разгорающегося пожара. Выходит, мы все-таки успели!

Эпилог

– Княже, тебе пора узнать правду.

Юрий Ингваревич, с радушной улыбкой встретивший нас с Коловратом в гриднице, картинно распахнув руки для широких объятий, заметно напрягся от моего холодного, даже можно сказать, сурового тона. Чуть сощутив свои серые умные глаза, он спросил с недоумением и едва уловимым неудовольствием:

– Какую такую правду?!

Не колеблясь ни мгновения, я твердо и четко произнес:

– Полоняник, которого захватила наша сторожа по осени, не знал ничего. Он даже считать не умел.

Юрий Ингваревич замер в недоумении, опустив руки и, очевидно, пытаясь понять, что я имею в виду. Наконец лицо его чуть прояснилось, но тут же приняло выражение искреннего изумления:

– Тогда кто же вам сообщил о численности орды и о планах Бату-хана?

– Я, княже, я сам.

Сделав короткую паузу, я продолжил, видя, что Юрий Ингваревич явно не понимает, куда я клоню:

– После захвата полоняника у меня было несколько видений. В одном из которых мне была явлена гибель всех ратей земли Рязанской и Муромской у Вороножского острога. В другом я видел уничтоженный пожаром и взятый на меч Пронск. И свою собственную гибель на его стенах... В третьем – сожженную Рязань, а также последний бой боярина Коловрата, о котором ему при встрече и рассказал. В это сложно поверить, но в видении мне были открыты подробности жизни боярина, я узнал о его семье, о том, где они могли спастись... А также предупредил, что Михаил Черниговский не даст помощи, и упросил возвращаться как можно скорее.

Евпатий с почтением склонил голову:

– Это так, княже. Егор тогда рассказал мне кое-что о моей семье, что знать никак не мог. Не только он – никто не мог... А также он указал, где спрячутся от поганых мои родные. Там я их, к слову, живых и невредимых, и нашел, после того как татары осаду с Рязани сняли.

Князь на несколько мгновений буквально оцепенел. После чего, с некоторым усилием прочистив севшее горло, он пронзительно посмотрел мне прямо в глаза и, наконец, твердо спросил:

– Ты знал о гибели Федора?

Вопрос, который я ожидал и ответить на который правдой было очень рискованно. Ведь скажи я полную правду, и Юрий Ингваревич никогда не простит мне того, что, имея пусть даже крохотный шанс спасти его сына, я его не использовал... Вместо этого я спас тысячи жизней простых крестьян из весей, раскиданных по Прони! Но ведь и соврать столь же рискованно – проницателен князь, почувствует ложь и лукавство... Потому я выдал правду в дозированном количестве и избежав ответа на прямой вопрос:

– Мне было видение его гибели, княже. Но, очевидно, в ту ночь видение совпало по времени с самим событием, а может, истина открылась мне и вовсе позднее убийства... Он дрался до конца. И пал как воин, пытаясь пробиться к Батыю и поразить его.

Почернело, помрачнело лицо Юрия Ингваревича, а в глазах его отразилась застарелая отцовская боль, что до конца дней будет жить в его сердце... Замер он ненадолго, а после произнес совершенно чужим, надтреснутым голосом:

– Что же, Егор... Я должен поблагодарить тебя за все.

Но я лишь отрицательно мотнул головой:

– Да не в благодарности дело, княже. Монголы вернутся. Батый вернется, и вернется в большой силе. Булгары разбили татар после Калки, и поганые собирались в поход на запад четырнадцать лет. Но после привели с собой несметное полчище... А мы ведь даже не разбили врага. Мы, в сущности, его лишь обманули! Ну и переиграли их хитрый план, хотя в моих видениях татары разгромили и рязанскую, и владимирскую рати в открытом поле, без особых усилий взяли все встреченные ими города, разорили все до единой веси по Прони и Оке... В других же видениях мне открылось, как поганые использовали мгновенно сгорающую китайскую огнесмесь при штурме Рязани, как с помощью ее они истребили спешенных гридей, защищающих пролом в стене! Именно поэтому я рискнул своей жизнью и жизнями ближников, чтобы уничтожить ее... Но монголы обязательно привезут новый запас огнесмесей и следить за ним будут не в пример тщательнее!

Потратив всего мгновение, чтобы перевести дух, я вновь заговорил:

– Новых видений у меня давно не было. Открылось лишь то, что Бату-хан желает вернуться. Как и его лучший воевода нойон Субэдэй, потерявший в сече под Переяславлем своего сына Кукуджу...

При последних словах князь не удержал мстительной улыбки, после чего спросил уже более-менее спокойно и деловито:

– Я много раз прислушивался к тебе, тысяцкий голова, и ни разу не пожалел о том, что тебя послушал. Послушаю и вновь! Так не томи же, открой: что ныне предлагаешь?

Сердце мое забилося в груди очень быстро – от волнения и даже страха за те слова, ради которых я и затеял текущий разговор. Наконец, решившись, я начал, пусть и немного издалека:

– Ни Рязань, ни Муром в одиночку не выстоят.

Юрий Ингваревич согласно кивнул, после чего вполне спокойно ответил:

– Что же, мы всегда сможем вновь позвать на помощь рать Юрия Всеволодовича.

Однако я вновь отрицательно покачал головой:

– Нет, княже, просто не успеем. Татары отступят в Булгар, там они перезимуют. А в следующий раз – может, и этим летом – они смогут ударить вновь. И со стороны Рязани, и со стороны Мурома, а может, и с обеих сторон... А сколько времени князь Владимира сможет держать свои дружины на юге? И что будет, если татарва пойдет от Нижнего Новгорода уже на его вотчину?

Князь с легким, пока еще только зарождающимся раздражением спросил:

– Что ты предлагаешь, Егор?

В этот раз я ответил, чуть задержав дыхание, словно нырнув в ледяную прорубь:

– Присягнуть великому князю Владимира.

Сзади справа раздался приглушенный возглас Коловрата, на который, впрочем, я не обратил уже никакого внимания:

– Присягнуть ему, признать его старшинство, назвать земли Рязани младшей вотчиной Юрия Всеволодовича. Сбирать ежегодный оброк в его пользу – взамен за защиту. Пусть князь разместит и в Рязани, и в Муроме хотя бы небольшие дружины и обязуется прислать

помощь, как только мы выведаем о выступлении поганых в поход. И наоборот, как только ему потребуется помощь, ты, княже, будешь обязан собрать дружину ему в помощь.

Юрий Ингваревич ошарашенно замер. Мне показалось, что он тут же разразится гневной отповедью! Однако, подавив в себе этот порыв, после недолгого молчания он с нехорошей усмешкой спросил:

– Так, значит, ты предлагаешь мне отказаться от княжества в обмен на горстку владимирских воев, что нам пришлют, да еще и обяжут кормить?!

Я поспешно возразил:

– Нет!!! Нет, княже. Я не закончил... Ни поодиночке, ни в союзе Владимир и Рязань с татарами не сладят. Только то, что расчет Субэдэя награть необходимое количество продовольствия и корма для скотины на нашей земле не оправдался, вынудило поганых отступить. Ну и то, что мы их обманули о приближающейся помощи Чернигова и свежих ратях Владимира, а когда обман раскрылся, разжиться едой в Пронске врагу уже не удалось, и возвращаться под стены Рязани они не стали именно из-за проблем со снабжением... Однако повторюсь: ни поодиночке, ни даже вместе лишь двум нашим княжествам не выстоять. Да всей разрозненной Руси не выстоять под напором поганых! А значит, ей пришла пора сплотиться. Сплотиться вокруг самого сильного из всех князей, возвысить его – возможно, как базилевса, на ромейский манер. И твой пример, княже, станет самым первым, самым показательным и важным! За тобой последуют Ярослав Всеволодович и наследник его княжич Александр. И тогда в царство Русское вольется уже и Новгород... А за ним и ослабевший Полоцк. И Смоленск, коему угрожают литовцы, и Чернигов, в котором сейчас нет даже собственного князя... А объединив силы, мы отобьемся уже не только от татар, но и от литовцев, и от угрожающих Новгороду псов-рыцарей, и от свеев... При этом ты, княже, не перестанешь править своей землей, и внук твой также станет князем рязанским. Но все существующие ныне княжества станут единым целым – как герцогства в королевстве франков, если угодно.

После крошечной паузы я добавил:

– Зато мы всегда сможем объединить рати под единым началом, и не будет так, как на Калке, когда из-за отсутствия единства татары разбили князей по очереди, поодиночке... Не будет также, чтобы кто-

то из князей согласился оказать помощь, а кто-то в ней отказал, как отказал тебе в час опасности Михаил Черниговский... В сущности, княже, именно сейчас решается вопрос не власти, уважения и старшинства на Руси – сейчас решается вопрос нашего общего выживания.

Юрий Ингваревич всерьез задумался над моими последними словами, и я решил ковать железо, пока горячо:

– Есть и еще одна причина, по которой выбор Юрия Всеволодовича, как единого для всех князей базилевса, наиболее предпочтителен.

Выдержав небольшую паузу, пристально наблюдая при этом за реакцией князя (слушает меня внимательно, с интересом!), я продолжил:

– Всеволод Большое Гнездо был женат на ясской царевне. Однако же после поражения Джэбэ и Субэдэя и гибели музтазхира Хаса яское царство распалось на лоскутки, кровно враждующие друг с другом... Они будут враждовать и впредь, пока поганные не разобьют ясов по очереди, завоевав всю землю их целиком, или же пока не объявится пусть и дальний родственник последнего музтазхира, царя ясов... Пока не объявится он во главе хотя бы небольшой, но крепкой дружины, что сможет тягаться с любым из отрядов местных вождей, и защитит претендента на престол. Защитит, пока тот не превратится в настоящее знамя – знамя, вокруг которого объединятся все желающие мира и благоденствия своей земле, все лучшие и мудрые мужи...

Короткий перерыв, чтобы прочистить севшее горло, и я вновь продолжаю:

– Так вот, младший сын Юрия Всеволодовича Владимир или же средний Мстислав – один из них мог бы стать музтазхиром ясов по праву крови! Стать музтазхиром – и оттянуть часть сил поганных на себя... Татары ведь в любом случае явятся за ясами – и разобьют их, потому как те утратили единство и оттого уязвимы. Разобьют их и пополнят свои ряды храбрыми яскими воями, их тяжелыми, бронированными всадниками... А потому, если мы не хотим драться с ясами на своей земле, нужно поспешить предупредить удар монголов.

Вновь прервав свою речь на короткое мгновение, я продолжил:

– Кроме того, новый музтазхир мог бы найти себе союзников в лице касогов. У них сильное войско, и им также придется сражаться

против татар. Наконец, поганые еще не до конца покорили Грузию, и коли грузинской царице Русудан поможет объединенная рать ясов, касогов да русичей под началом Мстислава или Владимира, то и грузины смогут дать поганым отпор, освободить свою землю... Таким образом, татары будут вынуждены или распылять силы, пытаясь преуспеть против потомков Всеволода Большое Гнездо и на юге и на севере, или же ударят всей силой в одной точке. Но ведь тогда мы сможем помочь друг другу! По крайней мере летом, когда по Дону можно отправить судовые рати, способные отбиться от нехристей на реке...

Закончив наконец говорить, я замолчал, с трудом переведя дух. Кажется, столь длинных монологов мне не доводилось вести даже в прошлой жизни! Какое-то время помолчал и князь, как видно, впавший в глубокие раздумья, и я решил-таки подтолкнуть его в нужном направлении:

– Княже, подумай также и о том, что Юрию Всеволодовичу ты скажешь все это глаза в глаза, не упоминая меня. Только представь себе, какова будет благодарность будущего базилевса первому из князей, кто признает его старшим над собой и кто предложит саму мысль о создании единого Русского царства!

Юрий Ингваревич невольно, пусть и невесело усмехнулся, после чего примирительно произнес:

– Хорошо, Егор, я подумаю над твоим предложением.

Сразу не согласился, держит марку! Но прозвучало вполне спокойно, и под «подумаю», как кажется, легко расслышать «я согласен».

Кинув быстрый взгляд на Коловрата, имеющего несколько потрясенный вид (упросив боярина подтвердить мои слова насчет видений, я уже просто не успел разложить ему суть моей задумки), я вновь посмотрел на князя, с некоторым недоумением поднявшего на меня глаза.

– Ты еще что-то хочешь сказать, Егор?

И вот вновь ощущение, что я ныряю в прорубь!

– Княже, сестра Михаила Всеволодовича Пронского Ростислава Всеволодовна... Сейчас она твоя почетная гостья, и ты обещал сосватать ее за меня.

Юрий Всеволодович лишь лукаво улыбнулся в ответ, и я тут же напрягся, предположив, что князь решит теперь устроить единственной наследнице удельного Пронского княжества лучшую партию, выгодную прежде всего для себя. Однако мгновение спустя его лукавая улыбка стала искренней и радушной:

— Ну, так коли обещал, что же, от слова своего отступлюсь? Не бывать тому! Будет тебе по истечении сорока дней траура по брату свадьба — и боярское звание в придачу, тысяцкий голова! Заслужил ведь честной службой, еще как заслужил!